

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2022

№ 12 (636)

Декабрь

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

Журнал издаётся под руководством

Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Том Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); Нобуо Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония) Анжела Стент (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); Кадзухико Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония).

Номер готовили:

В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2022
© Институт США и Канады РАН, 2022
© Редакция журнала «США & Канада»
(составитель), 2022

Russian Academy of Sciences
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2022

No. 12 (636)

December

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2022

© Institute for the U.S. and Canadian
Studies (ISKRAN), 2022

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2022

Содержание

2022, № 12 (636)

Панов А.Н. Японо-американский военно-политический союз: секреты долголетия.....	5
Атанесян А.В. Женщины в вооружённых силах и конфликтах: политика и опыт США.....	19
Карасова Т.А., Хлебникова Л.Р., Штереншис М. Отношение американских евреев и христианских сионистов к политике современного Израиля.....	38
Ретроспектива	
Силаков Н.Ю. Частные фонды во внешней политике США.....	53
Страницы истории	
Бакшаев М.В. Соперничество сверхдержав в странах Африканского Рога и фактор еврокоммунизма в конце 1970-х годов.....	69
Сельское хозяйство	
Солдатенкова О.И. Сельское хозяйство Канады на современном этапе.....	86
Справки	
Юй Чжочао. История наёмничества и механизмы деятельности ЧВК США: новые открытия для Китая.....	101
Книжная полка	
Еремин А.А. Об отношениях США и РФ со странами Латинской Америки после холодной войны.....	113
Содержание журнала за 2022 год	120
Информация для авторов	127

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Любое использование публикаций журнала в коммерческих целях, включая перепечатку или перевод на иностранные языки, без письменного согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал при цитировании или частичном использовании текста публикаций обязательна.

Contents

2022, No. 12 (636)

Panov, A.N. The Japanese-American Military-Political Alliance: Secrets of Longevity.....	5
Atanesyan, A.V. Women in the Armed Forces and Conflicts: The U.S. Policies and Experience.....	19
Karasova, T.A., Khlebnikova, L.R., Shterenshis, M. The Attitudes of American Jews and Christian Zionists towards Politics of Israel.....	38
Retrospection	
Silakov, N.Yu. Private Foundations in U.S. Foreign Policy.....	53
History	
Bakshaev, M.V. Superpowers Rivalry in the Horn of Africa and the Eurocommunism Factor, Late 1970s.....	69
Agriculture	
Soldatenkova, O.I. Modern Agriculture in Canada.....	86
Background Material	
Yi Zhochao History of Mercenarism and the Framework for Operation of the U.S. Private Military Contractors: New Revelations for China.....	101
Bookshelf	
Eremin, A.A. About the Post-Cold War Relations of Russia and the United States with Latin America.....	113
Contents-2022	124

УДК: 327

DOI: 10.31857/S268667302212001X

EDN: GXSBEA

Японо-американский военно-политический союз: секреты долголетия

А.Н. Панов

Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова

Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д.2/3.

РИНЦ ID: 626113

ORCID: 0000-0003-0236-3756 e-mail: panov.taishi@yandex.ru

Резюме: В статье анализируются причины создания японо-американского военно-политического союза, факторы, способствовавшие его существованию после заключения в 1951 г. первого Договора о гарантии безопасности между Японией и США.

В настоящее время «наследник» этого Договора заключенный в 1960 г. Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности является фундаментом союзнических отношений Токио и Вашингтона.

Рассматриваются содержание договоров, обязательства сторон согласно их статьям и эволюция трактовок взаимных обязательств по мере изменения международной обстановки и ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

При этом оцениваются растущие возможности Японии играть более самостоятельную роль в двустороннем союзе и причины, по которым Токио не идёт на их реализацию.

Ключевые слова: Договор о гарантии безопасности, Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности, «доктрина Ёсиды Сигэру», возвращение архипелага Рюкю, создание японских сил самообороны, конституция Японии

Для цитирования: Панов А.Н. Японо-американский военно-политический союз: секреты долголетия. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2022; 52 (12): 5–18. DOI: 10.31857/S268667302212001X EDN: GXSBEA

The Japanese-American Military-Political Alliance: Secrets of Longevity

A.N. Panov

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,

Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3. Khlebny pereulok, 121069 Moscow, Russian Federation

РИНЦ ID: 626113

ORCID: 0000-003-0236-3756 e-mail: panov.taishi@yandex.ru

Abstract: The article analyses the reasons of creation Japanese-American Military-political Alliance, the factors, which are conducive for its existence after a conclusion in the year 1951 the first Treaty on security guarantee between Japan and the Unites States.

In present times «successor» of this treaty the Treaty of mutual cooperation and security between Japan and the United States which was concluded in the year 1960 constitutes the foundation of the Alliance relations between Tokyo and Washington.

The article analyses the content of these treaties, the obligations of the participants according to the articles of the treaties and evolution of the interpretations of mutual obligations in accordance with changes in international situation and relations in Asia-Pacific region.

With it all, the article evaluates the growing possibilities of Japan to play more independent role in bilateral alliance and reasons why Tokyo is not taking steps to realize them.

Keywords: The Treaty on security guarantee, the Treaty of mutual cooperation and security, «the Yoshida Shigeru doctrine», reversion the Ryukyu Islands, creation of the Self-Defense Forces, Constitution of Japan

For citation: Panov A.N. The Japanese-American Military-Political Alliance: Secrets of Longevity. US & Canada: Economics, Politics, Culture. 52 (12): 5–18.

DOI: 10.31857/S268667302212001X EDN: GXSEBA

ВВЕДЕНИЕ

Среди двусторонних межгосударственных военно-политических союзов японо-американский является рекордсменом-долгожителем.

Действующий и поныне Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности (Договор безопасности), составляющий фундамент союзнических отношений Токио и Вашингтона, был подписан 19 января 1960 г., то есть 62 года тому назад. Однако точнее вести отсчёт начала японо-американского военно-политического союза следует со времени заключения между Японией и США 8 сентября 1951 г. Договора о гарантии безопасности. Это произошло непосредственно после того, как было подписано соглашение с Японией и странами, победившими её во Второй мировой войне. Сан-Францисский мирный договор вернул Токио независимость и суверенитет, завершил период шестилетней оккупации страны. Таким образом, несложный подсчёт показывает, что военно-политический союз между Токио и Вашингтоном сохраняется более 70 лет.

Японо-американским отношениям посвящено значительное количество исследований, анализирующих различные аспекты двустороннего союза.

Вместе с тем причины «долгожительства» японо-американских договорных обязательств и даже само содержание этих обязательств изучены, как представляется, недостаточно.

В статье показаны истоки формирования военно-политического союза Японии и США, его значение для каждого из участников на протяжении длительного периода времени и эволюция при радикальных переменах региональной и глобальной политики.

ЗАРОЖДЕНИЕ СОЮЗА

Япония, потерпевшая сокрушительное поражение во Второй мировой войне и впервые в своей истории подвергнутая оккупации союзными державами, смирилась с участью «проигравшего».

Задача оккупационной политики, а главенствующую роль в её осуществлении играли США, заключалась в том, чтобы не допустить в будущем возрождения японского милитаризма. С этой целью были проведены радикальные буржуазно-демократические преобразования в политической, экономической и социальной структурах страны, ликвидированы вооружённые силы.

После отстранения от власти придворной аристократии, руководителей довоенных партий и националистических организаций, военной верхушки, владельцев финансово-монополистических групп («дзайбацу»), политиков сформировался новый состав правящей элиты Японии.

На ведущие позиции в руководстве страны вышли политические деятели и представители государственной бюрократии, которые с довоенного времени проявляли «симпатии к западной демократии». Они не видели иного пути выживания и возрождения страны иначе, как через коренную модернизацию всех сфер государственного устройства в соответствии с «передовыми западными стандартами». Таким образом, задача оккупационных властей и цели новой японской элиты совпали.

В 1947 г. была принята новая конституция страны, в которой провозглашался отказ от обладания вооружёнными силами и «от войны как суверенного права нации, а также от угрозы применения вооружённой силы как средства разрешения международных споров».

Была сформулирована получившая фактически консенсусное одобрение в правящих кругах страны концепция, согласно которой Япония не будет развивать военный потенциал, а сконцентрируется на решении стратегической задачи экономического возрождения страны. Эта концепция получила наименование как «доктрина Ёсиды Сигэру», одного из её активных проповедников. Выходец из дипломатической службы он в довоенное время имел репутацию «проамерикански настроенного» деятеля, а после войны возглавлял японское правительство в 1946–1947 гг. и в 1948–1954.

Конечно, не все представители японской политической и деловой элиты и тем более широкие круги демократической общественности, получившие в первое послевоенное время значительную свободу действий, были согласны с безусловной ориентацией на США.

Как отмечает видный японский учёный Симотомаи Нобуо, в японских правящих кругах уже в первые послевоенные годы были сформированы «проамерикански настроенные» круги.

риканская фракция» во главе с Ёсидой и «фракция независимости», лидером которой выступал Хатояма Итиро [Симотомаи Нобуо. 2021: 28, 30].

Для «проамериканской фракции» ориентация на США не имела альтернативы. Уже 20 марта 1947 г. премьер-министр Ёсида в интервью заявил: «Мы имеем на севере серьёзного врага» [Симотомаи Нобуо. 2021: 107]. Не скрывалось, что «серьёзный враг» — это Советский Союз, который стремится распространить своё влияние на основе коммунистических идей на Восточную Азию, поддерживает коммунистов Китая в гражданской войне с Гоминьданом.

«Фракция независимости», конечно же, не выступала в оккупационный период с антиамериканскими лозунгами. Однако считала, что даже в условиях оккупационного режима японское правительство могло бы более чётко отстаивать японские интересы. Не случайно оккупационные власти не доверяли Хатояме и под малообоснованным предлогом отстранили его от политической деятельности, что открыло дорогу к власти Ёсиде.

По мере нарастания противоречий между США и Советским Союзом, с началом эпохи холодной войны в Вашингтоне меняется отношение к Японии. Из «проигравшей парии» она постепенно превращается в союзника.

ДОГОВОР О ГАРАНТИИ БЕЗОПАСНОСТИ 1951 года

В конце 1949 г., то есть ещё до начала войны в Корее, в Государственном департаменте США была согласована позиция в пользу сохранения американского военного присутствия в Японии по завершении её оккупации. В ноябре 1948 г. Совет национальной безопасности США принял решение о целесообразности поощрить создание японских полицейских сил «полувоенного назначения», и в июле 1950 г. начался набор и подготовка состава этих сил. К подписанию Сан-Францисского мирного договора в Японии уже было сформировано под руководством американских офицеров четыре подразделения резервного полицейского корпуса в составе 75 тыс. человек. При этом были отменены ограничения на службу в корпусе офицеров бывшей японской императорской армии [PostWar Japan. 1973: 233].

После победы Коммунистической партии Китая в гражданской войне и образования КНР и особенно с началом войны в Корее США окончательно утвердились в позиции о сохранении не ограниченной по времени оккупации архипелага Рюкю, а также использовании своих военных баз на основной территории Японии в целях противодействия «китайской коммунистической революции», недопущения вторжения китайских войск на Тайвань и в качестве тыловой базы в ходе корейской войны.

8 сентября 1951 г. одновременно с мирным договором Токио и Вашингтон подписали Договор о гарантии безопасности между Японией и США.

Договор разрабатывался, когда Япония продолжала находиться под американской оккупацией, и в руководстве Соединённых Штатов Америки не скрывали, что он был «неравноправным» [PostWar Japan. 1973: 241]. Госсекретарь Кристиан Гертер на слушаниях в Конгрессе в 1960 г. признавал, что договор не был «соглашением между двумя суверенными нациями» [PostWar Japan. 1973: 242]. Примечательно, что договор с японской стороны подписал премьер-министр Ёсида, а с американской – госсекретарь Дин Ачесон.

Японские правящие круги исходили из того, что согласие с условиями договора является неизбежной и необходимой «платой» за обретение суверенитета и обеспечение безопасности страны в эпоху начавшейся холодной войны.

В преамбуле договора объясняются причины, по которым Япония пошла на его заключение. Основной мотив состоял в том, что «Япония не располагает эффективными средствами для осуществления своего неотъемлемого права на самооборону, ибо она разоружена». В связи с этим Япония «желает, чтобы в качестве временного мероприятия по её обороне Соединённые Штаты Америки содержали свои вооружённые силы в Японии и вблизи неё для предотвращения вооружённого нападения на Японию».

Эти вооружённые силы США могли быть использованы в двух целях – «способствовать делу поддержания международного мира и безопасности на Дальнем Востоке», а также «обеспечивать безопасность Японии от нападения извне, включая помощь, предоставляемую по специальной просьбе японского правительства для подавления крупных внутренних бунтов и беспорядков, вызванных путём подстрекательства или вмешательства со стороны одной или двух, или большего числа иностранных держав».

Под такими державами подразумевались прежде всего Советский Союз и КНР, имевшие тесные связи с японской компартией, руководство которой весной 1951 г. приняло так называемую «военную программу», предусматривающую курс на насильственную революцию и «вооружённую борьбу рабочих и крестьян в форме рабочих восстаний и крестьянской партизанской войны» [Симотомаи Нобуо.2021: 208–209].

Следует также отметить, что в первые послевоенные годы во многом под воздействием демократических реформ и недовольства широких слоёв населения бедственным материальным положением вследствие экономической разрухи в стране развернулось невиданное в японской истории по масштабам протестное движение народных масс. Оккупационные власти неоднократно «спасали» японское правительство, принимая всё более жёсткие меры против демонстраций и забастовок.

Статья III договора предусматривала заключение двустороннего административного соглашения для определения условий размещения американских войск на японской территории. В январе 1952 г. такое соглашение было подписано.

Согласно его положениям, американские власти получали право создавать на японской территории свои военные базы, а японское правительство должно было обеспечивать потребности американских вооружённых сил обслуживающим персоналом, необходимым оборудованием и инфраструктурой.

При этом американским военнослужащим и их семьям была обеспечена экстерриториальность, то есть только американские власти и военные суды в Японии имели право осуществлять юридические действия в отношении них.

Данное положение вызвало весьма серьёзное недовольство в широких кругах японской общественности, способствовало росту антиамериканских настроений. В результате по инициативе японского правительства текст этой статьи был пересмотрен. В новом варианте в отношении американских военнослужащих и членов их семей могла применяться как юрисдикция США, так и юрисдикция Японии. Однако на практике подавляющее большинство уголовных преступлений американских военнослужащих рассматривались не японскими гражданскими судами, а американскими военными судами.

В Японии были противники заключения Договора о гарантии безопасности, среди которых наиболее активно выступали Социалистическая и Коммунистическая партии, профсоюзные объединения, немалое количество различных обществ, деятелей культуры и науки. Они оказывали значительное влияние на формирование общественного мнения, решительно осуждая милитаристскую, агрессивную политику довоенной Японии, требуя отказаться от возрождения военной политики, создания военного союза, от возможности втягивать страну в новые военные авантюры.

Однако среди них не было единства в понимании тех целей, которых следовало добиваться и, следовательно, отсутствовали совместные акции против создания военного союза между Японией и США и сохранения на японской территории американских вооружённых сил.

В октябре 1951 г. японский парламент ратифицировал Сан-Францисский мирный договор и японо-американский Договор о гарантии безопасности.

В преамбуле Договора о гарантии безопасности США высказались за то, чтобы Японии во «всё большей мере принимала на себя ответственность за собственную оборону против прямой и косвенной агрессии, всегда избегая такого вооружения, которое заключало бы в себе угрозу нападения...»

Таким образом, США поощряли Японию создавать собственный военный потенциал, но не до уровня способности осуществлять нападения на соседние государства — прозрачный намек на японское милитаристское прошлое.

Японское правительство незамедлительно воспользовалось указанным «поощрением», и уже 1 августа 1952 г. сформированный год назад резервный полицейский корпус был преобразован в корпус национальной безопасности чис-

ленностью в 110 тыс. человек. 29 сентября 1953 г. этот корпус получил статус сил самообороны, то есть фактически вооружённых сил страны.

1 июля 1954 г. был принят закон «О создании Управления национальной обороны и формировании сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил». Этот день отмечается в Японии как День основания сил самообороны.

Таким образом, фактически было нарушено положение конституции страны, запрещающее создание собственных вооружённых сил.

Наконец, в мае 1957 г. японское правительство приняло документ «Основной курс национальной обороны», который на долгие годы определил политику страны в сфере безопасности.

Подписав и ратифицировав Договор о гарантии безопасности с США, Япония взяла курс на умеренное и сбалансированное развитие своих вооружённых сил. С одной стороны, это объяснялось конституционными ограничениями, а с другой – всё той же доктриной с акцентом на продолжение политики первостепенного внимания к экономическим и социальным проблемам и на этой основе – повышения международной роли и авторитета страны, а также её позиций в союзе с США.

К концу 50-х годов XX века Япония уже имела хорошо оснащённые собственные вооружённые силы. Однако сохранялись ограничения на оснащение сил самообороны наступательными видами вооружений, на использование вооружённых сил для решения задач коллективной, то есть совместной с американскими войсками обороны, а также запрет направлять вооружённые силы для участия в миротворческих операциях по линии ООН и на экспорт оружия.

ДОГОВОР О ВЗАИМНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ГАРАНТИИ БЕЗОПАСНОСТИ 1960 ГОДА

К середине 50-х годов XX века в японских правящих кругах на фоне успешного развития экономики и формирования собственных вооружённых сил вызревают устойчивые настроения в пользу пересмотра Договора о гарантии безопасности, устранения унизительных для Японии положений и придания союзническим отношениям с США более равноправного характера.

Инициатором пересмотра Договора выступило правительство Хатоямы, сформированное в 1955 г. и стремившееся придать японской внешней политике активную и сбалансированную направленность. С одной стороны, это правительство выступило за нормализацию отношений с Советским Союзом, а с другой, не ставя под сомнение союзнические отношения с США, поставило задачу добиваться от Вашингтона начала переговоров по заключению нового документа взамен Договора о гарантии безопасности.

Указанную линию проводил и возглавлявший японское правительство в феврале 1957 г. Киси Нобусукэ. За свою довоенную деятельность на важных правительственных постах он после войны был осуждён как военный преступник и несколько лет провёл в тюрьме. Он придерживался националистических взглядов, но подчёркивал необходимость укреплять союзнические связи с США. При этом выступал против выбора Японии в пользу политики нейтралитета, превращения страны в «прокоммунистическое государство».

На переговорах с президентом США Д. Эйзенхауэром в июне 1957 г. Киси подчёркивал, что в Японии растёт национализм, который, по его словам, подпитывался односторонней ориентацией Токио на Вашингтон и «упущениями» в двустороннем Договоре о гарантии безопасности [Вербицкий С.И. 1972: 34–35].

Американцы нехотя согласились начать переговоры по пересмотру Договора о гарантии безопасности, но преднамеренно затягивали переговорный процесс, который продолжался около двух лет.

Японское правительство, напротив, пыталось его ускорить, обращая внимание американской администрации на то, что среди широких слоёв населения растёт недовольство по поводу сохранения на японской территории значительного количества американских вооружённых сил, обладающих фактически экстерриториальным статусом.

В широких кругах японской общественности начал дебатироваться вопрос о возможности для Японии стать на путь нейтралитета.

Свою позицию по проблеме японского нейтралитета сформулировал Советский Союз. 2 декабря 1958 г. японскому правительству была направлена нота советского правительства, в которой подчёркивалось, что японским интересам отвечает политика нейтралитета, и Советский Союз «готов взять на себя торжественное обязательство уважать нейтралитет Японии» [1].

Японское правительство не приняло предложение, отметив, что при сложившемся международном положении «ни одно государство не может обеспечить свою безопасность своими собственными силами» [Вербицкий С.И.1972: 62].

Следует иметь в виду, что США не допустили бы перехода Японии на путь нейтралитета. Для этого у них имелись немалые возможности, прежде всего поддержка консервативных, проамерикански настроенных, правящих кругов. Как отмечали в то время американские исследователи, «Соединённые Штаты никогда не позволяли Японии осуществлять свой собственный выбор в отношении какого-либо международного присоединения, что могло бы наилучшим образом отвечать её национальным интересам, как она их рассматривала» [The United States and Japan.1966: 42-43].

После продолжительных японо-американских переговоров проект договора был опубликован в прессе в октябре 1959 года.

19 января 1960 г. новый документ, получивший название Договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности между США и Японией (Договор безопасности), был подписан. В отличие от Договора 1951 года в название были

добавлены слова «о взаимном сотрудничестве», чтобы уже в заглавии указать на новый характер определявшихся в нём союзнических отношений.

Однако вновь полного равенства не получилось. За Соединённые Штаты первую подпись поставил не президент, а государственный секретарь, а за Японию – премьер-министр Киси Нобусукэ.

Анализ содержания Договора показывает, что японскому правительству удалось добиться довольно серьёзных, выгодных для Японии положений.

Прежде всего, получило формулирование условий, при которых США выступят на защиту Японии, если возникнет угроза нападения на неё.

Согласно Статье V определено, что вооружённое нападение на любую из сторон, находящихся под управлением Японии, было бы опасным для её собственного мира и безопасности, и «в связи с этим каждая сторона предпримет усилия для отражения общей опасности в соответствии со своими конституционными положениями и процедурами».

Таким образом, Япония получила гарантии, что вооружённые силы США осуществят совместно с японскими вооружёнными силами действия по отражению нападения на территорию, находящуюся под японским административным контролем.

Вместе с тем в Договоре обойдено указание на то, какими средствами США будут отражать нападение на Японию, прежде всего, будет ли использовано ядерное оружие. Американская сторона уходила от разъяснений на этот счёт.

Наконец, японское правительство выступило с «разъяснением» о том, что положение совместного коммюнике по итогам переговоров в январе 1965 г. премьер-министра Сато Эйсаку и президента Линдона Джонсона, в котором содержится обещание США защитить Японию от любого нападения, означает, что в соответствии со Статьей V Договора безопасности США будут защищать Японию от любого нападения, включая использование ядерного оружия[2].

Американская сторона не возражала против такого толкования коммюнике. Таким образом, японская сторона исходит из того, что Япония получила от США «ядерные гарантии». Тем не менее, американские официальные представители на всех уровнях, как правило, воздерживаются от конкретизации обязательств США по Статье V Договора безопасности, включая ссылки на американский «ядерный зонтик» над японскими территориями.

По Договору безопасности японские вооружённые силы не брали на себя обязательств оказывать содействие или поддержку при проведении американскими силами военных действий вне японской территории.

При толковании географических рамок положения Статьи VI об использовании американских баз на японской территории «в целях содействия безопасности Японии и поддержания мира и безопасности на Дальнем Востоке», в Ва-

Вашингтоне однозначно исходили из того, что понятие «Дальний Восток» включает любые районы, находящиеся к северу от Филиппин.

Критики Договора указывали на то, что если находящиеся на территории Японии американские базы будут вовлечены в вооружённые действия США в регионе и могут подвергнуться нападению третьей стороны, то удар по ним неизбежно нанесёт ущерб японским территориям вблизи баз, да и всей территории страны.

В то время в Вашингтоне полагали, что американской военной мощи будет достаточно для того, чтобы обеспечить собственными силами победу в любом региональном конфликте. Однако война во Вьетнаме убедительно опровергла это самонадеянное заключение.

Привлечь же японские вооружённые силы к борьбе с вьетнамской армией и партизанами не было возможности не только в силу положений союзного договора, но и соответствующих запретов по японской конституции. Япония ограничила поддержку американской войне во Вьетнаме, оказывая материально-техническое обеспечение, за которое получила существенную экономическую выгоду. Повторился сценарий поддержки Токио американского союзника в период корейской войны. Тогда размещение на японских предприятиях большого количества военных заказов позволило Японии заработать значительные средства, которые сыграли важную роль в восстановлении послевоенной экономики и возрождении некоторых производств военного назначения.

В Вашингтоне начинают обращать внимание на «неравноправный» для американской стороны характер Договора безопасности по мере постепенной утраты США своего военного превосходства в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Сначала американцы начали порицать японцев «за бесплатный проезд», то есть за малые расходы на собственную оборону, в то время как США обеспечивают её, выделяя значительные средства. В дальнейшем это вылилось в требование к японскому правительству увеличить ассигнования на содержание инфраструктуры американских военных баз на японской территории и оплату обслуживающего японского персонала.

Наконец, последовали и прямые упреки в «неравноправном характере» обязательств сторон по союзному договору. Особенно откровенно высказался на эту тему президент США Д. Трамп.

В ходе беседы с премьер-министром Абэ Синдзо 27 июня 2019 г. Д. Трамп, как он потом раскрыл содержание их беседы, сказал главе японского правительства: «Если кто-то атакует Японию <...> мы вступим в сражение всеми силами <...> Если кто-то решит атаковать Соединённые Штаты, вы не должны делать этого же. Это нечестно» [3].

Согласно Статье VI Договора, «в целях содействия безопасности Японии и поддержания международного мира и безопасности на Дальнем Востоке Соеди-

нённым Штатам Америки предоставляется право использования их сухопутными, военно-воздушными и военно-морскими силами средств обслуживания и территорий в Японии».

Таким образом, США получали право использовать свои базы и вооружённые силы, дислоцированные в Японии, для ведения военной деятельности и участия в вооружённых конфликтах на Дальнем Востоке, причём его географические рамки не были определены.

Во-вторых, японской стороне удалось добиться от Вашингтона согласия проводить совместные консультации.

Согласно Статье VI такие консультации о выполнении договора будут проводиться «по просьбе любой из сторон», но особенно в случае «когда окажутся под угрозой безопасность Японии или международный мир и безопасность на Дальнем Востоке».

Конкретное содержание возможных консультаций было разъяснено в обменных нотах, и они получили название «предварительные консультации». Их проведение осуществляется по требованию одной из сторон, если предстоят «значительные» изменения в дислокации американских войск и их оснащение на японской территории, а также в случае использования американских баз для проведения боевых операций.

Следует отметить, что за весь срок действия договорённости о «предварительных консультациях» они никогда не проводились, хотя необходимые поводы для этого были.

Так, несмотря на то что японское правительство официально приняло как основу своей политики три «безъядерных принципа» (не производить, не ввозить и не применять ядерное оружие), американские военные корабли и подводные лодки заходили и заходят на базы на японской территории с ядерными боеприпасами на борту, что, в общем-то, не отрицается американскими военными. Однако поскольку ни японская, ни американская сторона не запрашивают «предварительные консультации» о том, имеется ли на борту этих судов ядерное оружие, делается вид, что такого оружия там нет [Лешке В.Г. 1983:67–77].

В-третьих, в Договор 1960 г. не вошло положение Договора 1951 года о наделении американских вооружённых сил полицейскими функциями по противодействию антиправительственным выступлениям. Создав серьёзные полицейские силы, японские правящие круги посчитали, что способны справиться с внутренними беспорядками собственными средствами.

Административное соглашение 1952 года было несколько модернизировано и стало именоваться Соглашением о дислокации в Японии войск Соединённых Штатов и их обслуживания, что в большей степени отвечало его содержанию.

Наконец, в отличие от фактически бессрочного характера первого договора, в новом устанавливается срок действия в десять лет. Вместе с тем оговаривается, что по истечении этого срока любая из сторон может уведомить другую сторону

о своём намерении прекратить действие документа, и в этом случае оно прекращается через год после такого уведомления.

Против подписания, а затем и ратификации Договора в Японии была развернута невиданная по масштабам в послевоенное время борьба.

В результате был сорван визит в Токио президента США Д. Эйзенхауэра. Договор был ратифицирован японским парламентом в июне 1960 г. только после применения насильственных действий в отношении несогласных с ним депутатов, а также при нарушении процедур голосования.

Заключение договора серьёзно обострило внутривнутриполитическую ситуацию в стране. Правительство Киси было вынуждено уйти в отставку.

Советский Союз выступал решительно против заключения Договора безопасности, развернул пропагандистскую кампанию поддержки его противников в Японии. Японскому правительству советовалось принять политику невооружённого нейтралитета.

Недовольство Москвы серьёзным укреплением японо-американского военно-политического союза вылилось в две памятные записки советского правительства японскому правительству 27 января и 22 апреля 1960 г. В них заявлялось о том, что содержащееся в советско-японской Совместной декларации 1956 г. обещание советской стороны передать острова Хабомаи и Шикотан после заключения между Москвой и Токио мирного договора может быть осуществлено «только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии» и что «территориальный вопрос между СССР и Японией решён». Таким образом, фактически Москва приняла политическое решение отказаться от одной из статей Совместной декларации. Между тем, декларация была ратифицирована Верховным советом СССР и в соответствии с международным правом не могла быть частично изменена на основе политического решения.

Как бы то ни было, но на долгие годы проблема непризнания советской, а впоследствии российской стороной действительности статьи 9-ой Совместной декларации стала одной из центральных в двусторонних отношениях.

Когда осенью 2018 г. премьер-министр Японии Абэ Синдзо предложил президенту В.В. Путину начать переговоры по мирному договору между двумя странами на основе статьи 9-ой Совместной декларации, то последовали высказывания российских официальных представителей о том, что Москва не может не учитывать возможности появления на островах Хабомаи и Шикотан в случае их передачи Японии американских военных баз в соответствии с Договором безопасности. Таким образом, это был «отсыл» к памятным запискам советского правительства 1960 года.

ПРОДЛЕНИЕ ДОГОВОРА БЕЗОПАСНОСТИ В 1970 ГОДУ

В связи с истечением в 1970 г. десятилетнего срока действия Договора безопасности в Японии начались дебаты по поводу того, следует ли его продлить, пересмотреть или не продлевать.

Большинство наиболее авторитетных политиков правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) полагали целесообразным «автоматически продлить» срок действия договора. В противном случае, утверждали они, в стране может повториться острый внутривластный кризис 1960 года.

Но молодые, амбициозные и националистически настроенные члены партии, среди которых особо выделялся будущий премьер-министр Накасонэ Ясучиро, выступали за корректировку Договора, придания ему в большей степени равноправного характера, за постепенное наращивание собственных возможностей по обороне Японии и в конечном счёте за аннулирование «со временем» Договора безопасности и заключение нового договора без дислокации американских войск на японской территории.

Так называемые «умеренные консерваторы» исходили из того, что Япония сталкивается не с угрозой агрессии со стороны какого-либо государства, а возможностью вовлечения страны из-за наличия Договора безопасности в войну на стороне США, которые в то время всё больше увязали во вьетнамской войне.

В результате победила точка зрения сторонников «автоматического продления Договора на довольно продолжительное время», которые дополнительно мотивировали свою позицию тем, что его пересмотр и тем более аннулирование могут воспрепятствовать согласию США на возвращение островов Рюкю.

Оппозиция не была едина в вопросе продления Договора безопасности после 1970 года.

Разногласия среди оппозиционных партий и поддерживающих их организаций относительно Договора безопасности не позволили организовать массовые выступления против его продления.

Вашингтон устраивало «автоматическое продление» Договора безопасности, то есть не сулило появления больших проблем.

На переговорах в Вашингтоне в ноябре 1969 г. премьер-министра Э. Сато и президента Р. Никсона было официально объявлено об автоматическом продлении срока действия Договора безопасности за рамками 1970 года.

В дальнейшем Токио и Вашингтон договорились автоматически продлевать Договор безопасности до тех пор, пока одна из сторон заранее (за год) не предупредит о намерении отказаться от него.

(Окончание см. «США & Канада: экономика, политика, культура», 2023, № 1)

ИСТОЧНИКИ

1. «Правда». 3.12.1958.
2. «Асахи Симбун», 29 .01.1965.
3. «Асахи Симбун», 29 06.2019.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Симотомаи Нобуо. Япония в холодной войне (1945–1956). Пер. с японского. М.: Изд-во «Серебряные нити», 2021. 303 с.

Вербицкий С.И. Японо-американский военно-политический союз (1951–1970 гг.). М.: Наука, 1972. 284 с.

Лешке В.Г. Японо-американский союз. Итоги трёх десятилетий. М.: Наука, 1983. 159 с.

REFERENCES

Leshke V.G. Japanese-american alliance. The results of three decades. Moscow: Nauka, 1983, 159 p.

PostWar Japan. 1945 to the Present. Ed. by Livingston, Joe Moore and Fellicia Oldfather. New York, 1973. P. 233.

Shimotomai Nobuo. Japan in Cold War. 1945-1956. Translation from Japanese. Publishing house "Silver strings", Moscow, 2021, 303 p.

The United States and Japan. New York. 1966.

Verbitshkyi S.I. Japanese-american military-political alliance (1951-1970), Moscow: Nauka, 1972, 284 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПАНОВ Александр Николаевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Профессор МГИМО МИД РФ. Российская Федерация, Москва, 119454, проспект Вернадского, д.76.

Alexander N. PANOV, Doctor of Sciences (Politics), Chief Researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3. Khlebnny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Professor MGIMO University. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 24.08.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 15.09.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 17.09.2022.

УДК 355.02

DOI: 10.31857/S2686673022120021

EDN: GXYORT

Женщины в вооружённых силах и конфликтах: политика и опыт США

А.В. Атанесян

Ереванский государственный университет.

Армения, Ереван 0025, ул. Алека Манукяна, д. 1.

Researcher ID AAZ-9173-2021 Scopus Author ID: 53868717600 РИНЦ ID: 962408

ORCID: 0000-0001-8458-2447 e-mail: atanesyan@yandex.ru

Резюме: Интеграция женщин в вооружённые силы различных стран стала частью эволюционного процесса трансформации традиционных обществ с преимущественно мужским участием в обеспечении безопасности на уровне формальных и неформальных структур и институтов, в систему относительно равноправного участия мужчин и женщин (как минимум – на уровне декларируемых прав). Увеличение числа женщин-военнослужащих и качественное расширение их прав и возможностей в армиях различных стран мира, в том числе в США, сопровождалось конфликтом ценностей и интересов и стало следствием целого ряда факторов. Исследование охватывает основные этапы реализации политики в области интеграции женщин в вооружённые силы США начиная с Первой мировой войны и включает анализ сопровождавших данные реформы концептуальных споров, ценностных конфликтов внутри американского общества по поводу пересмотра традиционной роли женщин, а также конфликтов интересов внутри политических элит США. Проведение реформ по расширению численного состава, прав и обязанностей женщин в вооружённых силах США нередко было частью внутривнутриполитического конфликта между правящими и оппозиционными элитами, а также следствием внешнеполитических конфликтов с военной составляющей, в которых Соединённые Штаты принимали участие. Изучение опыта США по интеграции женщин в вооружённые силы и преодолению сопровождавших реформы конфликтов внутри общества, политических элит и воинских коллективов может быть полезным как в целом, так и в качестве отдельных подходов и решений.

Ключевые слова: вооружённые силы США, конфликты ценностей и интересов, женщины на военной службе, политика модернизации, интеграция

Для цитирования: Атанесян А.В. Женщины в вооружённых силах и конфликтах: политика и опыт США. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2022; 52 (12): 19–37. DOI: 10.31857/S2686673022120021 EDN: GXYORT

Благодарности: Основная часть исследования проведена на базе Университета Мэриленд (Колледж Парк, США) в рамках программы Фонда Фулбрайта в январе–августе 2020 г. Автор выражает благодарность Дэвиду и Мэйди Сигал, а также Мэредит Клейкам за ценные советы в исследовании вопросов службы женщин в ВС США.

Women in the Armed Forces and Conflicts: The U.S. Policies and Experience

Arthur V. Atanesyan

Yerevan State University.

1, Alex Manoogian St., Yerevan 0025, Armenia.

Researcher ID AAZ-9173-2021 Scopus Author ID: 53868717600 PИИЦ ID: 962408

ORCID: 0000-0001-8458-2447 email: atanesyan@yandex.ru

Abstract: The gradual integration of women in armed forces, expansion of their roles and duties, accumulation of their experience in studying at military academies, serving in army units, living in barracks, and taking part in combat operations, is a matter of evolution of the armies and the societies in general. In the paper, we look at some main political, conceptual, and military trends which determined modernization and affected the further involvement of women in the United States Armed Forces in the XX-XXI centuries. The study includes an analysis of the conceptual disputes that accompanied these reforms, value conflicts within the American society over the revision of the traditional role of women, as well as conflicts of interest within the US political elites. Reforms to expand the size, rights, and responsibilities of women in the US military have often been part of an internal political conflict between the ruling and opposition elites, as well as a consequence of foreign policy conflicts with a military component in which the United States was involved. The multilevel experience and complex approach which the USA adopted while constructing the necessary balance of rights, duties, opportunities, and functions of women in the Armed Forces might serve as a model for security sector reforms in other countries.

Keywords: U.S. Armed Forces, conflicts of values and interests, women in the military service, politics of modernization, integration

For citation: Atanesyan A.V. Women in the Armed Forces and Conflicts: The U.S. Policies and Experience. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52(12): 19-37. DOI: 10.31857/S2686673022120021 EDN: GXYORT

Acknowledgements: The paper is a part of the Fulbright-funded research conducted at the University of Maryland (College Park), January-August 2020. The author expresses his gratitude to David and Mady Segal and Meredith A. Kleykamp for their comments and friendly advice while discussing the topic.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к изучению американского опыта вовлечения женщин в вооружённые силы и их адаптации на различных уровнях функционирования военных структур связан с целым рядом факторов, в частности:

1) поэтапностью и комплексностью вовлечения женщин в вооружённые силы США, позволяющими судить о системных, а также производных проблемах включения женщин в военную службу. Длительный процесс интеграции и адаптации женщин в ВС США, начиная с их участия в качестве медсестёр и заканчивая их службой во всех родах войск, включая боевые подразделения, в воинских званиях вплоть до генералов, позволяет судить о полезности реализованной политики интеграции женщин в вооружённые силы США в целом, а также отдельных этапов/компонентов в частности, для модернизации армий других стран;

2) высокими количественными показателями вовлечённости женщин в ВС США, в частности в военных действиях, и апробацией различных подходов к обеспечению конкурентной функциональности женщин-военнослужащих в мирное и военное время;

3) активным использованием военно-социологических исследований на различных этапах формулирования и обоснования политики интеграции и адаптации женщин в ВС США, демонстрирующими возможности применения методологии военно-социологических исследований, в частности в модернизации вооружённых сил.

Опыт адаптации и интеграции женщин в ВС США нельзя считать одномерным и поступательным. Так, модернизационные решения, нацеленные на расширение количества и полномочий женщин в ВС, почти всегда чередовались с выводами о нежелательности поспешных действий, сталкивались с негативным общественным мнением и стереотипами, пересматривались и замораживались вновь избранными политическими элитами, которые нередко сами же потом возвращались к курсу на вовлечение женщин в военную службу, причём на новом уровне и с большей интенсивностью.

Образ женщин-военнослужащих изначально и на протяжении длительного времени сопровождался стереотипными общественными восприятиями, не поощрявшими выбор женщинами военной службы как призвания и профессии. Подобные стереотипы и по сей день существуют во многих обществах, включая американское, однако на начальных этапах включения женщин в военную службу они особенно влиятельны. В частности, как пишет Мелисса Герберт (*Melissa S. Herbert*), в американском обществе 1940-х годов считалось, что, «если девушка по своему желанию записалась в вооружённые силы, значит, с ней что-то не так». Могли звучать предположения, что такая девушка, скорее всего, ищет себе мужа, или же разнообразие в выборе партнёров. Кроме того, «настоящая женщина», если с ней всё нормально, не может хотеть жить в окопах, неделями обходиться без душа и делать другие «мужские вещи». Общественные восприятия о женщинах, желавших служить в армии, поляризовывались, а девушки, принимавшие решение служить в вооружённых силах, как правило, не имели поддержки и понимания родных. Стереотипное восприятие женщин либо как «рвущихся в бой amazонок», либо как «порхающих и отрешённых от всего бабочек», не соответствовало реальности: «требовалось нечто среднее» [Herbert M.S., 1998: 3].

Активное и равноправное участие женщин во всех сферах государственной и общественной жизни, замещение женщинами управленческих должностей, в том числе в сфере безопасности, включая должности руководителей оборонных министерств и ведомств стран мира, а также ускоренное развитие технологической составляющей обеспечения безопасности государств, позволяют судить о возможностях более активного вовлечения женщин в сферу безопасности, включая военную службу. Одновременно продолжает оставаться актуальной проблема эффективности такого вовлечения. Соответственно, изучение опыта модернизации ВС США с поэтапным вовлечением и интеграцией женщин на всех уровнях функционирования военных структур может способствовать эффективности решения схожих проблем в отечественных вооружённых силах, а также лучшему пониманию возможностей управления человеческими ресурсами в условиях войны и мира.

ЖЕНЩИНЫ В ВС США: ОПЫТ ДВУХ МИРОВЫХ ВОЙН

Опыт вовлечения женщин в вооружённые силы США характерен своей поэтапностью (начиная с участия женщин в качестве медсестёр и заканчивая их службой во всех родах войск, включая боевые подразделения, в воинских званиях вплоть до генералов), высокими количественными показателями, апробацией различных подходов и активным использованием военно-социологических исследований на различных этапах формулирования и обоснования политики интеграции.

Начиная с гражданской войны в США и вплоть до конца Первой мировой войны женщины участвовали в деятельности вооружённых сил США в качестве медицинских сестёр, работали на кухне, топили печи, выносили раненых с поля боя. Известен случай командирования женщины (*Mary Edwards Walker*) в качестве военврача в армию генерала Джорджа Вашингтона, которая впоследствии была награждена медалью Почёта Конгресса США [Chapman A.W., 2008: 2].

Во время Первой мировой войны женщины служили в качестве стенографисток, клерков, радистов, переводчиков, посыльных, водителей грузовиков, артиллеристов, механиков и криптографов [1]. Однако ни одна женщина – участница войн не была затем причислена к ветеранам и не получила пенсию, так как женщины не считались военными. В 1920 г. директор программы «Женщины для Армии» Анита Пиппс (*Anita Phipps*) предложила создать постоянно действующие женские подразделения с полноценной зарплатой военнослужащих. Тем не менее, Военный департамент США (в будущем – Министерство обороны) не только не поддержал данное предложение, но и вообще закрыл программу в 1931 г. [Chapman A.W., 2008: 2-3].

Во время Второй мировой войны, в частности в мае 1942 г., был создан Вспомогательный женский армейский корпус (*The Women's Army Auxiliary Corps, WAAC*), функции которого были озвучены в рамках лозунга «освободим мужчин от вспомогательных задач для ведения боя». Женщины служили в этом корпусе «вместе с армией, но не в армии»: их зарплата была ниже зарплаты военнослужащих, они не имели тех же воинских званий, что и мужчины, и не пользовались льготами. В июле 1943 г. Вспомогательный женский армейский корпус был трансформирован в Женский армейский корпус (*The Women's Army Corps, WAC*). При этом был учтён ряд недостатков, свойственных предыдущей организации, включая проблемы, связанные с гендерным неравенством. Начальник (директор) Женского армейского корпуса непосредственно подчинялся начальнику генерального штаба (в данном случае генералу Дж. Маршаллу). К концу Второй мировой войны около 40 тысяч женщин прошли службу в данном корпусе (включая службу на территории США) [2].

В аналогичных целях «освобождения мужчин от вспомогательных задач для ведения боя» 30 июля 1942 г. президентом Рузвельтом был подписан Закон о женском военно-морском резерве, по которому при Военно-морских силах США создавалась

Добровольческая служба военно-морского флота по оказанию экстренной помощи (*Women Accepted for Volunteer Emergency Service, WAVES*); первым директором Добровольческой службы стала лейтенант Милдред МакАфи (*Mildred McAfee*) [3].

После окончания Второй мировой войны численный состав ВС США сильно сократился (с 12 млн до 1,4 млн человек в 1945 г.), включая женский состав, который был сокращён с 266 тысяч (некоторые источники приводят более крупные цифры, вплоть до 350 тысяч [4]) до 14 тысяч человек [Charman A.W., 2008: 3].

В июне 1948 г. президент Гарри Трумэн подписал основополагающий в данном вопросе закон «Об интеграции женщин в Вооружённые силы» (*The Women's Armed Services Integration Act (PL80-625)*) [5], согласно которому женщинам разрешалось служить в ВС на регулярной основе, а на момент подписания Закона определялся двухпроцентный потолок количества женщин в ВС от числа всех военнослужащих (не считая женского медперсонала); десять процентов от двух процентов женского состава могли быть офицерами. Несмотря на более расширенный формат включения женщин в ВС, их функции были по-прежнему ограничены, включая недопущение к участию в боевых действиях. Кроме того, женщинам запрещалось служить в авиации и на боевых кораблях.

Количество женщин-военнослужащих также не увеличивалось. В 1950 г. в вооружённых силах США служило всего 22 тысячи женщин, а в самый разгар Корейской войны их число достигло 49 тысяч. Функции женщин-военнослужащих ограничивались офисной работой и медицинской службой [Charman A.W., 2008: 5].

Существенно способствовавший расширению женского состава ВС США и созданию Женского армейского корпуса генерал Джордж Маршалл, будучи министром обороны, в 1951 г. инициировал создание Консультативного комитета безопасности по вопросам женщин на службе (*Defense Advisory Committee on Women in the Services, DACOWITS*). Изначально целью данной организации была информационная работа и пропаганда военной службы среди молодых женщин, а также способствование позитивному восприятию образа женщин-военнослужащих в обществе. Позже Консультативный комитет стал также заниматься обсуждением вопросов целевого использования и планирования службы женщин в вооружённых силах. Комитет состоял из 30–40 членов, включая лишь гражданских лиц – учёных, деятелей искусства, культуры, представителей общественных организаций, которые были обязаны посещать военные базы, общаться с военнослужащими обоих полов, изучать состояние дел в ВС, дважды в год проводить научные конференции и обсуждения, выступать с рекомендациями, направленными лично министру обороны, а также старшему офицерскому составу [Gaddes R., Montgomery S., et. al, 2020: 10]. В дальнейшем этот комитет сыграл одну из ключевых ролей в реализации прав женщин и в обеспечении их эффективной интеграции в вооружённые силы США.

8 ноября 1967 г. президент Линдон Джонсон подписал закон (*PL 90-130*) о снятии двухпроцентного ограничения численного состава женщин в ВС, а также позволивший

женщинам получать звание генерала [6]. Примерно 11 тысяч женщин находилось в составе американских войск во Вьетнаме, 90% из них были медсёстрами [7]. После Вьетнамской войны лоббирование вопросов армии временно стало непопулярным.

ЖЕНЩИНЫ НА КОНТРАКТНОЙ СЛУЖБЕ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 1973 г.: НОВЫЕ РЕАЛИИ

В 1972 г. в ходе своей предвыборной кампании президент Ричард Никсон пообещал полностью перевести вооружённые силы с призывного порядка укомплектования на контрактную службу. Немаловажную роль в этом вопросе сыграло поражение США во Вьетнамской войне. С января 1973 г. Министерство обороны прекратило призыв на воинскую службу, и вооружённые силы США первыми в мире полностью перешли на контрактную основу (численностью свыше 2 млн человек) [Charman A.W., 2008: 6]. Соответственно, набор женщин по контракту для укомплектования столь большого объёма ВС (особенно сухопутных сил) стал необходимостью. Данную реформу можно считать отправным моментом в существенном изменении численного состава и статуса женщин в ВС США.

Интересно заметить, что именно в 1972 г. Конгрессом США была принята Поправка к Конституции США о равных правах (*Equal Rights Amendment, ERA*): «Равенство прав перед законом по признаку пола не может отрицаться или ограничиваться Соединёнными Штатами или каким-либо штатом» [8]. Несмотря на то, что поправка не была ратифицирована достаточным количеством штатов, она позволяет понять ту атмосферу в американском обществе, которая больше способствовала, чем препятствовала военным реформам с расширением численного состава и полномочий женщин в ВС. Так, служба по контракту способствовала увеличению численности женщин-военнослужащих с 2,4% в 1973 г. до 7% в 1977 г., а при президенте Джеймсе Картере в 1981 г. количество женщин-военнослужащих достигло 173 450 человек [Charman A.W., 2008: 6].

Среди ряда системных факторов, повлиявших на степень вовлечённости женщин в сферу безопасности, роль феминизма и деятельности организаций по защите прав женщин была двоякой [Segal M., 1995]. Феминисты, в том числе представители научно-академической элиты, выступавшие за полное равноправие между мужчинами и женщинами, включая службу в вооружённых силах, были и остаются одним из ключевых концептуальных источников обоснования политики в области защиты прав женщин и расширения их полномочий в сфере как национальной, так и международной безопасности. Второй концептуальный лагерь феминистов, наоборот, выступал за пацифизм, за сокращение численного состава вооружённых сил по всему миру, за снижение уровня конфликтности в обществах через передачу традиционно мужских ролей и полномочий женщинам и, тем самым, не только никак не способствовал расширению

прав женщин-военнослужащих, но, наоборот, был «против вовлечения женщин в институты насилия» [Miller L.L., 1998].

Таким образом, наряду со сторонниками увеличения численного состава и полномочий женщин-военнослужащих среди военно-политического руководства и феминистов, существовало множество противников подобных реформ в тех же лагерях, чьи аргументы отчасти основывались на традиционном общественном восприятии и стереотипах, отчасти – на фактах. Концептуальный конфликт вокруг увеличения численного состава женщин и расширения их полномочий в вооружённых силах затрагивал как традиционные ценности внутри самого общества, так и внутривнутриполитические интересы правящих и оппозиционных сил. Некоторые из данных соображений и опасений по-прежнему актуальны и активно обсуждаются во многих странах с аналогичной политической повесткой, а именно:

– *Вопросы физических возможностей и здоровья женщин-военнослужащих.* Вплоть до сегодняшнего дня достаточно распространённым является мнение о более низких физических показателях женщин по сравнению с мужчинами, что не позволяет женщинам-военнослужащим выполнять аналогичные задачи [9].

– *Преждевременное истощение женщин-военнослужащих.* Исследования в армии США показывали, что значительно больше женщин не выдерживали до окончания контрактной службы и демобилизовывались раньше мужчин [Charman A.W., 2008: 52].

– *Сплочённость воинского коллектива и риски, связанные с женским присутствием.* Исторически доказано, что победы в бою достигаются не только благодаря технической оснащённости войск, но прежде всего благодаря внутренней сплочённости, единству, «чувству плеча» членов воинского коллектива. Возникал ряд вопросов: (1) насколько женщины впишутся в данную социальную психологию мужского коллектива; (2) насколько мужской коллектив не пострадает от присутствия в нём женщин; (3) смогут ли женщины взять на себя роль лидеров в мужском коллективе.

1. *Психологические особенности женщин.* Представлялась проблемной эмоциональная составляющая женского поведения, в частности, как считалось, неспособность и отсутствие готовности убивать других (мужчин, женщин). Данную проблему сторонники участия женщин в боевых действиях предлагают решать через одинаковую социализацию мужчин и женщин, что опять же связано с типом общества: в одних обществах одинаковое воспитание и обучение мальчиков и девочек без привязки к их полу считается нормой, в других – опасной девиацией.

2. *Задачи обеспечения порядка, дисциплины и морально-нравственной устойчивости военнослужащих.* Проблема связана с неформальными отношениями между начальниками и подчинёнными (панибратские отношения), которые обычно считаются угрозой дисциплине и порядку. Увеличение количества женщин в армии, а также неформальные взаимоотношения между мужчинами-офицерами и

женщинами-подчинёнными создают дополнительные риски функциональности воинского коллектива. В этой связи в 1978 г. был принят и в дальнейшем пересматривался, уточнялся порядок управления армией (*Army Regulation 600–20: Army Command Policy*), предусматривавший санкции за неформальные (в том числе сексуальные) отношения между офицерами и солдатами, а также офицерами различного звена обоих полов, которые в какой-либо степени могли подвергнуть риску дисциплину, порядок и моральные устои в вооружённых силах [10: 27].

3. *Проблемы сексуальных домогательств и насилия в армии.* Несмотря на постоянные усилия, прилагаемые военно-политическим руководством, судебной системой, журналистским сообществом и гражданским сектором США по предупреждению и выявлению проявлений сексуальных домогательств и насилия и наказанию за них (среди военнослужащих статистика выявляемых случаев вплоть до сегодняшнего дня свидетельствует о более высокой частоте проявлений насилия в отношении женщин-военнослужащих по сравнению с мужчинами) [11].

4. *Репутация армии.* Существуют опасения, что вооружённые силы с «женским лицом» могут показаться небоеспособными, и сугубо мужские армии противника будут иметь, как минимум, психологическое преимущество. Кроме того, возникает вероятность, что вместо решения боевых задач мужчинам-военнослужащим придётся защищать своих коллег-женщин, которые, скорее всего, будут нуждаться в подобной защите, особенно в боевых ситуациях [Pike S.G., 1993].

Одним из подходов к решению ряда вышеназванных вопросов стали реформы в области военного образования через модернизацию учебных программ, стандартов, требований и условий подготовки, адаптированных с учётом возможного расширения численности женщин-военнослужащих. В 1975 г. был принят закон (*PL 94-106*) о разрешении приёма женщин в военные академии наравне с мужчинами, а в 1980 г. появились первые выпускницы военных академий [12]. Принятию закона предшествовал отказ женщине в рассмотрении заявки на участие в приёмных экзаменах в одну из военных академий, на что она ответила письмом сенатору от штата Мэн с просьбой поднять данный вопрос в Сенате Конгресса США. После активных обсуждений была принята соответствующая поправка [13].

Планирование и обеспечение набора и обучения женщин в военных академиях было возложено на созданное 1 июля 1973 г. Командование по обучению и доктрине армии США (*United States Army Training and Doctrine Command, TRADOC*), расквартированное в Форт-Юстисе (штат Вирджиния). Впоследствии данное звено осуществляло периодические учения и исследования по выявлению проблемных моментов в подготовке военных кадров, а также внедрению стандартов обучения с учётом специфики и растущего числа женщин-курсантов в военных академиях.

Во-первых, было предложено проверить на практике уровень выполнения женщинами-курсантами единых задач и нормативов, связанных с военными

специальностями (*Military Operational Specialty, MOS*). Во-вторых, продолжал действовать запрет на участие женщин в боевых действиях и соответствующие ограничения на несение службы на боевых кораблях, в авиации, в инженерных войсках при боевых подразделениях, в ракетных войсках и других подразделениях, связанных с высокой вероятностью вовлечения в боевые действия [Hunt R.F., Mills V.W., 2012]. В-третьих, было выдвинуто предположение о желательности обучения и тренировок женщин под командованием сержантов женского пола, что снизило бы риски проявления неформальных и опасных действий сержантов и офицеров – мужчин по отношению к женщинам-курсантам. Однако на момент начала данных реформ военного образования среди офицерского и сержантского составов женщин было крайне мало.

В феврале 1981 г. армейское руководство обратилось в Комитет по вооружённым силам Палаты представителей Конгресса США с обоснованием необходимости приостановить приём женщин в армию (*womanpause*) с тем, чтобы тщательно изучить влияние увеличивающегося количества женщин на функциональность организаций, ответственных за оборону. Как говорилось в обосновании подобной необходимости, речь шла не о целесообразности службы женщин в ВС вообще, а о том, будет ли деятельность оборонных структур эффективнее, если количество женщин в армии увеличится [Rostker B., 2006: 564-567]. На слушаниях в военно-кадровом подкомитете Комитета по вооружённым силам Палаты представителей Конгресса США от 1980 г., фактически параллельно обучению женщин в военных вузах и их службе в различных воинских частях, озвучивались следующие характерные доводы против службы женщин вообще: «Это противоречит американским традициям, законам, моральным ценностям и желанию большинства представителей американского общества. Это противоречит иудейско-христианской культуре уважения и почитания женщин в их роли жены и матери. Мы не хотим, чтобы наши дочери оказались в армейской обстановке, где почти не существует условий для частной жизни, где уровень насилия существенно выше, чем в гражданской жизни, где открыто позволено аморальный секс и где наши дочери будут подвергаться сексуальному насилию, являющемуся частью армейской реальности» [14].

Как следствие, в мае 1981 г. набор женщин в сухопутные и военно-воздушные силы был официально приостановлен [Charman A.W., 2008: 66]. Параллельно ценностно-идеологическому конфликту внутри политических элит и общества, в ВС продолжали проводиться военно-социологические исследования. Так, проведённые в рамках учений на базе Форт-Джексона (1993) и Форты Леонард-Вуд (1994) глубинные интервью с военнослужащими обоих полов показали наличие ряда проблем. Мужчины жаловались на то, что участие женщин в тренировках вместе с ними тормозит их успеваемость и развитие, не позволяет им тренироваться с той же нагрузкой, какая была бы в случае сугубо мужского коллектива и

раздельных нормативов для мужчин и женщин. Кроме того, как мужчины, так и женщины сообщали о фактах дискриминации (24% женщин и 7% мужчин) и сексуальных домогательствах (25% женщин и 5% мужчин). Женщины жаловались на нехватку необходимого физического пространства – душевых и раздевалок. Как мужчины, так и женщины жаловались на дефицит средств гигиены, недостаточное количество стиральных машин. Сержанты (84% – мужчины) опасались, что в случае их «естественного» поведения их обвинят в использовании нецензурной лексики и сексуальных домогательствах, и предпочли бы тренировать сугубо мужские группы, однако в случае участия женщин – скорее смешанные, нежели сугубо женские группы. Кроме того, из-за присутствия в взводах женщин взводы расквартировывались в казармах не целиком, а делились на группы – женщин из разных взводов квартировали вместе, а вместо них вместе с мужчинами из одного взвода помещали других. Как следствие, сержантам было сложно централизованно управлять своим взводом, который распределялся по разным казармам. Кроме того, в них возникали конфликты между солдатами разных взводов, нарушалась групповая сплочённость [Charman A.W., 2008: 98-102].

С 1 октября 1998 г. в план обучения призывников были добавлено 54 часа, посвящённые человеческим взаимоотношениям, ценностям, традициям и наследию армии. Кроме того, курс лидерства под сокращённым названием *LDRSHIP* (верность, долг, уважение, бескорыстное служение, честь, порядочность и личное мужество: *loyalty, duty, respect, selfless service, honor, integrity, and personal courage*) был поделён на соответствующие компоненты, каждому из которых посвящалась неделя [15].

ВОПРОС УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН-ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Упомянутый выше ключевой закон «Об интеграции женщин в Вооружённые силы» от 1948 г. не только способствовал включению женщин в вооружённые силы, но и одновременно ограничил их службу запретом на участие в боевых действиях: «Женщины могут зачисляться во все воинские подразделения, за исключением тех, которые с высокой степенью вероятности могут быть вовлечены в наземные боевые операции, подвергаться прямому огню противника или прямому физическому контакту с противником» [5]. Запрет на службу женщин в воинских частях, которые могли быть вовлечены в боевые действия даже с минимальной вероятностью, сохранялся и уточнялся на протяжении последующих десятилетий, несмотря на то что женщин допустили в небоеую авиацию ещё в 1977 г. В 1978 г. был полностью отменён запрет на службу женщин в Береговой охране, а в 1979 г. женщины стали служить в ВМС, в основном дайверами и спасателями [16].

В связи с этим в 1982 г. был разработан очередной норматив – Кодификация военных специальностей по степени вероятности прямого вовлечения в боевые действия (*Direct Combat Probability Coding, DCPC*). Всем военным специальностям (*MOS*) присваивался код от 1 до 7, где *P1* – максимально вероятное непосредственное участие в боевых действиях, в частности, продвижение и расположение данных подразделений за пределами своих гарнизонов. Более половины должностей в сухопутных войсках (302 тысячи из 572 тысяч), а также 17 армейских специальностей на момент тестирования получили код *P1* и были закрыты для женщин. Данное кодирование стало осуществляться каждый год и, соответственно, результаты зависели от военных кампаний США [Chapman A.W., 2008: 67].

Было необходимо разграничить должности, лишь теоретически связанные с боевыми функциями, и те, которые фактически осуществлялись в боевых условиях. В январе 1988 г. министр обороны Фрэнк Карлуччи представил новый принцип разграничения военных должностей – «правило риска» (*the Risk Rule*), позволявший ограничивать службу женщин на должностях, которые «связаны с риском вовлечения в боевые действия, попадания под огонь противника или пленения в той же или в более высокой степени, чем боевые единицы сухопутных, воздушных или морских сил на театре военных действий» [17: 5]. Благодаря данному принципу стало возможным разграничить боевые и связанные с ними функции и соответствующие должности более чётко и увеличить список тех должностей, на которые традиционно был закрыт набор для женщин и которые фактически не попадали под вышеназванную степень риска.

Вплоть до конца 1980-х – начала 1990-х годов, когда женщины были задействованы в военных операциях, сохранялись ограничения на службу женщин на должностях, в той или иной степени связанных с риском участия в боевых действиях. 20 декабря 1989 г. во вторжении США в Панаму в рамках операции «Правое дело» участвовали 770 женщин, двум из которых в ходе боевых действий пришлось взять на себя командование боевыми подразделениями. Другие осуществляли полицейское патрулирование, служили на транспорте (в том числе на вертолётах) и в коммуникации [16: 9]. Во время войны в Персидском заливе и, в частности, в операциях «Щит пустыни» и «Буря в пустыне» было задействовано около 35 тысяч женщин, то есть 7% войск США в Персидском заливе. Женщины служили пилотами, водителями, сопровождали грузы, военнопленных, служили авиадиспетчерами. 16 женщин-военнослужащих были убиты, две попали в плен [18: 54]. Данные факты широко освещались в СМИ и постепенно меняли общественное восприятие в плане положительного отношения к женщинам-военнослужащим, функционирующим наравне с мужчинами.

Для изучения возможностей снятия ограничений службы женщин в боевых единицах и на соответствующих должностях в 1992 г. была создана Президентская комиссия по назначению женщин в вооружённых силах (*The Presidential*

Commission on the Assignment of Women in the Armed Forces), состоявшая из пятнадцати высокопоставленных военных и известных общественных деятелей – девяти мужчин и шести женщин. Комиссия провела ряд консультаций, а также изучила опыт боевых действий в Панаме и Персидском заливе. В результате сложного голосования и с разницей в один-два голоса комиссия всё же оставила неизменными запреты на службу женщин в боевой авиации и на боевых кораблях, единогласно проголосовала против службы женщин в спецназе, подтвердила функциональность «правила риска», а также проголосовала за ряд социальных программ для женщин-военнослужащих [Taylor W.A., 2018: 90-94].

Очередным существенным сдвигом в пользу более полного включения женщин в военную службу опять же стали политические, а не военные решения, в данном случае со стороны администрации президента У. Клинтона. Так, 28 апреля 1993 г. министр обороны Л. Аспин поручил всем департаментам министерства открыть больше должностей для женщин, а через год приказал отменить принятое в 1988 г. «Правило риска», заменив его на «Правило исключения из прямых боевых действий» (*Direct Ground Combat and Assignment Rule*), предполагавшее, что «военнослужащие имеют право быть назначенными на все должности, для которых квалифицированы, за исключением того, что женщины не могут быть назначены в подразделения ниже уровня бригады, основной задачей которых является участие в непосредственных боевых действиях» [17: 7-8]. В результате для женщин было открыто 32 700 новых должностей, а при Департаменте по вопросам ветеранов Министерства обороны был создан Центр женщин-ветеранов [16: 10].

Параллельно увеличивалась непрямая вовлечённость женщин-военнослужащих в боевые операции. Так, женщины пилотировали боевые вертолёты сопровождения военной операции «Пустынный лис» в Ираке (декабрь 1998 г.) [19], были приписаны к 507-й армейской роте по материально-техническому обеспечению сухопутных боевых подразделений во время операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане (2001), служили в подразделениях поддержки во время операции «Иракская свобода» (2003) [17: 8].

В 2009 г. в составе американских воинских подразделений была создана Команда вовлечения женщин (*The Female Engagement Team Program, FET*), в которой служили одни женщины. Целью данной команды было не только патрулирование жилых кварталов Афганистана, обеспечение безопасности и мониторинг ситуации, но и повседневная коммуникация с афганскими жителями, общение с которыми посторонним мужчинам запрещает традиция, создание благоприятной среды, способствующей взаимодействию американцев с афганцами [20].

Как замечают авторы, современный театр военных действий отличается нелинейной структурой, где классические границы фронта и тыла в силу возможностей современной военной техники становятся размытыми, а тыловые части всё чаще вовлекаются в прямые военные действия. Соответственно, несмотря на

действовавший запрет на службу женщин в воинских подразделениях с высокой степенью вовлечённости в прямые боевые столкновения с противником, женщины-военнослужащие периодически оказывались вовлечёнными в боевые действия, погибали, попадали в плен (табл. 1), накапливали боевой опыт. Впервые после Второй мировой войны две американские женщины-военнослужащие были награждены серебряными звёздами за храбрость [21: 5].

Таблица 1

Число погибших/раненых женщин-военнослужащих ВС США в военных операциях в Афганистане и Ираке, 2001–2015 гг.

Военная операция	Сухопутные войска (Армия)	Военно-морские силы	Морская пехота	Военно-воздушные силы	Всего
«Несокрушимая свобода» (Афганистан)	36/314	4/5	2/29	8/28	50/376
«Иракская свобода» (Ирак)	89/547	10/6	8/41	3/33	110/627
«Новый рассвет» (Ирак)	0/11	1/0	0/0	0/1	1/12
Всего погибших/раненых женщин-военнослужащих	125/872	15/12	10/70	11/62	161/1016

Составлено по: [17: 1].

Опять же, необходимости прямого участия женщин-военнослужащих в военных кампаниях США за рубежом не было, и их вовлечение происходило с минимальным риском для репутации вооружённых сил. Вместе с тем, с каждым новым опытом такого участия появлялось всё больше показательных образов женщин-рядовых, сержантов, офицеров, врачей и медсестёр, активно транслируемых в СМИ и закрепляющих в общественном сознании факт службы женщин в ВС как норму, привлекающую всё большее количество потенциальных резервистов. В 2008 г. Энн Элизабет Данвуди стала первым четырёхзвёздным генералом Армии США (сухопутные войска) [22], а в 2012 г. Министерство обороны распорядилось открыть для женщин ещё шесть армейских специальностей и 13 тысяч новых должностей, в том числе в военно-морских силах. В 2013 г. министр обороны Леон Панетта поставил задачу снять ограничения на службу женщин в боевых воинских частях до 2016 г., после чего был расширен список должностей на боевых кораблях и в артиллерии [16: 14-16], а 3 декабря 2015 г. министр обороны Эш Картер объявил об открытии для женщин всех воинских специальностей (MOS) и должностей, если кандидаты будут соответствовать предъявляемым требованиям [23]. В настоящее время в ВС США служит около 20% женщин (табл. 2, 3).

Таблица 2

**Численный состав и процентное соотношение женщин-офицеров
ВС США (на март 2022 г.)**

Звание	Армия	ВМС	Мор- ская пехота	Военно- воздуш- ные/ космиче- ские силы	Всего	Всего в ВС США	% жен- щин от общего состава
Генерал /адмирал/	1	0	0	1	2	39	5,1
Генерал- лейтенант	3	3	0	2	8	148	5,4
Генерал- майор	6	5	0	11	22	286	7,7
Бригадный генерал	14	7	3	17	41	394	10,4
Полковник	527	392	33	554	1 506	11 204	13,4
Подпол- ковник	1 541	975	128	1 739	4 383	27 586	15,9
Майор	3 033	2 144	270	3 306	8 753	45 667	19,2
Капитан	5 443	4 334	583	4 992	15 352	71 308	21,5
Младший офицер- ский состав	6 585	3 570	1 026	4 070	15 251	78 292	13,0
Всего офицеров	17 153	11 431	2 043	14 692	45 319	234 925	19,29%

Составлено по: [24].

Таблица 3

**Численный состав и процентное соотношение женщин-сержантов,
рядовых и курсантов ВС США (на март 2022 г.)**

Звание	Армия	ВМС	Мор- ская пехота	Военно- воздушные /космиче- ские силы	Всего	Всего в ВС США	% жен- щин от общего состава
Сержант	24 520	28 201	4 694	26 747	84 162	525 662	14,5
Капрал	18 677	12 412	3 743	14 176	49 008	266 159	18,4
Рядовой	11 762	17 841	5 704	14 514	49 822	275 331	16,6
Курсанты военных академий	1 036	1 264	-	1 166	3 466	12 747	27,2
Всего сержан- тов, рядовых и курсантов	58 502	60 434	14 133	57 197	190 278	928 106	21,5

Составлено по: [24].

Из вышеприведённых данных видно, что женщин в офицерском составе несколько больше, чем среди сержантов и рядовых. Кроме того, можно видеть более высокий процент женщин-курсантов военных вузов по сравнению с численным составом женщин, проходящих военную службу, что за вычетом потенциально недоучившихся может означать увеличение количества женщин в вооружённых силах США в ближайшем будущем.

Вместе с тем, процентное соотношение женщин и мужчин в ВС не предполагает их равную включённость в функционирование вооружённых сил. В условиях открытости всех должностей, женщины занимают не больше 21% должностей. Кроме того, как видно из табл. 3, женщины-курсанты составляют 27% общего числа обучающихся в военных академиях, а это значит, что некоторые военные специальности женщинами-военнослужащими по-прежнему не осваиваются.

Наконец, действующее в ВС США правило «Лидеры первыми» (*Leaders First*) отражает требование прежде всего назначать как минимум двух женщин-офицеров в воинское подразделение, в которое затем будет осуществляться набор женщин-рядовых и сержантов [12]; [16]. Для решения этой задачи женщин-офицеров всё ещё не хватает, и, соответственно, данное обоснованное требование ограничивает распределение женщин-военнослужащих по воинским частям и подразделениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на беспрецедентный рост военных расходов в мире, в рамках которых США продолжают занимать первое место и, в частности, периодически увеличивают расходы на военные исследования и технологии [25], 2022 год ознаменовался недобором во все рода войск ВС США [26]. По оценкам экспертов, в этом году США зарегистрировали самый низкий уровень набора на военную службу с 1973 г., когда ушли из Вьетнама и полностью перешли на контрактную службу [27]. Подобная ситуация заставила военно-политическое руководство США задуматься о причинах снижения популярности военной службы в обществе, а также снизить планку уровня образования и физических показателей для новобранцев [28].

Причины недобора на военную службу могут иметь как системный, так и ситуативный характер. Среди системных факторов снижения набора на военную службу может быть возникшая в западных индустриальных обществах и широко распространённая в мире потребительская культура [Baudrillard J., 1999], связанная с восприятием реальности как объекта потребления. Подобное восприятие реальности практически не предполагает патриотических взглядов на проблемы и задачи своего государства, в частности, в вопросах национальной безопасности, и рассматривает службу в армии как способ решения своих социальных, финан-

совых, других задач. В условиях наличия альтернативных возможностей без риска для жизни и здоровья, человек всё меньше склонен выбирать службу по контракту среди других, более выгодных и менее опасных альтернатив.

Потребительское отношение к государству, создающее всё больше рисков его безопасности и функционированию, особенно в военное время, характерно для многих современных обществ. Знаменитая фраза президента Кеннеди: «Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя, спроси, что ты можешь сделать для своей страны», в подобных условиях особенно актуальна.

Среди ситуативных факторов, трансформирующих образ вооружённых сил и меняющих отношение к военной службе в обществе, может быть распространение новых образов военнослужащих, не вписывающихся в рамки не только традиционных, но и современных представлений. Так, в 2021 г. Рейчел Левин (*Rachel Levine*) стала первым адмиралом-трансгендером не только в ВС США, но и в мире [29], спровоцировав неоднозначный общественный резонанс вокруг пола военнослужащих. Подобные и зачастую публичные манипуляции образами военнослужащих могут создавать риски количественным и качественным показателям набора на военную службу и её осуществлению.

Тем не менее, увеличение численного состава и расширение полномочий женщин-военнослужащих является одной из основных тенденций модернизации вооружённых сил не только в США, но и в ряде других стран, и отражает технико-технологическое развитие армий мира, предполагающее переосмысление принятых требований к профессиональной подготовленности военнослужащих.

ИСТОЧНИКИ

1. Laff M. 2020. Women are a crucial part of the U.S. military. SHAREAMERICA. September 16. Available at: <https://share.america.gov/women-are-crucial-part-of-u-s-military/> (accessed 10.10.2022).
2. Creation of the Women's Army Corps. 2021. Women in the Army. Available at: <https://www.army.mil/women/history/wac.html> (accessed 12.08.2021).
3. Cippoloni D. 2017. Remembering Navy WAVES During Women's History Month. US Department of Defense, March 3. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/1102371/remembering-navy-waves-during-womens-history-month/> (accessed 10.10.2021).
4. History at a Glance: Women in World War II. The National WWII Museum. 2021. New Orleans. Available at: <https://www.nationalww2museum.org/students-teachers/student-resources/research-starters/women-wwii> (accessed 13.08.2021).
5. Public Law 625: The Women's Armed Services Integration Act of 1948. 1948. US Congress. Available at: <https://www.usmcu.edu/Research/Marine-Corps-History-Division/People/Women-in-the-Marine-Corps/The-Womens-Armed-Services-Integration-Act-of-1948/> (accessed 13.08.2021).

6. President Lyndon B. Johnson signs Public Law 90-130, US Department of Defense. Available at: <https://www.defense.gov/observe/photo-gallery/igphoto/2001087830/> (accessed 26.08.2021).

7. Over 200 Years of Service: The History of Women in the U.S. Military. 2021. United Service Organizations. Available at: <https://www.uso.org/stories/3005-over-200-years-of-service-the-history-of-women-in-the-us-military> (accessed 26.08.2021).

8. Equal Rights Amendment passed by Congress. March 22, 1972. Available at: <https://www.history.com/this-day-in-history/equal-rights-amendment-passed-by-congress> (accessed 26.08.2021).

9. Sagawa Sh., Campbell N.D. 1992. Women in Combat. Women in the Military Issue Paper. October 30, National Women's Law Center, Washington D.C. Available at: <https://nwlc.org/wp-content/uploads/2015/08/Combat.pdf> (accessed 22.08.2021).

10. Army Regulation 600-20. 2014. Army Command Policy, Headquarters Department of the Army. November 6, Washington D.C.

11. Acosta J. D., Chinman M., Shearer A. L. 2021. Countering Sexual Assault and Sexual Harassment in the U.S. Military: Lessons from RAND Research, Santa Monica, CA: RAND Corporation. Available at: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1318-1.html (accessed 23.08.2021).

12. Cronk T. M. 2020. Women in the Military Academies: 40 Years Later, US Department of Defense. October 2. Available at: <https://www.defense.gov/Explore/Features/Story/Article/2369469/women-in-the-military-academies-40-years-later/> (accessed 14.07.2021).

13. Charlton L. 1975. Bill to Open Military Academies to Women is Passed by Senate. The New York Times. June 7. Available at: <https://www.nytimes.com/1975/06/07/archives/bill-to-open-military-academies-to-women-is-passed-by-senate.html?auth=link-dismiss-google1tap> (accessed 16.08.2021).

14. Hearings on H.R. 6569 "Registration of Women", before the Military Personnel Subcommittee of the Committee on Armed Services. 1980. House of Representatives, 96th Congress. March 5-6, p. 7.

15. Living the Army Values. 2021. US Army. Available at: <https://www.goarmy.com/soldier-life/being-a-soldier/living-the-army-values.html> (accessed 17.08.2021).

16. Women in the Military: Where They Stand. 2019. Service Women's Action Network, 10th Edition. Available at: <https://www.servicewomen.org/wp-content/uploads/2019/04/SWAN-Where-we-stand-2019-0416revised.pdf> (accessed 18.08.2021).

17. Kamarck K.N. 2015. Women in Combat: Issues for Congress Analyst in Military Manpower, Congressional Research Service Summary. December 3. Available at: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/AD1007840.pdf> (accessed 18.08.2021).

18. Alfonso K.L.M. 2009. *Femme Fatale: An Examination of the Role of Women in Combat and The Policy Implications for Future American Military Operations*. Drew Paper, No. 5, Alabama: Air University Press.

19. Operation Defense Fox, Defense Archive. Available at: https://archive.defense.gov/specials/desert_fox/ (accessed 19.08.2021).

20. McCullough Ch. 2013. Female engagement teams: who they are and why they do it, US Army. February 22. Available at: https://www.army.mil/article/88366/female_engagement_teams_who_they_are_and_why_they_do_it (accessed 20.08.2021).

21. Miller L.L., Kavanagh J., Lytell M.C., Jennings K., Martin C. 2012. *The Extent of Restrictions on the Service of Active-Component Military Women*. RAND, Santa Monica: National Defense Research Institute.

22. Gardner K. 2020. Iconic Cortland County Women: Ann E. Dunwoody, Experience. June 9. Available at: <https://www.experiencecortland.com/spotlight/iconic-cortland-county-women-ann-e-dunwoody> (accessed 12.08.2021).

23. Carter A. 2018. No Exceptions: The Decision to Open All Military Positions to Women, REPORT - Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School. December. Available at: <https://www.belfercenter.org/publication/no-exceptions-decision-open-all-military-positions-women> (accessed 18.08.2021).

24. Defense Manpower Data Center. 2022. Available at: <https://dwp.dmdc.osd.mil/dwp/app/dod-data-reports/workforce-reports> (accessed 09.05.2022).

25. World military expenditure passes \$2 trillion for first time. 2022. SIPRI: Stockholm International Peace Research Institute. April 25. Available at: <https://www.sipri.org/media/press-release/2022/world-military-expenditure-passes-2-trillion-first-time> (accessed 10.10.2022).

26. Friedman D. 2022. Several military branches poised to miss recruitment targets for fiscal 2022. Federal News Network. September 28. Available at: <https://federalnewsnetwork.com/defense-main/2022/09/several-military-branches-poised-to-miss-recruitment-targets-for-fiscal-2022/> (accessed 10.10.2022).

27. Kube C., Boigon M. 2022. Every branch of the military is struggling to make its 2022 recruiting goals, officials say. NBC News. June 27. Available at: <https://www.nbcnews.com/news/military/every-branch-us-military-struggling-meet-2022-recruiting-goals-officia-rcna35078> (accessed 10.10.2022).

28. Horton A. 2022. Pentagon bedeviled by recruitment failures as solutions prove elusive. The Washington Post. September 21. Available at: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2022/09/21/us-military-recruiting-crisis/> (accessed 10.10.2022).

29. Lavietes M. 2021. Dr. Rachel Levine becomes nation's first transgender four-star officer. NBC News. October 19. Available at: <https://www.nbcnews.com/health-and-wellness/dr-rachel-levine-becomes-nations-first-transgender-four-star-officer-rcna3283> (accessed 10.10.2022).

REFERENCES

1. Baudrillard J. 1999. The Consumer Society: Myths and Structures. London: Sage, 208 p.
2. Chapman A.W. 2008. Mixed-gender Basic Training: The U.S. Army Experience, 1973-2004. Virginia: Fort Monroe, 197 p.
3. Gaddes R., Montgomery S., Jacobson Z., Griffin Sh., Stangle J., Williams A., Myers J., Bowling R. II. 2020. A Historical Review of the Influence of the Defense Advisory Committee on Women in the Services (DACOWITS), From 1951 to Present: A 70-Year Review, Insight Policy Research, Inc. Virginia: Arlington, 52 p.
4. Herbert M. S. 1998. Camouflage Isn't Only for Combat: Gender, Sexuality, and Women in the Military. N.Y.: New York University Press, 208 p.
5. Hunt R. F., Mills V. W. (Eds.). 2012. Women in Combat and the Armed Forces: Policies and Perceptions, New York: Nova Science Publishers, Inc.
6. Miller L.L. 1998. Feminism and the Exclusion of Army Women from Combat. Gender Issues, No. 16, p. 33-64. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12147-998-0021-1> (accessed 12.12.2021).
7. Pike S.G. 1993. The Exclusion of Women from Combat: Is There a Legal Justification? University of Baltimore Law Forum. Vol. 24, No. 1, p. 14-24. Available at: <http://scholarworks.law.ubalt.edu/lf/vol24/iss1/3> (accessed 23.08.2021).
8. Rostker B. 2006. The Role of Women in the All-Volunteer Force, I Want You! The Evolution of the All-Volunteer Force. RAND Corporation, p. 559-590.
9. Segal M. 1995. Women's Military Roles Cross-Nationally - Past, Present and Future. Gender and Society, Vol. 9, No. 6, p. 757-775.
10. Taylor W.A. 2018. From WACs to Rangers: Women in the U.S. Military since World War II. MCU Journal, Special Issue, p. 78-101. Available at: <https://doi.org/10.21140/mcuj.2018si04> (accessed 23.08.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АТАНЕСЯН Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии факультета социологии Ереванского государственного университета. Армения, г. Ереван 0025, ул. Алека Манукяна, д. 1.

Arthur V. ATANESYAN, Doctor of Political Sciences, Professor, Applied Sociology Department Chair, Faculty of Sociology, Yerevan State University, 1, Alex Manoogian St., Yerevan 0025, Armenia.

Статья поступила в редакцию / Received 1.08.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 15.08.2022.

Принята к публикации / Accepted 17.08.2022.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673022120033

EDN: GYCURK

Отношение американских евреев и христианских сионистов к политике современного Израиля

Т.А. Карасова

Институт востоковедения РАН,

Россия 107031, Москва, ул. Рождественка, 12.

РИНЦ ID: 676041

ORCID: 0000-0002-0245-5960

email: karasova@list.ru

Л.Р. Хлебникова

Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова,

Россия 125009, Москва, ул. Моховая д. 11, стр. 1.

Researcher ID: F-2402-2016 РИНЦ ID: 753951

ORCID: 0000-0001-8479-0676

email: lkhlebnikova@iaas.msu.ru

М. Штереншис

Средняя школа им. Александра Массы, аффилированная с Американским институтом израильского образования Израиль, Ход ха-Шарон, ул. Алият Ханоар, 1

ORCID: 0000-0003-0687-4369

email: shteren20@yahoo.com

Резюме. Израиль стремится сохранить центральную роль в отношениях с еврейскими диаспорами мира, что признано специфической задачей сионизма. Ведущую роль в его поддержке играют американская еврейская община (входящая в общее понятие еврейской диаспоры), сионистские организации Америки и механизм произраильского лобби в Конгрессе США. В XXI веке идёт процесс постепенного охлаждения отношений между еврейским государством и американской общиной, в основном из-за расхождений с политикой израильского правительства. Израиль нуждается в международной, идеологической и политической поддержке США. В поисках выхода из кризиса Израиль интенсифицировал сближение с американскими христианскими сионистами, которые являются наиболее последовательными его сторонниками как государства, воплощающего «сионистский проект». Их поддержка базируется на теологической трактовке Библии значимости собирания и сохранения евреев в Палестине (а затем в Израиле) для конечного спасения человечества. Значение их поддержки, прежде всего политической, для Израиля в настоящий момент возрастает.

Ключевые слова: американская еврейская община, евреи, сионизм, христианский сионизм, евангелисты, американско-израильские отношения, произраильский лоббизм

Для цитирования: Карасова Т.А., Хлебникова Л.Р., Штереншис М. Отношение американских евреев и христианских сионистов к политике современного Израиля. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2022; 52(12): 38–52.

DOI: 10.31857/S2686673022120033

EDN: GYCURK

The Attitudes of American Jews and Christian Zionists towards Politics of Israel

Tatyana A. Karasova

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

12 Rozdestvenka, Moscow 107031, Russian Federation.

PIИЦ ID: 676041 ORCID:0000-0002-0245-5960 email: karasova@list.ru

Luiza R. Khlebnikova

Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University,

11 Mokhovaya street, Moscow 125009, Russian Federation.

Researcher ID: F-2402-2016 PIИЦ ID: 753951

ORCID: 0000-0001-8479-0676 email: lkhlebnikova@iaas.msu.ru

Michael Shterenshis

Alexander Muss High School in Israel (AMHSI) affiliated with the American Institute of Israel Education (AMIIE).

1 Aliyat Hano'ar St., Hod HaSharon, Israel.

ORCID: 0000-0003-0687-4369 email: shteren20@yahoo.com

Abstract. For Israel maintaining strong relations with Diaspora remains one of the key goals as the Jewish State. American Jewry, American Zionist organizations and Pro-Israel lobbyists have been playing an important role in organizing support and providing assistance for Israel in the US. However, in the XXI century there is a deepening crisis between the Jewish state and American Jewish community, mainly, because of dissatisfaction of Israel's domestic and foreign policy. Managing the risks of lowering support from the US, that are the most important strategic partners for Jerusalem, Israel has intensified its rapprochement with the US Christian Zionists, who are the most consistent supporters the Jewish state as "the Zionist project". The Christian Zionist's interest in Israel is based on the Bible's theological interpretation of the significance of the gathering and preservation of the Jews in Palestine (and then in Israel) for the ultimate salvation of mankind. Despite the controversy of this concept to the core principles of Judaism and Zionism, the significance of their support, primarily political, for Israel is currently increasing.

Keywords: American Jewish Community, Zionism, Christian Zionism, Evangelists, American-Israeli relations, pro-Israel lobbyism

For citation: T.A. Karasova, L.R. Khlebnikova, M. Shterenshis. The Attitudes of American Jews and Christian Zionists towards Politics of Israel. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52(12):38-52. DOI: 10.31857/S2686673022120033 EDN: GYCURK

ВВЕДЕНИЕ

Американское еврейство всегда играло роль основного центра еврейской жизни вне Израиля. Связь еврейского государства с американскими евреями всегда была особенно важной по нескольким причинам. Прежде всего, в США проживает второе после Израиля число евреев. Согласно исследованию известного израильского демографа С. Делла Пергола в 2021 г. в мире численность евреев достигла примерно 15 млн человек, из них почти 7 млн проживают в Израиле, 6 млн – в США [Dashefsky A., Sheskin I.M. 2022]. Американские сионистские организации и

еврейская община оказывали постоянную военную, финансовую и политическую поддержку Израилю. Создание и деятельность произраильских лоббистских организаций в Конгрессе также является составным элементом «особых» отношений между Соединёнными Штатами и Израилем.

ОТХОД ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ США ОТ БЕЗОГОВОРЧНОЙ ПОДДЕРЖКИ ИЗРАИЛЯ

В настоящее время отношения Государства Израиль с еврейской диаспорой, прежде всего, американской, переживают период глубокого кризиса. Немаловажным фактором напряжённых отношений между еврейской общиной Америки (ЕОА) и Израилем является кризис идеи израилюцентризма для жизни евреев мира. Евреи США ещё в конце XX века в основном отвергли идею, что они занимают периферийное положение и в глазах евреев государства Израиль являются «остатками» рассеянных по миру общин, которые должны стремиться вернуться в свой исторический дом, в Государство Израиль. Молодое поколение евреев во всем мире и в США в частности, всё меньше ощущают свою привязанность к еврейскому государству. Фактически американские еврейские сионисты отошли от концепции безоговорочного израилюцентризма и приняли идею о сосуществовании двух основных центров еврейской жизни – Израиль и США [Reinhars J., Shapira A. 1995: 308-309].

Постепенно Израиль в глазах американских евреев начал утрачивать имидж идеального еврейского государства [Beinart P. 2013]; [Waxman D. 2016: 48-50]. Всё нарастающая критика ведётся в основном вокруг политики израильского руководства в отношении палестинской проблемы. Вторым важным вопросом, раскальвающим американскую еврейскую общину и Израиль, являются религиозные противоречия между приверженцами широко распространённых в США реформистских и консервативных направлений в иудаизме и ортодоксальным иудаизмом в Израиле. Американские евреи выступают против ортодоксальной монополии в Израиле. Критике также подвергается израильская демократия, в частности, нарушение прав человека израильских арабов.

В XXI веке дискуссии в отношении еврейского государства и его внутренней и внешней политики стали более многоголосыми, эмоциональными. Обострились противоречия между леволиберальной, или прогрессивной либеральной* [1] еврейской молодёжью и руководством старейших еврейских организаций, которые старались не допускать открытую критику израильских действий. Идут

* Прогрессивные левые, или леволиберальные прогрессивисты – в американском дискурсе данный термин используется по отношению к либеральным сторонникам социальных и политических реформ в США, в особенности в сфере борьбы с неравенством, которые особенно негативно относятся к Республиканской партии.

ожесточённые споры между институционально оформленными структурами американской общины, между левыми (например, организация «Если не сейчас» – *IfNotNow*) и правыми (Сионистская организация Америки, СОА – *Zionist Organization of America, ZOA*). Считается, что лидеры главных американских еврейских организаций представляют официальную позицию диаспоры как внутри Америки, так и за её пределами, однако, как справедливо подчёркивала специалист Е.А. Сидорова, «эта позиция является политически ангажированной и не отражает в полной мере реальных политических предпочтений большинства евреев» [Сидорова Е.А. 2022; 10:69-78]. Большинство американских евреев, которые составляют 2,4% общей численности населения Америки, принадлежат к сторонникам либеральных взглядов и ценностей [2]. Они в основном голосуют за демократических кандидатов в Конгресс и на пост президента США и относятся к неортодоксальному течению в иудаизме. Лишь 10% общины – ортодоксальные евреи, но их численность растёт и, согласно последним демографическим прогнозам, именно эта группа может оказаться самой многочисленной к 2050 году [3].

Кризис в американском еврействе вокруг характера поддержки Израиля стал усугубляться на фоне общего политического, идеологического и скорее даже системного кризиса в США. На американской политической сцене Израиль стал одним из факторов разногласий между ведущими политическими партиями. Отношение к Израилю стало предметом дебатов внутри самой Демократической партии, где сталкиваются позиции леволиберальных группировок, и умеренной части партии. Представители левых либералов, продолжающие набирать силы при Дж. Байдене [4], открыто критикуют политику Израиля и выступают за пересмотр мотивации, объёмов и порядка внешней помощи США еврейскому государству. Более традиционное отношение к Израилю в рамках американо-израильских связей отстаивает умеренное большинство Демократической партии. Республиканцы в основном едины в своей поддержке Израиля, в том числе и так называемые «трамписты», сторонники бывшего президента Д. Трампа. На всех республиканских праймериз после 2009 г., как писал американский историк Гил Трой, «большинство кандидатов из всех сил пытаются доказать, насколько произраильскими, пронетаньяховскими и антитеррористическими они могут быть» [5].

Не остались в стороне и произраильские лоббистские структуры США. На фоне общей политической поляризации в американском обществе, роста противоречий в общинных структурах в произраильском лоббизме также произошли значимые изменения. Лоббистские структуры, в том числе Конференция президентов ведущих американских еврейских организаций (*Conference of Presidents of Major American Jewish Organizations*) и Американо-израильский комитет по общественным связям, АИККОС (*American-Israeli Committee for Public Affairs, AIPAC*),

не смогли избежать вызовов как внутриобщинных, так и общеполитических. Внутри произраильского лоббизма произошла фрагментация и слом солидарности в поддержке Израиля. К началу 2010-х годов лоббистские структуры уже отчётливо были разделены на правый лагерь (Сионистская организация Америки и Республиканская еврейская коалиция), леволиберальный (организация «Джей-стрит», появилась в 2008 г.), работающий только с демократами в Конгрессе, и центристский, пытающийся сохранить внепартийную ориентацию (АИКОС). Участились открытые столкновения между лоббистскими организациями полярных идеологических взглядов. Так, например, обострились разногласия между «Джей-стрит» и Республиканской еврейской коалицией, когда первая поддерживала курс президента Барака Обамы на палестино-израильском и иранском направлениях, а последняя, наоборот, критиковала линию администрации.

Параллельно происходили сдвиги в американском сионизме. На протяжении долгих десятилетий в американском еврействе был наиболее распространён либеральный сионизм, который сочетал в себе приверженность еврейскому национализму и традиционным либеральным ценностям [6]. В 2010-х годах либеральный сионизм в США столкнулся с серьёзными вызовами, связанными с критическими оценками состояния израильской демократии. Остро встал вопрос: как оставаться либералом и сионистом, когда Израиль перестал быть символом демократии и либеральных ценностей? Хотя по-прежнему эмоциональная привязанность к Израилю является важным фактором для американского еврейского самосознания, ключевым фактором в формировании идентичности у большинства молодых американских сионистов уже не является Израиль (например, сохранение памяти о Холокосте, по итогам опросов, у 73% евреев США) [7]. Еврейское государство как центральный символ мирового сионистского движения, мифа и идеализированного (самими же американскими евреями) имиджа демократического еврейского государства постепенно утратил своё значение, и превратился в фактор раскола в среде последователей либерального сионизма США.

Основным камнем преткновения в ведущихся спорах по-прежнему остаётся неурегулированность палестино-израильского конфликта. Новые раунды противостояния Израиля и ХАМАС в Секторе Газа, продолжение израильской поселенческой политики на Западном берегу реки Иордан и в Восточном Иерусалиме и отсутствие подвижек в мирном урегулировании провоцируют острые дискуссии в еврейской общине США. В среде левых либеральных сионистских организаций усилилась критика сионистской идеологии Израиля. Американский специалист Дов Уаксман, разбирая накопившиеся противоречия, условно выделил четыре ключевые группы мнений по вопросам, касающимся современного израильского сионизма и проблем палестино-израильского конфликта. По данным направле-

ниям им рассматривались позиции левых, левых и правых центристов, а также правых флангов еврейской общины США [Waxman, 2016: 94].

Таблица 1 демонстрирует отсутствие единства в оценке сионизма и Израиля в различных идейных секторах еврейской общины США. Представители левых еврейских группировок (например «Еврейский голос за мир», образованная в 1996 г.), отходят от безусловной поддержки сионизма, крикуют отсутствие прорыва в мирном процессе. Члены правых организаций, выступают за поддержку сионистской идеологии, винят в провале мирного урегулирования палестинцев, отрицают необходимость политики давления на Израиль. Между этими полярными позициями есть левоцентристы и правоцентристы, у которых взгляды более умеренные и компромиссные, однако в период сильнейшей политической и культурной поляризации в США, они либо радикализуются, либо их голоса остаются часто незамеченными.

Таблица 1

Позиции политических лагерей в дебатах о палестино-израильском конфликте

	Отношение к сионизму	Кто виноват	Отношение к принципу два государства для двух народов	Открытая критика Израиля	Внешнее давление на Израиль
Левые	Плохое/ сионизм устарел	Израиль	Приемлем, но нереалистичен и/или предпочтителен	Да	Да, включая БИС (движение Бойкот, Изоляция и Санкции)
Левые центристы	Хорошее, пока сионизм либеральный	Оба, Израиль и палестинцы	Существенен и срочно необходим	Да	Да, но только дипломатическое
Правые центристы	Хорошее	Палестинцы	Предпочтителен, но не сейчас	Нет	Нет
Правые	Хорошее	Палестинцы	Опасный и/или ложный	Нет	Нет

В контексте выстраивания отношений с диаспорой израильское правительство всегда дорожило отношениями с еврейской общиной США, стараясь сглаживать особенно острые разногласия. В то же время концепция израильтцентризма всё ещё работает в правящих политических кругах Израиля. В израильском руководстве задаются вопросом: есть ли у еврейских общин за пределами Израиля шанс выжить в следующем поколении в условиях, когда растёт уровень межконфессиональных и межрасовых браков, есть тенденция о выходе из об-

щины и усиливается угроза ассимиляции, снижаются показатели рождаемости, а антисемитизм в США усиливается, в частности увеличилось число нападений на евреев в Нью-Йорке. По данным Федеральной службы расследований США, в 2020 г. 54,9% всех религиозно ориентированных преступлений были против евреев [8]. Нетаньяху рассматривал себя в качестве лидера всего еврейского народа, а израильское правительство как правительство всего еврейского народа [9].

В период правления администрации Трампа кризис отношений Израиля с еврейской общиной Америки (преимущественно с её левым флангом) стал настоящей проблемой для израильского руководства. Этот кризис подтачивал крепкие партнёрские отношения между израильским и американским обществом. «Критика изнутри» грозила испортить привычные каналы взаимодействия между Иерусалимом и Вашингтоном. Появилась нужда обновить идеологическую связку между американским мессианством и значением поддержки избранного народа – евреев на Земле Израилевой. И тут внимание израильских политиков обратилось к своим неизменным идейным союзникам – к христианским сионистам Америки.

ОТНОШЕНИЯ ХРИСТИАНСКИХ СИОНИСТОВ США К ИЗРАИЛЮ КАК СИОНИСТСКОМУ ПРОЕКТУ

Христианский сионизм (ХС) [Goldman Sh. 2009], [Spector S. 2008] играет достаточно противоречивую роль не только во взаимоотношениях с еврейской американской общиной, но в американо-израильских отношениях. Исследователи христианского сионизма обычно прослеживают его историю в течение примерно последних 400 лет [McDermott G. 2016].

Верующие христианские сионисты дословно принимают Библию как Слово Божье, Истину в последней инстанции. В течение веков христианские сионисты верили, что евреи не только соберутся снова на Земле Обетованной, создадут там собственное государство, границы которого должны простираться от Евфрата до Нила), но и будут править в Царстве Божьем. Правда, перед этим «примут Христа» (то есть добровольно перейдут в христианство). Со второй половины XIX века теологические рассуждения вышли из узкого богословского круга и пошли в массы, причём по словам английского религиозного мыслителя Джона Томаса, «Библия – это лучшее учебное пособие для политика» [Thomas J. 1910].

Христиане-сионисты исходят из того, что современным евреям принадлежит священное право на священную землю Палестины, так как они являются «богоизбранным народом». И они считают законными притязания наиболее правой части израильского общества на всю землю Палестины, то есть поддерживают идею собирания евреев на всей территории Эрец Исраэль (в границах древних

царств, включающих в настоящее время часть палестинских территорий). Большая их часть поддерживает еврейских поселенцев на территориях и негативное отношение израильского руководства в отношении прав палестинцев на собственное независимое государство. В этих вопросах христианские сионисты расходятся в оценках данных проблем не только с левым крылом еврейских общин США, но и с центристскими и левыми партиями Израиля.

В среде христианских сионистов особую роль в поддержке Израиля играют евангелисты США. Поскольку в сионистской системе ценностей понятие исторических границ Израиля занимает особое место, отношение правящих кругов Израиля к евангелистам в большей степени опираются на мотивы политического порядка. Израильские власти устраивает оценка евангелистами еврейского государства как дружественной демократии внутри непредсказуемого и порой опасного Ближневосточного региона, как передний фронт борьбы против терроризма. Эта поддержка тем более важна, в связи с тем, что в последние десятилетия евангелисты стали занимать весомое положение в политическом дискурсе США.

Интенсивная вовлечённость евангелистов в политическую жизнь страны истоками уходит в начало 1980-х годов, в президентство республиканца Р. Рейгана. В период нового консервативного поворота в США, так называемой «третьей консервативной волны» [Гарбузов В.Н. 2016; 5: 4], окончательно оформилось слияние белых евангелистов с Республиканской партией США. Белые евангелисты составляют пятую часть всех зарегистрированных избирателей и около одной трети всех избирателей, которые принадлежат к Республиканской партии или поддерживают её [10].

Реакция лидеров еврейской общины США на усиление позиций евангелистов и их открытое вовлечение в произраильскую активность неоднозначна. С одной стороны, поддержка Израиля и укрепление американо-израильских отношений совпадали с целями крупнейших еврейских организаций. С другой – взгляды американских евреев и евангелистов сильно разнятся по многим проблемам внутренней политики США. Значительная группа американских евреев принадлежит к наиболее либеральной части американского общества, в то время как евангелисты, наоборот, составляют самую большую часть американского консервативного движения [11]. В настоящее время при администрации Дж. Байдена, сильно расходятся взгляды евангелистов на права ЛГБТ+ и на вопросы, связанные с легализацией аборт, тогда как большинство евреев США поддерживают однополые браки и право выбора. В целом американские евреи не испытывают особой симпатии к евангелистам [Neil R. 2012: 248].

ВЫХОД ЕВАНГЕЛИСТОВ НА ДОМИНИРУЮЩИЕ ПОЗИЦИИ ПРОИЗРАИЛЬСКОГО ЛОББИЗМА

Ещё в начале 1970-х годов Израиль начал активно развивать связи с евангелистами США. Интерес был взаимным, в особенности после Шестидневной войны 1967 года, когда победа Израиля, по мнению христианских сионистов, «оказалась сбывшимся пророчеством». Военная победа и «расширение еврейской земли (за счёт оккупированных территорий) ещё больше сплотила евангелистов в их поддержке Израиля [Carenen С. 2012: 209]. В период правления республиканских администраций Р. Никсона (1969–1974) и Дж. Форда (1974–1976) по целому ряду причин шло ослабление влияния либеральных протестантов в американской политике [12]. Это способствовало усилению политического веса евангелистов и христианских фундаменталистов, которые постепенно наращивали влияние на внешнюю политику США. Дж. Каргер, глава Демократической администрации (1977–1981), выходец из семьи баптистов Южной Джорджии, привнёс личный религиозный момент в отношениях с Израилем, что привело к повышению интереса американцев к идеям христианских сионистов и евангелистов [Carenen С. 2012: 166]. В период своей предвыборной кампании в 1976 г. он подчёркивал, что безопасность Израиля имеет огромное универсальное значение для Америки, и что это отношение разделяет весь народ Америки, вне зависимости от религиозных различий или происхождения.

В годы правления Р. Рейгана (1981–1989) шёл подъём правых течений в христианстве, и евангелисты стали доминирующей силой среди протестантов. Их альянс базировался на приоритете религии над гуманитарными ценностями и прагматическими интересами. Евангелисты провозглашали: «Выступать против Израиля означает выступать против Бога!». Появились организации «Новые религиозные правые», «Моральное большинство» (*Moral Majority*) и позже «Христианская коалиция» (*Christian Coalition of America*), что очень изменило религиозный ландшафт Соединённых Штатов. Новые евангелические церкви, проповедующие ортодоксальную фундаменталистскую протестантскую теологию, быстро набирали силу, становились всё более популярными и, как отмечал религиозный деятель и учёный Мартин Марти, их слова-коды становились частью американской культуры. Марти охарактеризовал это как организованное, агрессивное наступление фундаменталистов-евангелистов против модерна, которое необходимо ограничить [Carenen С. 2012].

При Рейгане началось быстрое проникновение идей христианских сионистов и евангелистов в Израиль, особенно после создания в Иерусалиме в 1980 г. Международного Христианского посольства Иерусалима (*International Christian Embassy Jerusalem, ICEJ*). Его деятельность в поддержку Израиля особенно проявилась во время и после Второй палестинской интифады (2000–2005 гг.) [12].

В период правления Дж. Буша-младшего роль евангелистов в политике США ещё больше возросла. По мнению американских журналистов, это было связано с тем, что в 1985 г. сам президент примкнул к евангелистской церкви. Проблема террора, угрожающего безопасности США и Израиля, ещё больше сплотила евангелистов вокруг Израиля. Как заявил Р. Лэнд, глава Комиссии по международной религиозной свободе, «библейский пояс – это пояс безопасности Израиля» [13]. В 2004 г. был создан кокус в Кнессете для поддержки связей с христианами и их мобилизации для политической поддержки Израиля. Чуть позже в Палате представителей Конгресса США был также создан кокус израильских союзников. Эти шаги подтвердили курс на дальнейшее институциональное закрепление контактов еврейского государства с американскими христианами сионистами, в том числе и евангелистами.

Во время администрации Барака Обамы, которого дважды на выборах поддержало большинство представителей американской еврейской общины (2008 г. – 78%, 2012 г. – 69% [14]), разразился американо-израильский кризис из-за «иранской проблемы» и неурегулированного палестино-израильского конфликта. Противоречия между Б. Обамой и Б. Нетаньяху, который на протяжении всей своей каденции активно развивал связи с евангелистами, усугубили раскол в еврейской общине США. Это в конечном счёте спровоцировало кризис и во взаимодействии Израиля и еврейской диаспоры в США.

Однако не все евангелисты, их лидеры и организации едины в своих убеждениях. Исследования, проводимые в США, показывали неуклонно рост поддержки молодого поколения христиан-евангелистов в пользу палестинцев [15]. Например, в настоящее время действует «Сеть евангелистов за Ближний Восток», которая осуждает оккупацию палестинских земель и продвигает концепцию мира между израильянами и палестинцами. В 2007 г. президенту Дж. Бушу-младшему было отправлено письмо, подписанное многими активистами-евангелистами, одним из подписавших был Давид Нефф, издатель влиятельной газеты «Кристианити тудэй» (*Christianity Today*), в поддержку идеи палестинского государства. Они мотивировали свои позиции тем, что благословение Израиля и евреев в соответствии с текстом Библии (Genesis 12:3) может допускать критику евреев для того, чтобы достичь мира и для израильяян, и для палестинцев [16].

Ещё одним камнем преткновения в отношениях евангелистов и израильяян является довольно распространенный антисемитизм в рядах евангелистов. Не стоит забывать, что идеология наиболее «твёрдых» консервативно настроенных христианских сионистов базируется на идее обращения (скорей всего насильственного) евреев в христианство и не допускает иного пути к Спасению [17].

Особенно активно укреплялись связи израильских политиков с американскими евангелистами во время президентства Дональда Трампа. По данным

опросов Исследовательского центра Пью (*Pew Research Center*), проведённого летом 2019 г., около 72% белых протестантов-евангелистов выразили своё одобрение деятельности Трампа [18]. При Трампе произошёл своеобразный всплеск христианско-сионистской активности в самих США. Хотя Трамп не отвечал идеалам христианского евангелизма, его риторика о защите христианских ценностей в мире, политика в отношении Израиля в целом, и палестино-израильского конфликта в частности, находила отклик среди евангелистов. Показательный пример взаимной поддержки: одним из руководителей молитвой на церемонии открытия посольства США в Иерусалиме в 2018 г. был пастор Роберт Джеффрис из Первой баптистской церкви Далласа [19].

В отличие от христиан-сионистов еврейская община в целом не поддерживала политический курс администрации Трампа. Большинство евреев США не голосовало за него на выборах. Их выбор был в пользу кандидатов от Демократической партии Х. Клинтон в 2016 г. и Дж. Байдена в 2020 г. Сближение позиций Д. Трампа и Б. Нетаньяху по ближневосточной повестке вызывало отторжение у молодых левопрогрессивных членов еврейской общины. Лишь ортодоксальная и идеологически консервативная её часть была среди сторонников Трампа. Они поддерживали внутривнутриполитический курс Белого дома, и одобряли откровенно произраильский вектор ближневосточной политики Трампа, в частности признание Иерусалима столицей Израиля, выход из «иранской сделки» и прочее [Карасова Т.А. 2020; 4: 63-74]. Позиции по этим вопросам христиан-евангелистов и ортодоксальных евреев, которые традиционно составляют значимую часть электората Республиканской партии США, полностью совпадали [20]. Отношения Израиля с еврейской общиной США ухудшились настолько, что обе стороны открыто заговорили о глубочайшем кризисе этих отношений за всю историю Государства Израиль. Политическую поддержку израильское руководство черпало в среде христиан-сионистов. Израильские специалисты приводили высказывания Нетаньяху, который считал, что американские евреи не столь важны Израилю, поскольку через пару поколений они утратят свое еврейство. Поэтому гораздо важнее поддерживать отношения с евангелистами. «У Израиля нет лучшего друга в Америке, чем вы», – заявил Нетаньяху на конференции Объединённых христиан за Израиль в 2017 г. [21].

После поражения Республиканской партии и возвращения демократов в Белый дом в 2021 г., ставка на поддержку евангелистов у израильского руководства не ослабла. В 2021 г. Р. Дермер, израильский посол в США (2013–2021), заявил, что основу поддержки Израиля в Соединённых Штатах составляют христиане-евангелисты из-за их количества, а также из-за их «страстной и безоговорочной поддержки Израиля» [22]. Евангелисты, подчёркивал Дермер, очень редко выступают с критикой Израиля, в то время как американские евреи «непропорционально» критически относятся к еврейскому государству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хотелось бы подчеркнуть ряд важных моментов. Хотя некоторые американские президенты были близки к идеям христианских сионистов, их личные взгляды не могут рассматриваться как решающий фактор, формирующий политику страны в пользу Израиля. Огромное значение имела целая совокупность факторов, в том числе американское общественное мнение, симпатизирующее Израилю, произраильские настроения в Конгрессе, деятельность произраильских лоббистов и активность еврейской общины США. В 2010-х годах проявили себя давно зарождающиеся тенденции к росту критического взгляда на политику еврейского государства в либеральной части американского общества, окончанию внепартийной поддержки Израиля и фрагментации произраильских лоббистских структур.

Несмотря на явный кризис концепции израильтентризма и очевидное разрушение консенсуса вокруг поддержки Израиля в еврейской общине США, ещё остаются очень крепкими эмоциональные, духовные и исторические связи с еврейским государством. Развивающиеся процессы отхода еврейской молодёжи от официальных позиций старейших американских еврейских организаций влияют на меняющееся отношение еврейской общины к Израилю, что угрожает снижению уровня политической поддержки этой части диаспоры. Поэтому израильское руководство стремится заполнить расширяющийся вакуум за счёт безоговорочной (хотя и та в последнее время начинает терять свою безусловность) политической, финансовой и дипломатической поддержки американских христианских сионистов, прежде всего его евангелического крыла.

ИСТОЧНИКИ

1. Pew Research Center. Beyond Red VS. Blue: the Political Typology. 09.11.2021. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2021/11/09/progressive-left/#progressive-left-who-they-are> (accessed: 23.07.2022).

2. Pew Research Center. Jewish Americans in 2020. 11.05.2020. Available at: <https://www.pewresearch.org/religion/2021/05/11/jewish-americans-in-2020/> (accessed: 23.07.2022).

3. Feldman A., Adkins L. Orthodox to Dominate American Jewry in Coming Decades as Population Booms. 12.06.2018 // *Forward*. Available at: <https://forward.com/news/402663/orthodox-will-dominate-american-jewry-in-coming-decades-as-population/> (accessed: 23.07.2022).

4. Telhami S. Most Americans, including half of young Democrats, disapprove of Biden's handling of recent Gaza crisis. 29.07.2021 // *Brookings*. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/07/29/most-americans-including-half-of-young-democrats-disapprove-of-bidens-handling-of-recent-gaza-crisis/> (accessed: 23.07.2022).

5. Troy G. The Jewish Vote: Political Power and Identity in US Elections // Ruderman Foundation (Haifa), 2017. Available at: <https://rudermanfoundation.org/wp-content/uploads/2017/11/Jewish-Vote-Ruderman-Program.pdf> P. 51 (accessed: 23.07.2022).
6. Pew Research Center. Jewish Americans in 2020. 11.05.2020. Available at: <https://www.pewresearch.org/religion/2021/05/11/jewish-americans-in-2020/> (accessed: 23.07.2022).
7. Pew Research Center. A portrait of Jewish Americans. 01.10.2013. Available at: <https://www.pewforum.org/2013/10/01/jewish-american-beliefs-attitudes-culture-survey/> (accessed: 23.07.2022).
8. Federal Bureau of Investigation. Crime Data Explorer. Available at: <https://crime-data-explorer.fr.cloud.gov/pages/explorer/crime/hate-crime> (accessed: 23.07.2022).
9. Levin Y. Why Benjamin Netanyahu represents all Jews. 16.02.2015. *The Jerusalem Post*. Available at: <https://www.jpost.com/opinion/why-benjamin-netanyahu-represents-all-jews-391226> (accessed: 23.07.2022).
10. Pew Research Center. What the 2020 electorate looks like by party, race and ethnicity, age, education and religion. 26.10.2020. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/10/26/what-the-2020-electorate-looks-like-by-party-race-and-ethnicity-age-education-and-religion/> (accessed: 23.07.2022).
11. Pew Research Center. Religious Landscape Study. Available at: <https://www.pewforum.org/religious-landscape-study/political-ideology/conservative/> (accessed: 23.07.2022)
12. Samuels A.B. What – and who – is the "Twelfth Man" for Israel? 18.10.2021 // *AllIsraelNews*. Available at: <https://www.allisrael.com/what-and-who-is-the-twelfth-man-for-israel> (accessed: 23.07.2022).
13. Watanabe T. Christians Split over Conflict in the Mideast // *Los Angeles Times*, May 5, 2002.
14. U.S. Presidential Elections: Jewish Voting Record (1916 - Present). Jewish Virtual Library. Available at: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/jewish-voting-record-in-u-s-presidential-elections> (accessed: 23.07.2022).
15. Telhami S. As Israel increasingly relies on US evangelicals for support, younger ones are walking away: What polls show. 26.05.2021 // *Brookings*. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/05/26/as-israel-increasingly-relies-on-us-evangelicals-for-support-younger-ones-are-walking-away-what-polls-show/> (accessed: 23.07.2022)
16. Letter to President Bush from Evangelical Leaders // *The New York Times*. July 29, 2007.
17. Drezner D. How did Evangelicals Get to Own Religion in America // *Foreign Policy*. May 12, 2005. Available at: <https://foreignpolicy.com/2005/05/12/HOW-DID-EVANGELICALS-GET-TO-OWN-RELIGION-IN-AMERICA/> (accessed: 23.07.2022).

18. Schwadel P., Smith G. Evangelical approval of Trump remains high, but other religious groups are less supportive. 15.03.2019 // *Brookings*. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/03/18/evangelical-approval-of-trump-remains-high-but-other-religious-groups-are-less-supportive/> (accessed: 23.07.2022).

19. Haag M. Robert Jeffress, Pastor Who Said Jews Are Going to Hell, Led Prayer at Jerusalem Embassy // *The New York Times*. May 14, 2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/05/14/world/middleeast/robert-jeffress-embassy-jerusalem-us.html> (accessed: 23.07.2022).

20. Robins W. Evangelical support for Israel is neither permanent nor inevitable. 19.07.2021 // *Conversation*. Available at: <https://theconversation.com/evangelical-support-for-israel-is-neither-permanent-nor-inevitable-164209> (accessed: 23.07.2022).

21. Stoil R. Netanyahu: Evangelical Christians are Israel's best friends // *The Times of Israel*. 18 July 2017. Available at: <https://www.timesofisrael.com/netanyahu-evangelical-christians-are-israels-best-friends/> (accessed: 23.07.2022).

22. Magid J. Dermer suggests Israel should prioritize support of evangelicals over US Jews // *The Times of Israel*. 10 May 2021. Available at: <https://www.timesofisrael.com/dermer-suggests-israel-should-prioritize-support-of-evangelicals-over-us-jews/> (accessed: 23.07.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гарбузов В.Н. Американские консервативные волны // США (Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 5. С. 3-17.

Карасова Т.А. «Сделка века» Д. Трампа. Приведёт ли новый план США к урегулированию палестино-израильского конфликта // Свободная мысль. 2020. № 4. С. 63-74.

Сидорова Е.А. Особенности еврейской диаспоры в США // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 10. С. 69-78. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2012-10-69-78>

REFERENCES

Beinart P. *The Crisis of Zionism*. London: Picador, 2013.

Carenen C. *The Fervent Embrace. Liberal Protestants, Evangelicals, and Israel*. New York: New York University Press, 2012.

Dashevsky A., Sheskin I.M. (eds) *American Jewish Year Book 2021. The Annual Record of the North American Jewish Communities since 1899*. Berlin: Springer, 2022.

Garbuzov V.N. *American Conservative Waves // USA ❖ Canada: Economics, Politics, Culture*. 2016. No.5. P. 3-17.

Goldman Sh. *Zeal for Zion: Christians, Jews, and the Idea of the Promised Land*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2009.

Karasova T. D. Trump's "Deal of the Century". Will the New American Plan Lead to the Settlement of the Palestinian-Israeli Conflict // *Free Thought*. №10. P. 63-74.

McDermott G. *The New Christian Zionism: Fresh Perspectives on Israel and the*

Land. InterVarsity Press, 2016.

Neil R. The Relationship Between American Evangelical Christians and the State of Israel / Future / Israel and the United States. Six Decades of US-Israeli Relations (ed) Freedman R.O. New York: Routledge, 2012.

Reinhars J., Shapira A. (eds) Essential Papers on Zionism. New York: New York University Press, 1995. P. 308- 309.

Sidorova E. Features of Jewish Diaspora in the USA. *World Economy and International Relations*, 2012, No 10, pp. 69-78. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2012-10-69-78>.

Spector S. Evangelicals and Israel: the Story of American Christian Zionism. New York: Oxford University Press, 2008.

Thomas J. Elpis Israel. An Exposition of the Kingdom of God. 9th edition. Birmingham: C.C. Walker, 1910.

Waxman D. Trouble in the Tribe. The American Jewish Conflict over Israel. Princeton: Princeton University Press, 2016.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КАРАСОВА Татьяна Анисимовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела изучения Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН.

Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка 12.

ХЛЕБНИКОВА Луиза Романовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иудаики Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова.

Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая д. 11, стр. 1.

Штереншис Михаил – д.и.н., руководитель отдела научных исследований, Средняя школа им. Александра Масса, аффилированная с Американским институтом израильского образования. Израиль, Ход ха-Шарон, ул. Алият Ха-ноар, 1

Tatyana A. KARASOVA, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Department of Israel Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

12, Rozdestvenka, Moscow107031, Russia

Luiza R. KHLEBNIKOVA – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department for Jewish Studies, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University.

11, Mokhovaya street, Moscow 125009. Russia.

Michael Shterenshis, PhD, Head of the Science Research Department, Alexander Muss High School in Israel (AMHSI) affiliated with the American Institute of Israel Education (AMIEE).

Hod HaSharon, Israel.

Статья поступила в редакцию / Received 10.08.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 25.08.2022.

Принята к публикации / Accepted 27.08.2022.

УДК: 327.83

JEL: F50

DOI: 10.31857/S2686673022120045

EDN: GYEDCO

Частные фонды во внешней политике США

Н.Ю. Силаков

Институт мировой экономики и международных отношений

имени Е.М. Примакова Российской академии наук

Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23.

РИНЦ ID: 1114299

ORCID: 0000-0003-3491-2166

e-mail: nikitasilakov90@yandex.ru

Резюме: Крупные частные фонды возникли в Соединённых Штатах в начале XX века как автономные структуры для увеличения влияния и достижения коммерческих и общественно-политических целей деловой элиты и её участия в формировании повестки внутренней и внешней политики. В статье рассматривается процесс вовлечения фондов в формулирование и продвижение национальных интересов США и решение задач американской внешней политики. Анализируются изменения в подходах правительства к их включению в деятельность за рубежом, принципах координации и контроля за их работой в зависимости от ситуации на мировой арене и появления новых вызовов и угроз.

Ключевые слова: внешняя политика США, частные фонды, гражданское общество, неправительственные организации, помощь развитию

Для цитирования: Силаков Н.Ю. Частные фонды во внешней политике США. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2022; 52(12): 53–68. DOI: 10.31857/S2686673022120045 EDN: GYEDCO

Private Foundations in U.S. Foreign Policy

Nikita Yu. Silakov

Primakov Institute of World Economy and International Relations,

Russian Academy of Sciences.

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation

РИНЦ ID: 1114299

ORCID: 0000-0003-3491-2166

e-mail: nikitasilakov90@yandex.ru

Abstract: Major private foundations have emerged in the United States at the beginning of the XXth century as independent institutions aimed at increasing the influence and achieving the commercial and socio-political goals of the business elite and its involvement in shaping the agenda of domestic and foreign policy. The article examines the process of foundations' inclusion in the formulation and promotion of the US national interests and the completion of the US foreign policy tasks. The changes in the government's approaches to their involvement in activities abroad, the principles of coordination and control over their work depending on the international situation and the emerging challenges and threats are analyzed.

The author offers a periodization of the private foundations development in the United States as participants of international activities in relation to the dynamics of American foreign

policy – from their first international programs in 1910s and the first attempts to involve the private foundations in achieving state goals abroad to a full compliance with the foreign policy tasks at the present stage. Being outside the US official mechanism, private foundations are considered as important tools for promoting American influence in the world through humanitarian assistance and establishing pressure and interest groups in countries abroad.

Keywords: US foreign policy, private foundations, civil society, non-governmental organizations, development assistance

For citation: Silakov N. Yu. Private Foundations in U.S. Foreign Policy. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52(12):53-68.

DOI: 10.31857/S2686673022120045 EDN: GYEDCO

ВВЕДЕНИЕ

В англосаксонской и в особенности в американской политической традиции принято активное вовлечение структур гражданского общества, отражающих позиции различных групп интересов, в формирование и реализацию государственной политики, в том числе выработку позиции по ключевым вопросам международной повестки. Развитие средств коммуникации и углубление норм гражданского участия выступают определяющими факторами включения общественных структур в механизмы принятия решений в США как на уровне штатов, так и федеральном уровне. Процесс повышения роли гражданского общества и его трансформации в объект приложений усилий со стороны крупнейших акторов мировой системы наблюдался на всём протяжении XX – начала XXI века.

На этом направлении большое значение для внешней политики США имеют частные фонды, осуществляющие финансовую, методическую и информационную поддержку структур гражданского общества за рубежом. Формально независимые организации посредством реализации собственных программ, выделения грантов НПО и оказания гуманитарной помощи иностранным государствам осуществляют вклад в продвижение национальных интересов и обеспечение положительного восприятия Соединённых Штатов через развитие гражданских институтов и влияние на формирование системы ценностей и приоритетов развития общества.

В современной научной литературе пока не сформирована периодизация развития такого рода структур и их вовлечения во внешнюю политику США. Цель данной статьи – обозначить подходы к её формированию и выделить основные этапы трансформации деятельности американских фондов во взаимосвязи с динамикой внешней политики США.

ПЕРВЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОГРАММЫ ЧАСТНЫХ ФОНДОВ (1910-е – середина 1930-х годов)

Система вовлечения, координации и контроля за деятельностью частных фондов как участников процессов формирования внешнеполитической повестки

и её реализации в США начала складываться в первой половине XX века. Появление в 1910-х годах в Соединённых Штатах первых крупных частных благотворительных структур явилось результатом поиска новыми миллионерами, сделавшими состояния в прогрессистскую эру и в годы Первой мировой войны, способа использовать свои капиталы для политического влияния, в том числе для оказания прямого и косвенного воздействия на формирование ориентиров внешней политики. Кроме того, создание фондов с общественными, благотворительными и гуманитарными целями способствовало уклонению от уплаты налогов, повышению собственной репутации и расширению влияния за пределами страны. Международные программы филантропических структур, возникшие автономно как инструменты экономической экспансии, постепенно стали неотъемлемой частью продвижения национальных интересов США за рубежом.

Создание в 1910-х годах фондов Рокфеллера и Карнеги вызвало серьёзные опасения в американских правящих кругах, обеспокоенных их потенциальным влиянием на государственные структуры и граждан. В 1913-1916 гг. Комиссией по трудовым отношениям Сената США (*United States Commission on Industrial Relations*) было проведено расследование их деятельности, а со стороны администрации президента У. Тафта даже предпринимались попытки помешать созданию Фонда Рокфеллера [1].

Однако уже после Первой мировой войны позиция властей смягчилась, благодаря гуманитарным программам данных структур в послевоенной Европе, которые органично вписались в концепцию культурной и идеологической экспансии президента В. Вильсона. В частности, Фондом Рокфеллера при содействии американского правительства было передано более 22 млн долл. на оказание помощи пострадавшим странам [2], а Фонд Карнеги выделил средства на создание публичных библиотек в Бельгии, Сербии и Франции [S.M. Stauffer, 2021: 221].

Таким образом были предприняты первые попытки интеграции зарубежных программ частных фондов во внешнеполитический механизм США, что стало своего рода легитимизацией их деятельности за границей и основой для более глубокого включения в международные процессы. Параллельно развивались благотворительные направления работы в Европе и Латинской Америке, пока ещё не согласованные с американским правительством и ориентированные на расширение рынков сбыта. В основном программы были направлены на развитие системы образования и науки, а также на организацию культурных обменов и социальной поддержки населения.

Параллельно в США предпринимались попытки создания контролируемых частных структур для работы с гражданским обществом за рубежом. В 1919 г. была учреждена первая формально неправительственная организация Американская администрация помощи – APA (*American Relief Administration, ARA*), пу-

ководителем которой стал будущий президент Г. Гувер. Структура была призвана обеспечивать гуманитарную помощь населению пострадавших государств в Европе. На деле же американское правительство рассчитывало использовать организацию для закрепления своих позиций в экономике стран Восточной и Южной Европы и создания в местных элитах прослойки, ориентированной на США. Неоднозначность работы АРА ярко проявилась в 1920-х годах в Советской России, где организация занималась содействием в ликвидации последствий голода в Поволжье и была уличена в антисоветской деятельности [В.О. Печатнов, А.С. Манькин, 2012: 176].

В период президентства К. Кулиджа и Г. Гувера произошло углубление взаимодействия с частными филантропическими фондами, выступавшими в качестве консультантов и операторов американских программ по работе с гражданским обществом за рубежом. Также отмечалась их активная деятельность по мобилизации активных групп учёных, политиков, журналистов, промышленников и лидеров студенческих общин в продвижении в правящих кругах концепции американского глобализма и важности расширения политического, экономического, идеологического и культурного влияния США в мире в противовес традиционным в то время изоляционистским тенденциям. Укрепление глобалистского подхода и роли в этих процессах благотворительных фондов представлялось возможностью объединить цели внешней политики страны и коммерческие интересы частных кругов.

Практическая независимость и отсутствие контроля за работой частных фондов за рубежом, а также их активная позиция по включению во внешнеполитическую деятельность страны, обусловленная заинтересованностью в расширении рынков сбыта, наблюдались до середины 1930-х годов, когда в Латинской Америке активизировалась нацистская пропаганда.

СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕХАНИЗМОВ КООРДИНАЦИИ (середина 1930-х годов – 1945 г.)

Нарастание в жизненно важном для США регионе нацистской пропаганды, направленной на «ослабление американских культурных отношений с латиноамериканскими странами и дискредитацию побуждений и целей Соединённых Штатов» [3], вынудило администрацию президента Ф. Рузвельта пересмотреть прежний отстранённый подход к международной деятельности филантропических фондов, фактически самостоятельно работающих в странах Латинской Америки, и обязать их согласовывать свои программы с целями внешней политики [А.И. Кубышкин, Н.А. Цветкова, 2013: 89].

С конца 1930-х годов начала формироваться соответствующая государственная система. В частности, в 1938 г. в Государственном департаменте США был

создан Отдел по связям в области культуры для налаживания взаимодействия с гражданским обществом и улучшения образа Соединённых Штатах в странах Латинской Америки. Географический охват структуры вскоре был расширен и на другие регионы, а в её функционал, помимо распределения грантов для иностранных студентов и профессоров на прохождение стажировок в американских вузах, было добавлено «содействие установлению тесных связей между частными организациями и зарубежными правительствами, вовлечёнными в культурные и просветительские проекты» [4]. Таким образом, была создана структура для координации программ в области образования и культуры, в том числе контроля за участием в них частных фондов.

Из числа руководителей ключевых ведомств США был сформирован Междепартаментский комитет по научному и культурному сотрудничеству, ответственный за разработку программ по оказанию технической помощи латиноамериканским странам и привлечению частных фондов к их финансированию. Всего в рамках структуры было разработано 85 проектов (развитие сельского хозяйства, проведение переписи населения, геодезические исследования и т.д.), многие из которых легли в основу современных американских программ помощи развитию.

Сложившаяся при Ф. Рузвельте система координации работы благотворительных структур за рубежом стала первой попыткой выстраивания механизма их вовлечения в сопровождение внешней политики США. Поддержка государством их деятельности в предвоенные годы в Латинской Америке и Европе (в первую очередь, в сфере здравоохранения и образования) обеспечила благоприятное общественное мнение об их целях и задачах на международной арене и сформировала устойчивые связи правительственных и частных структур.

В 1936 г. был создан Фонд Форда, вставший, благодаря объёмам средств и связям в правящих кругах, в один ряд с фондами Рокфеллера и Карнеги. Эта триада была названа британским историком И. Пармаром «большой тройкой фондов» за своё влияние на общественно-политическое развитие США и формирование внешней политики страны. Совместная работа данных структур была направлена на продвижение концепции американского глобализма (в том числе через финансирование близких к правительству экспертных структур) и необходимости вступления Соединённых Штатов во Вторую мировую войну [I. Parmar, 2015a: 28], представлявшегося возможностью для расширения сферы своего влияния в Европе.

Ход и итоги войны изменили условия деятельности американских фондов за рубежом – теперь они могли не только решать гуманитарные задачи, но и вести идеологическую работу с иностранным населением и элитами – в Европе и Азии. Новые условия определили необходимость более активного вовлечения частных фондов во внешнюю политику в качестве инструмента воздействия на гражданское общество других стран.

ИНСТРУМЕНТЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1945-1989 гг.)

В основе внешней политики США в невоенной сфере в послевоенный период было стремление выстраивать активную работу с потенциальными противниками на мировой арене, действуя на упреждение через обеспечение лояльности населения за рубежом.

В 1949 г. одним из приоритетов политики президента Г. Трумэна на данном направлении стало оказание помощи развитию зарубежных стран, выступившее одновременно и «средством внешнеэкономической экспансии, и важным внешнеполитическим рычагом» [И.Л. Шейдина, 1984: 145], объединяющим интересы государства и частных кругов. Помимо этого, на фоне нараставшего противостояния с СССР за освободившиеся от колониальной зависимости государства помощь развитию выступала инструментом для борьбы с бедностью, которая считалась «питательной средой для распространения леворадикальных и коммунистических идей» [В.О. Печатнов, А.С. Маныкин, 2012: 330].

Частные фонды стали одними из проводников программ содействия, ответственными за их идеологическое сопровождение, наполнение и привлечение дополнительного финансирования. Участие в этих процессах организаций вне государственной бюджетной системы и бюрократического механизма согласований обеспечивало гибкость и оперативность оказания помощи, что давало США средство стратегического воздействия через манипулирование финансовыми потоками и гуманитарными поставками в политических целях, «откровенно покупая выгодное для США поведение» [И.Л. Шейдина, 1984: 157]. К тому же это позволяло финансировать программы, «слишком экспериментальные или политически сомнительные, чтобы их могло взять на себя правительство» [5], но необходимые для расширения сферы американского влияния. Частные фонды были активно вовлечены в реализацию государственных проектов в недружественных странах. В частности, через негосударственные структуры была организована работа с оппозицией и диссидентами, а также с молодёжью европейских стран, потенциально находившейся в сфере влияния коммунистической идеологии.

При президенте Дж. Кеннеди произошло дальнейшее углубление тенденций глобализма, одним из проявлений которого стала разработка доктрины «новых рубежей» с упором на невоенные факторы силы. По оценке С. Хантингтона, экспансия США в этот период «характеризовалась не приобретением новых территорий, а проникновением в них <...> различных организаций, правительственных и неправительственных, которые пытались достичь важных для них целей на территории других обществ» [S. Huntington, 1973: 344].

В этом отношении значительный акцент был сделан на продвижении американской «мягкой силы» через деятельность частных фондов в развивающихся странах, ставших основной целью политики в данной сфере. По результатам ревизии механизма оказания помощи развитию был принят закон «Об иностранной помощи» [6], которым было учреждено Агентство США по международному развитию (АМР США – *United States Agency for International Development, USAID*) для реализации и координации невоенных программ помощи и подчеркнута важность вовлечения частных фондов в государственную политику содействия за рубежом.

Повышение роли данных структур было связано с растущим влиянием гражданского общества на внутренние процессы в странах. Как было отмечено в 1964 г. в докладе Комитета Палаты представителей США по иностранным делам (*United States House Committee on Foreign Affairs*), «некоторые внешнеполитические цели могут быть достигнуты скорее, если иметь дело с народами зарубежных стран, нежели с их правительствами» [И.Л. Шейдина, 1984: 236]. Гибкость и автономность частных фондов позволяла выстраивать неформальные связи и оказывать прямую помощь гражданскому обществу за рубежом с тем, чтобы «подтолкнуть их к определенному образу действий» [И.Л. Шейдина, 1984: 236].

Параллельно по линии негосударственных структур наращивалась техническая помощь США развивающимся странам (содействие в осуществлении социально-политических, экономических и культурных реформ), в которой частные фонды выступали операторами и экспертными координаторами, ответственными за подготовку материалов и специалистов, и направление их в зарубежные государства.

Из-за неудовлетворительных результатов оказания помощи развитию при президентах Дж. Форде и Дж. Картере произошла её переориентация на удовлетворение базовых потребностей населения развивающихся стран (продовольствие, жильё, медицинская помощь, образование), что позволяло оказывать большее влияние на восприятие Соединённых Штатов в государствах «третьего мира». Данное направление работы с гражданским обществом за рубежом было дополнено социально-гуманитарными программами частных фондов.

При Дж. Картере и Р. Рейгане также существенно активизировалась тематика защиты прав человека в отношении оппонентов США на международной арене. Декларируемое стремление к приоритету политических свобод над социальными и экономическими правами человека легло в основу концепции продвижения демократии и служило «идеологическим обоснованием демонтажа коммунистических режимов» [Р.Е. Рее, 1986: 186]. В этих целях был создан подконтрольный, но формально неправительственный Нацио-

нальный фонд в поддержку демократии (НФД) с финансированием из государственного бюджета на развитие либеральных институтов в странах социалистического блока.

Помимо этого, в 1980-х годах усилился акцент на информационное направление работы с гражданским обществом за рубежом. В 1983 г. была принята «Программа демократии и публичной дипломатии», предполагающая активизацию деятельности в информационно-пропагандистской и культурно-образовательной сферах. В этом отношении фонды взяли на себя работу по финансированию создания и работы за рубежом средств массовой информации (газет, журналов, радиостанций), поддержки книгоиздания и профессиональных стажировок.

На протяжении периода холодной войны роль и функционал частных фондов в продвижении национальных интересов США за рубежом существенно возрастали. Их вовлечение во внешнюю политику для воздействия на население зарубежных стран и оказания социально-гуманитарного содействия давало государственной системе необходимую гибкость в работе с гражданским обществом. Таким образом, негосударственные структуры выступали не только в качестве инструментов идеологического противостояния, но и механизма гуманитарного и экспертно-политического диалога в отношениях с союзниками и оппонентами (в первую очередь, СССР и Китаем) на мировой арене.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ В ОДНОПОЛЯРНОМ МИРЕ (1990-2001 гг.)

Окончание идеологического противостояния с Советским Союзом требовало поиска нового обоснования работы с гражданским обществом за рубежом и роли частных фондов во внешней политике США. При президенте Дж. Буше-старшем отмечалось сокращение расходов на данном направлении, в том числе обоснованное сворачиванием программ идеологического воздействия.

Однако ещё в первой половине 1990-х годов произошла переориентация подходов, устранение идеологического оппонента создало благоприятные условия для распространения демократических ценностей в однополярном мире. В качестве основы внешнеполитической доктрины президента У. Клинтона была сформулирована стратегия «расширения демократии», важным элементом которой стало увеличение количества программ развития демократических институтов в зарубежных странах и их финансового обеспечения.

Одними из ключевых операторов работы на данном направлении стали американские частные фонды, интегрировавшие в свою деятельность проекты по сопровождению выборов, содействию реформам, поддержке независимых СМИ и развитию структур гражданского общества более чем в 100 странах, включая государства – бывшие республики СССР. Так была сформулирована задача по «оправданию американской гегемонии под видом помощи другим странам в достижении демократии» [I. Parmar, 2015b: 690], в решение которой были вовлечены частные структуры.

Подписание в 1992 г. закона «О поддержке свободы» (*Freedom Support Act of 1992*), в рамках которого проходило основное финансирование программ в странах бывшего социалистического блока, в том числе по развитию системы институтов гражданского общества, общественных организаций и партий, а также созданию новой электоральной системы, закрепило механизм интеграции частных фондов и их партнёрских неправительственных организаций в продвижение демократических ценностей за рубежом. Произошла переориентация финансирования на проекты содействия политическим процессам и реформам, а также воздействия на молодое поколение, ставшее одним из основных объектов работы с зарубежной аудиторией.

Важное место на данном направлении заняли фонды «Открытое общество» Дж. Сороса, нацеленные на работу, в первую очередь, в странах Восточной Европы и постсоветского пространства. Особенностью их деятельности стало внедрение в целевые страны через открытие представительств, трудоустройство местных сотрудников и работу с гражданским обществом на местах. С середины 1990-х годов структуры Дж. Сороса активно привлекались правительством США к реализации программ взаимодействия с населением и государственными структурами зарубежных стран.

Объём государственных средств на деятельность по оказанию помощи развитию и работе с гражданским обществом через частные фонды на протяжении 1990-х годов сокращался (более чем на 10%), что сделало США крупнейшей промышленно развитой страной с наименьшей долей бюджета, направленной на оказание иностранной помощи. В то же время размеры частного финансирования международных программ стремительно росли, через неправительственные структуры проходили значительные средства самих фондов и корпоративных спонсоров, что было обусловлено и стремлением продвигать коммерческие интересы. Образовавшийся на пространстве бывшего социалистического блока вакуум политического, экономического, культурного и гуманитарного воздействия третьих стран позволил США взять на себя финансовое и идеологическое обеспечение и развитие гражданского общества в соответствии с собственными интересами.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ И УСИЛЕНИЕ КООРДИНАЦИИ (2002–2022 гг.)

Одним из последствий террористических атак 11 сентября 2001 г. явилось осознание американским правительством падения имиджа страны за рубежом, в том числе из-за снижения интенсивности взаимодействия с гражданским обществом в 1990-е годы. Это обусловило не только необходимость стремительного повышения активности работы, но и усиления контроля и координации международной деятельности частных фондов.

Увеличение объёмов помощи зарубежным странам и намерение добиваться от частных структур поддержки усилий правительства и использования грантов для проектов развития были обозначены одним из приоритетов в Стратегии национальной безопасности США 2002 г. [7: 22]. Ориентация на официальный курс внешней политики международных программ частных фондов стала одной из основных задач преобразования системы.

В 2002–2004 гг. в Соединённых Штатах был серьёзно ужесточён регулирующий режим в отношении выделения грантов частными фондами, которые обязали отчитываться о расходах за рубежом [G.W. Jenkins, 2007: 802]. Помимо этого, был введён строгий контроль за предоставлением услуг за границей [A.C. Petersen, G.D. McClure, 2011: 96-98] для борьбы с финансированием терроризма, сделавшей частные фонды «в лучшем случае, сопутствующим ущербом, а в худшем – мишенями в правительственной кампании» [G.W. Jenkins, 2007: 844] по противодействию оказанию помощи террористическим группировкам.

В одном из своих выступлений в 2003 г. администратор АМР США Э. Нацис призвал частные структуры лучше продвигать связи с правительством США, так как за большей частью финансирования их работы стоит именно государство [8]. Вскоре после этого в Интернете была запущена база данных *NGOWatch.org* с детальной информацией о частных структурах, осуществляющих международную деятельность, что было расценено как инструмент давления на благотворительные организации.

В 2004 г. в США был принят закон о реформировании разведки и предотвращении терроризма, одной из задач которого была идентификация американской помощи развитию в качестве содействия, «предоставленного народом Соединённых Штатов» [9], и ориентация частных фондов на осуществление своих международных программ через Агентство по международному развитию. Спустя год в структуре Государственного департамента было создано Управление по связям с частным сектором, ответственное за координацию взаимодействия с негосударственными фондами и осуществ-

ление контроля за их работой для продвижения целей внешней политики Соединённых Штатов.

По оценке экспертов организации Центр фондов (*Foundation Center*) в 2008–2009 гг. общие объёмы затрат американских частных фондов сократились на 8% (даже с учётом расходов Фонда Гейтсов, являющегося крупнейшим жертвователем и увеличившего в указанный период свой бюджет на международные программы), в том числе в сфере реализации проектов за рубежом (почти 2/3 финансирования на цели развития стали распределяться среди контрагентов в США) [10]. Помимо мирового финансового кризиса и сокращения состояния крупных доноров, причиной снижения иностранной активности также было обозначено ужесточение государственного контроля, заставлявшее частные структуры действовать через посредников [А.С. Petersen, G.D. McClure, 2011: 96-98].

Одной из основ внешней политики президента Б. Обамы стало выстраивание международного сотрудничества в решении глобальных проблем, воспринимавшееся как способ расширения «мягкого» влияния на мировой арене. В качестве важной составной части такого подхода в Стратегии национальной безопасности 2010 г. было зафиксировано стремление к углублению взаимодействия с гражданским обществом через негосударственные структуры. Заместитель госсекретаря по публичной дипломатии Дж. Макхейл отметила возможность мягкого изменения политического строя авторитарных режимов через развитие демократических институтов [А.И. Кубышкин, Н.А. Цветкова, 2013: 228] по линии частных фондов, имеющих возможность гибкого воздействия на общественные структуры за рубежом.

В Стратегии национальной безопасности США 2015 г. данное направление работы было расширено, в документе обозначено стремление оказывать прямую поддержку структурам гражданского общества и противодействовать нормативным ограничениям, «которые лишают группы иностранного финансирования, от которого они зависят в своей деятельности, и которые криминализируют группы людей, таких как ЛГБТ-сообщество, или лишают политические оппозиционные группы свободы собираться в мирном протесте» [11: 22]. Для их финансового и методического обеспечения также привлекались частные фонды и их партнёрские неправительственные организации за рубежом.

Президентом Д. Трампом предпринимались попытки сокращения объёмов и числа получателей внешней помощи, что позволило бы сконцентрировать внимание и ресурсы на внутренних проблемах. Такой подход встречал активное противодействие, в том числе в Конгрессе США, ежегодно принимавшем решения о сохранении данного направления работы. Активность и степень участия частных фондов в продвижении американских национальных интересов за ру-

бежом оставались на прежнем уровне, а помощь развитию продолжала являться «разменной монетой», использовавшейся в зависимости от позиции США по отношению к стране-получателю.

При Дж. Байдене происходит возврат к привычному курсу практически любой администрации в Вашингтоне на использование финансовых потоков зарубежной помощи для продвижения национальных интересов и активное вовлечение американских фондов в управление и доставку содействия. Доля государственных средств, направляемых на эти цели через частные структуры США, составляет порядка 20%, в первую очередь, для финансирования проектов в области здравоохранения, образования, гуманитарной и технической помощи [12]. Помимо этого, сохраняется тенденция по использованию работы фондов с гражданским обществом и элитами зарубежных стран для решения американских внешнеполитических задач, приобретая особенную актуальность в контексте наращивания противостояния с Россией и Китаем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Американские частные фонды, создававшиеся как самостоятельные структуры для продвижения корпоративных интересов внутри и за пределами США и увеличения влияния предпринимательских кругов на формирование политического курса, на протяжении XX века были постепенно вовлечены в государственную систему. Формально независимые организации, благодаря своему автономному положению, функциональности и гибкости, стали неотъемлемым инструментом продвижения национальных интересов и формирования положительного восприятия Соединённых Штатов за рубежом через реализацию собственных программ и выделение финансирования иностранным контрагентам в общественно-политической и социально-гуманитарной сферах. Нарботанные частными фондами каналы и технологии гуманитарного, общественного, информационного и политического влияния на гражданское общество за рубежом оказались встроенными в государственную систему достижения внешнеполитических целей через выстраивание взаимодействия по линии государственных структур, координацию деятельности, закрепление направлений работы за ведомствами и выделение целевого бюджетного финансирования.

Анализ эволюции подходов США к вовлечению частных фондов во внешнюю политику на протяжении XX – начала XXI века демонстрирует преемственность и направленность на их полноценное участие в продвижении национальных интересов страны без привязки к текущему политическому курсу и партийной принадлежности действующей администрации. Предложенная периодизация отражает основные этапы формирования структуры и направлений включения него-

сударственных участников в продвижение национальных интересов – от интеграции первых филантропических программ как инструментов идеологической и культурной экспансии до координации и контроля за их работой как неотъемлемого элемента усиления влияния США на мировой арене.

Примечательно, что серьёзные трансформации американских подходов к вовлечению частных фондов во внешнюю политику происходили в период возникновения новых вызовов для Соединённых Штатов: появление в Латинской Америке и Европе нацистской пропаганды, угрожавшей интересам США, потребовало создания системы взаимодействия государственных и частных структур на международном направлении; нарастание противостояния с СССР в годы холодной войны – полноценного включения фондов в качестве инструмента идеологического, культурного и политического противодействия; распад Советского Союза – консолидации и контролируемой переориентации деятельности негосударственных структур в контексте «расширения демократии» за рубежом; террористические атаки 11 сентября 2001 г. – реформатирования системы с усилением контроля и координации работы указанных структур как проводников американского влияния и улучшения имиджа Соединённых Штатов на мировой арене. Таким образом, сложившаяся система вовлечения частных фондов в продвижении национальных интересов США стала важным дополнением официальной американской внешней политики.

Преимущество американской системы вовлечения неправительственных фондов в формирование и осуществление внешней политики в том, что, не действуя на государственные средства и не представляя официальные власти США, данные негосударственные структуры успешно способствовали осуществлению национальных интересов. Они являлись важным институциональным и идейно-политическим подспорьем государственного присутствия и влияния в различных странах и регионах мира. Кроме того, фонды формировали важную систему обратной связи, позволяющую привносить во внешнеполитическую повестку идеи и концепции, соответствующие интересам деловых кругов США, и расширять возможности присутствия американского капитала на новых и формирующихся рынках посредством гуманитарного влияния.

Ещё один важный момент заключается в том, что американские фонды, действуя в Латинской Америке, Европе, Тихоокеанской Азии, а затем и на постсоветском пространстве, благодаря своей гуманитарной активности, не только способствуют росту проамериканских настроений в обществах разных стран, но и формируют в них устойчивые и взаимосвязанные группы интересов, ориентированные на сотрудничество с США. Эти группы интересов в обществах и элитах государств, получающих помощь фондов, затем служат опорой американского влияния. Такую практику стоит активно перенимать России не только на государственном уровне, но и на уровне бизнеса. Гуманитарная деятельность

зачастую может стать даже более надёжным инструментом влияния, чем прямая поддержка со стороны государства.

ИСТОЧНИКИ

1. Madrigal A.C. Against Big Philanthropy. *The Atlantic*, June 27, 2018. Available at: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2018/06/against-philanthropy/563834/> (accessed 27.07.2022).
2. World War I & the Rockefeller Foundation. *The Rockefeller Foundation: A Digital History*. Available at: <https://rockfound.rockarch.org/world-war-i-the-rf> accessed 27.07.2022).
3. Cummings M.C. Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey. *Americans for the Arts Publisher*, June 26, 2009. Available at: <https://www.americansforthearts.org/sites/default/files/MCCpaper.pdf> (accessed 26.04.2022).
4. Twenty Years of United States Programs in Cultural Relations, prepared by the Committee on Educational Interchange Policy, January 1959. *Interamerican University of Puerto Rico*. Available at: <http://dspace.cai.sg.inter.edu/xmlui/bitstream/handle/123456789/10881/B9c006d003.pdf?sequence=1> (accessed 04.01.2022).
5. MacFarguhar L. What Money Can Buy: Darren Walker and the Ford Foundation set out to conquer inequality. *The New Yorker*, December 27, 2015. Available at: <https://www.newyorker.com/magazine/2016/01/04/what-money-can-buy-profiles-larissa-macfarquhar> (accessed 15.11.2021).
6. Foreign Assistance Act of 1961. Public Law 87-195, Approved September 4, 1961. *United States Senate Committee on Foreign Relations*. Available at: <https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/Foreign%20Assistance%20Act%20Of%201961.pdf> (accessed 30.11.2021).
7. The National Security Strategy of the United States of America, September 2002. *Historical Office, Office of the Secretary of Defense*. – p.22. Available at: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2002.pdf?ver=oyVN99aEnrAWijAc_O5eiQ%3d%3d (accessed 15.11.2021).
8. USAID Administrator: NGOs Must Promote Ties to U.S. Government or We Will «Find New Partners», 09.06.2003. *Hunger Notes, World Hunger Education Service*. Available at: <https://www.worldhunger.org/articles/03/us/natsiosinteraction.htm> (accessed 16.11.2021).
9. Intelligence Reform and Terrorism Prevention Act of 2004. Approved December 17, 2004. Public Law 108-458. *U.S. Government Publishing Office*. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-108publ458/html/PLAW-108publ458.htm> (accessed 15.11.2021).

10. Lawrence S., Mukai R. International Grantmaking Update: A Snapshot of U.S. Foundations Trends, December 2010. *Foundation Center*. Available at: https://foundationcenter.org/gainknowledge/research/pdf/intl_update_2010.pdf (accessed 02.12.2021).

11. The National Security Strategy of the United States of America, February 2015. *Historical Office, Office of the Secretary of Defense*. – P.21. Available at: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2015.pdf?ver=TJJ2QfM0McCqL-pNtKHtVQ%3d%3d> (accessed 15.11.2021).

12. Kenny C., Morris S. Biden's Foreign Aid Is Funding the Washington Bubble. *Foreign Policy Magazine*. 06.05.2022. Available at: <https://foreignpolicy.com/2022/05/06/us-foreign-aid-biden-build-back-better-world-development/> (accessed 28.07.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: Учебное пособие для вузов– М.: Аспект Пресс, 2013. – 271 с.

Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. – М.: Международные отношения, 2012. – 680 с.

Шейдина И.Л. Невоенные факторы силы во внешней политике США. – М.: Наука, 1984. – 351 с.

REFERENCES

Huntington S. Transnational Organizations in World Politics. *World Politics*, Vol. 25, № 3, April 1973, pp. 333-368.

Jenkins G.W. Soft Power, Strategic Security and International Philanthropy. *North Carolina Law Review*, Vol. 85, 2007, pp.802, 844. Available at: <https://scholarship.law.unc.edu/nclr/vol85/iss3/3/> (accessed 15.11.2021).

Libraries, Archives, and Museums: An Introduction to Cultural Heritage Institutions through the Ages / Edited by Suzanne M. Stauffer. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2021. – 273 p.

Kubyshkin A.I., Tsvetkova N.A. Publichnaia diplomatiia SShA: Uchebnoe posobie dlia vuzov [Public Diplomacy of the United States: textbook for high schools] (In Russ.). – М.: Aspect Press, 2013. – 271 p.

Parmar I. Foundations of the American Century: The Ford, Carnegie, and Rockefeller Foundations in the Rise of American Power. – Columbia University Press, 2015a. – 368 p.

Parmar I. The «Big 3» Foundations and American Global Power. *American Journal of Economics and Sociology*, 74(4), September 2015b, pp. 676-703.

Pechatnov V.O., Manykin A.S. Istoriia vneshnei politiki SShA [History of the US Foreign Policy] (In Russ.). – М.: International Relations, 2012. – 680 p.

Pee R.E. Democracy Promotion, National Security And Strategy During Reagan Administration 1981-1986. – University of Birmingham, 2013. – 230 p.

Petersen A.C., McClure G.D. Trends in Global Philanthropy Among U.S. Foundations: A Brief Review of Data and Issues. *The Foundation Review*, №2 (4), 2011. Available at: <https://scholarworks.gvsu.edu/tfr/vol2/iss4/8/> ____ (accessed 04.05.2022).

Petersen A.C., McClure G.D. Trends in Global Philanthropy Among U.S. Foundations: A Brief Review of Data and Issues. *The Foundation Review*, №2 (4), 2011. Available at: <https://scholarworks.gvsu.edu/tfr/vol2/iss4/8/> ____ (accessed 04.05.2022).

Sheydina I.L. Nevoennye faktory sily vo vneshnei politike SShA [Non-military force factors in US foreign policy] (In Russ.). – М.: Nauka, 1984. 351 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СИЛАКОВ Никита Юрьевич, аспирант Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО)

Российская Федерация, Москва, 117997, Профсоюзная ул., 23.

Nikita Yu. SILAKOV, Post-Graduate Student, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO).

23, Profsoyuznaya St., 117997 Moscow, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 1.08.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 15.08.2022.

Принята к публикации / Accepted 17.08.2022.

УДК 327, 94, 329.15

DOI: 10.31857/S2686673022120057

EDN: GYKUGM

Соперничество сверхдержав в странах Африканского Рога и фактор еврокоммунизма в конце 1970-х годов

М.В. Бакшаев

Вятский государственный университет

Российская Федерация, 610000 г. Киров, ул. Московская, 36.

Scopus Author ID: 57884002500 РИНЦ ID: 970892

ORCID: 0000-0001-6271-1308 e-mail: randvmax@gmail.com

Резюме. В статье рассмотрена политика США и СССР в отношении конфликтов государств Африканского Рога во второй половине 1970-х годов (на примерах войны в Огадене и национально-освободительного движения в Эритрее) с учётом дипломатических мероприятий одной из ведущих сил западноевропейского сегмента международного коммунистического движения (МКД) – Итальянской коммунистической партии (ИКП). Попытки включения ИКП в процесс урегулирования локальных конфликтов в северо-восточной части Африки в качестве самостоятельного субъекта стали новым явлением для международных отношений. В статье обосновываются выводы о том, что 1) в случае Огаденской войны Итальянская коммунистическая партия не смогла однозначно выбрать сторону конфликта для поддержки; 2) Советский Союз счёл бесполезными дипломатические мероприятия ИКП по налаживанию диалога между Эфиопией и Сомали; 3) Госдепартамент, отслеживая активность еврокоммунистов в Сомали и Эфиопии, отмечал углубление противоречий в МКД по вопросам третьего мира, но не считал действия ИКП существенным фактором международных отношений.

Ключевые слова: СССР; США; Огаденская война; еврокоммунизм

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-78-10179, <https://rscf.ru/project/22-78-10179>

Для цитирования: Бакшаев М.В. Соперничество сверхдержав в странах Африканского Рога и фактор еврокоммунизма в конце 1970-х годов. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2022; 52(12): 69–85. DOI: 10.31857/S2686673022120057

EDN: GYKUGM

Superpowers Rivalry in the Horn of Africa and the Eurocommunism Factor, Late 1970s

Maxim V. Bakshaev

Vyatka State University.

36 Moskovskaya St., Kirov, Russian Federation

Scopus Author ID: 57884002500 РИНЦ ID: 970892

ORCID: 0000-0001-6271-1308 e-mail: randvmax@gmail.com

Abstract. This article focuses U.S. and Soviet policy toward the conflicts in the Horn of Africa in the second half of the 1970s (using the examples of the Somali-Ethiopian conflict and

the national liberation movement in Eritrea), taking into account the activities of the Italian Communist Party (Italian: Partito Comunista Italiano, PCI), a leading force in the Western European segment of the international communist movement (ICM). Attempts to include the PCI in the process of settling local conflicts in the northeastern part of Africa as an independent entity have become a new phenomenon in international relations. This article concludes that 1) in the case of the Ogaden War, the Italian Communist Party could not choose one side to support; 2) the Soviet Union considered the PCI's diplomatic efforts to establish a dialogue between Ethiopia and Somalia futile; 3) The State Department, monitoring Eurocommunist's activity in Somalia and Ethiopia, noted the deepening controversy in the international communist movement over Third World issues, but did not consider the actions of the PCI a significant factor in international relations.

Keywords: USSR; USA; Ogaden War; Eurocommunism

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No 22-78-10179. <https://rscf.ru/en/project/22-78-10179/>

For citation: Bakshaev M.V. Superpowers Rivalry in the Horn of Africa and the Eurocommunism Factor, Late 1970s. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52(12): 69-85. DOI: 10.31857/S2686673022120057 EDN: GYKUGM

ВВЕДЕНИЕ

Столкновения противоположных военно-политических группировок в странах третьего мира в годы холодной войны постоянно становились объектом внимания со стороны Москвы и Вашингтона и приводили к прямому или опосредованному участию сверхдержав в конфликтах, которые нередко интернационализировались.

Как ведущая сила международного коммунистического движения (МКД) Советский Союз вырабатывал собственную линию поведения в третьем мире и продвигал её среди компартий. Но к 1970-м годам это движение не являлось монолитным. В результате конфликта с СССР Китай перестал быть привязанным к его структуре ещё с начала 1960-х годов, вследствие чего активизировался процесс нормализации китайско-американских отношений [Юнгблуд В.Т., Воробьева Т.А. 2019а. 3: 65]. В Западной Европе среди крупнейших компартий возникло течение еврокоммунизма, основные участники которого – итальянская компартия (ИКП), французская компартия (ФКП) и Коммунистическая партия Испании (КПИ), отдавая предпочтение мирным парламентским методам прихода к власти в своих странах, выступали с критикой советской модели «реального социализма» из-за нарушений прав человека, призывали к ликвидации блоков НАТО и Организации Варшавского договора, а также стремились к многополярному миру, в котором страны третьего мира стали бы полноправными участниками международного сообщества наряду с единой Европой, США, СССР и Китаем. Еврокоммунисты ставили под сомнение роль СССР как флага социализма не только в развитых, но и в развивающихся странах. В этой

связи возникает вопрос: как США оценивали сложившееся положение дел и соотносили его с собственными тактическими и стратегическими соображениями?

В Вашингтоне внимательно следили за происходящим в МКД и за активностью Москвы в третьем мире. Автор статьи на примере событий, происходивших на территории Африканского Рога в конце 1970-х годов, показывает особенности подходов СССР и США к локальным конфликтам в развивающихся странах с учётом фактора еврокоммунизма.

Отдельные аспекты поставленной проблемы рассматривались зарубежными и российскими историками. Например, С. Понса отмечает посредническую роль ИКП в конфликте между Сомали и Эфиопией по поводу Огадена, а также в борьбе Эритреи за отделение от Эфиопии. Несмотря на постоянные контакты ИКП с советскими, кубинскими, сомалийскими и эфиопскими лидерами, её дипломатические усилия, по мнению этого историка, не только не привели к компромиссному урегулированию конфликта, приемлемого для всех сторон, а стали показателем «углубления трещин в международном коммунизме, вызванных еврокоммунизмом» [Pons S. 2021: 182].

М. Марджокко полагает, что поддержка Советским Союзом Эфиопии в войне против Сомали стала серьёзным испытанием для итальянских коммунистов, которые были в хороших отношениях с сомалийскими руководителями. Интернационализация этого конфликта размывала «международный климат разрядки, имевший фундаментальное значение для стратегии итальянских коммунистов, поскольку без снижения уровня международной напряжённости в Италии было бы трудно говорить об “историческом компромиссе”» [Margiocco M. 1981: 276]. Однако в этих работах интернационализация сомалийско-эфиопского конфликта рассматривалась лишь в контексте наличия разногласий между лидерами КПСС и ИКП без учёта позиций Вашингтона. Проблема конкретизации подходов Советского Союза и Соединённых Штатов к локальным конфликтам в странах третьего мира с учётом фактора еврокоммунизма до сих пор оставалась вне поля зрения исследователей.

ЭСКАЛАЦИЯ СОМАЛИЙСКО-ЭФИОПСКОГО КОНФЛИКТА И ПОЗИЦИИ США И СССР

Война между Эфиопией и Сомали 1977–1978 гг. возникла как следствие поразному обосновываемых претензий на пограничную территорию Огадена. Свою лепту в обострение эфиопо-сомалийского конфликта внесли Советский Союз и США. Важной причиной вовлечённости в конфликт для обеих стран являлось присутствие другой сверхдержавы в районе Африканского Рога.

Руководство СССР в течение длительного времени поддерживало хорошие отношения с императором Эфиопии Хайле Селассие.

В Сомали позиции Москвы также были стабильными. Заметное улучшение их наметилось после военного переворота в Могадишо в 1969 г. и прихода к власти Сиада Барре, провозгласившего социалистическую ориентацию и обратившегося к Москве с просьбой о поставках оружия. В 1972 г. сомалийские власти предоставили СССР права на использование военно-морской базы в Бербере. В феврале 1972 г. эту страну посетил министр обороны СССР маршал А.А. Гречко. 11 июля 1974 г. был подписан советско-сомалийский договор о дружбе и сотрудничестве. Москва предоставила Сомали значительную военную помощь и направила туда военных советников.

Ситуация осложнилась, когда в 1974 г. был свергнут Х. Селассие. Новые эфиопские руководители придерживались просоветской и антиамериканской ориентации и стремились к более тесным связям с Москвой. С весны 1975 г. Эфиопия начала искать возможности для получения военной помощи от СССР. 14 декабря 1976 г. было подписано секретное соглашение, которое предусматривало поставки «оборонительного» оружия: зениток ПВО, артиллерии, противотанковых ракет и т.п.

В начале 1977 г. к власти в Эфиопии пришёл Менгисту Хайле Мариам. В мае 1977 г. СССР заключил с Эфиопией соглашение о военной помощи, которую западные источники оценивали в 350–450 млн долл. [Хазанов А.М., Гомаа Х. 1997: 71]. Было принято совместное коммюнике, а также подписаны Протокол об экономическом и техническом сотрудничестве, Консульская конвенция и Декларация о принципах дружеских отношений и сотрудничества.

Декларация о принципах гарантировала безусловную поддержку Москвой эфиопской позиции по Огадену, подчеркнув важность территориальной целостности государств и незыблемости государственных границ. Для Аддис-Абебы этот документ имел исключительную важность, поскольку в это время движение за независимость Эритреи достигло беспрецедентных масштабов, а Фронт освобождения Западного Сомали (ФОЗС), опираясь на поддержку Могадишо, начал наступление с целью отторжения Огадена от Эфиопии. В Вашингтоне этот момент сочли благоприятным для вмешательства – до Барре была доведена информация о том, что администрация Картера рассматривает вопрос о снабжении Сомали оружием. Эти планы оказались созвучными чаяниям руководства Сомали. В начале мая 1977 г. посол А. Адду в беседе с вице-президентом США У Мондейлом сообщил, что в случае организации в достаточном объёме военных поставок сомалийцы могут закрыть право доступа СССР к порту и аэродрому в Бербере [7: 49]. 11 июня 1977 г. президент Дж. Картер заявил о желании дать отпор «агрессивным поползновениям» Советского Союза установить своё влияние во многих районах мира, включая Сомали [Хазанов А.М., Гомаа Х. 1997: 71].

Изначально среди американских ведомств не было единства мнений по вопросу стратегического значения Африканского Рога для США. В Комитете по

обзору политики Совета по национальной безопасности считали, что регион Индийского океана имеет «низкий приоритет с точки зрения глобального стратегического баланса», но в то же время ограничение советского военного присутствия и максимальное расширение доступа США к портам и аэродромам в этом районе отвечало бы американским национальным интересам [7: 18]. Министерство обороны придерживалось более жёсткой точки зрения: интересы США имеют стратегическое значение, поскольку этот регион расположен в относительной близости к нефтяным месторождениям Ближнего Востока, морским путям и проходу через Красное море в Средиземное. Оборонное ведомство с обеспокоенностью оценивало наличие советских военных объектов в Сомали и проникновение СССР в другие части Африканского Рога и предлагало серьёзно отнестись к ситуации в этом регионе, продумать стратегию противодействия СССР, которая содействовала бы «региональной стабильности и эволюционному развитию обстановки, благоприятствующей целям США» [7: 18].

Решение С. Барре принять предложение администрации Картера оценивалось американской стороной как «значительный сдвиг со стороны правительства Сомали» [Jackson D.R. 2007: 706]. Власти Сомали разрешили американцам въезжать в страну для оказания медицинской помощи в связи со вспышкой эпидемии оспы. Более того, администрация Картера направила в страну группу экспертов для оценки экономических потребностей сомалийского народа, которой были предоставлены значительные преференции по сравнению с прежними жёсткими ограничениями, обычно налагавшимися на деятельность посла США и других американских официальных лиц в Сомали.

Применение к Сомали важного для администрации Картера принципа внешней политики — соблюдения прав человека — вызвало бурную дискуссию. Широкое толкование прав человека могло стать эффективным инструментом давления на режим С. Барре. Несмотря на заверения сомалийцев в приверженности правам человека, у администрации было мало доказательств того, что действительность соответствовала риторике. Сотрудник Совета национальной безопасности (СНБ) П. Хенце, ответственный за Африканский Рог, сообщал помощнику президента по национальной безопасности Зб. Бжезинскому, что «режим Сиада Барре в Сомали является в значительной степени полицейским государством. Когда несколько лет назад группа религиозных лидеров выступила против него, он всех их расстрелял» [Jackson D.R. 2007: 706]. Когда Бжезинский на одной из встреч с послом А. Адду поднял вопрос о правах человека, Адду осудил их нарушения во всех странах, за исключением собственной [Jackson D.R. 2007: 707]. В конечном счёте администрация сохранила принцип соблюдения прав человека в качестве критерия при определении своего отношения к государствам Африканского Рога, но применяла его избирательно, отдавая приоритет геополитическим соображениям. По свидетельству помощника госсекретаря

США в 1977–1979 гг. Л. Гелба, главными публичными аргументами в пользу решения администрации Картера сократить расходы на военную помощь Эфиопии стали ссылки на нарушения прав человека в этой стране [3].

Серьёзным фактором, влиявшим на отношения США и Сомали, были территориальные амбиции Сиада Барре. Он был одержим мечтой о воссоединении этнических сомалийцев в соседних Эфиопии, Кении и Джибути с остальной частью сомалийского народа. Сомалийская ирредента не могла осуществиться без оружия и внешней поддержки. Пытаясь опровергнуть обвинения в нарушении международного права, сомалийский лидер настаивал на том, что его претензии на Огаден были вопросом самоопределения. Однако правительственные чиновники как в Соединённых Штатах, так и в Советском Союзе никогда не воспринимали его утверждение всерьёз [2].

ВОЙНА ЗА ОГАДЕН И ПОЛИТИКА СВЕРХДЕРЖАВ. ФАКТОР ЭРИТРЕИ

В течение лета 1977 г. ситуация в Огаденской пустыне переросла в межгосударственный конфликт. 23 июля войска Сомали вторглись в Огаден, объединившись с поддерживаемой из Могадишо партизанской армией Фронта освобождения Западного Сомали, который уже контролировал часть восточного Огадена. Эфиопское руководство в это время столкнулось с серьёзными трудностями из-за широкой внутренней оппозиции режиму и необходимости отвлекать значительные военные ресурсы на Эритрею, где шла война за независимость.

Эритрея для Эфиопии занимала важное место – её территория открывала выход к Красному морю и Аденскому заливу. В соответствии с решением Генеральной Ассамблеи ООН, в 1952 г. Эритрея стала частью Эфиопии, но сохраняла автономию. Император Х. Селассие постепенно сокращал автономные права, а в 1962 г. сделал Эритрею рядовой провинцией, что вызвало недовольство местного населения и дало толчок сепаратизму. Аналитики ЦРУ прогнозировали, что в случае получения независимости Эритрея станет «ещё одной малой африканской страной с бедной базой природных ресурсов и мизерным внутренним рынком». Потеря Эритреи, по их оценкам, неизбежно вела к ослаблению Эфиопии, изолировала её от выхода к Красному морю, а жизнеспособность независимой Эритреи всецело зависела «как от иностранной помощи и инвестиций, так и от поддержания политической стабильности» [4].

Кубинский лидер Ф. Кастро в ходе беседы со своим восточногерманским коллегой Э. Хоннекером ещё 3 апреля 1977 г. очень точно охарактеризовал угрозу для социалистических стран, которая назревала из-за отношений между Сомали и Эфиопией: «Социалистические страны столкнулись с проблемой. Если они помогут Эфиопии, то потеряют Сиада Барре как союзника. Если они этого

не сделают, то падёт Эфиопская революция» [1]. Руководство СССР оказалось перед дилеммой: поддержать претензии Сомали на эфиопскую провинцию Огаден означало потерять Эфиопию, а встать в этом конфликте на сторону Эфиопии неизбежно означало разрыв с Сомали.

Официально Картер утверждал, что, право на самоопределение Огадена должно быть реализовано через переговоры и международное посредничество, а не через военное вторжение [Jackson D.R. 2007: 708]. Хотя у Картера были некоторые идеи относительно формы, которую должно принять урегулирование путём переговоров – например, автономный Огаден под протекторатом Эфиопии, – в целом администрация полагала, что Соединённые Штаты не могут вмешиваться в конфликт. В СНБ признавали важные моменты военной операции, которые продемонстрировали сомалийцы. Во-первых, они создали эффективную армию с использованием советского вооружения и при помощи советских военных инструкторов, которую затем стали применять вопреки интересам Москвы; во-вторых, они создали и поддерживали повстанческие фронты, которые действовали как национально-освободительные движения; в-третьих, подключили к войне собственную армию; в-четвёртых, организовали правильно поставленную пропаганду в сочетании с дипломатическими манёврами, заявляя о зверствах эфиопов против сомалийского населения, присутствии кубинцев и других наёмников. П. Хенце в записке, адресованной Бжезинскому, делал вывод: «Сомалийская операция в Эфиопии – одна из самых умелых операций, которые мир видел за многие годы» [7: 61].

Москва изначально пыталась остановить конфликт между Сомали и Эфиопией дипломатическим путём. 3 октября 1977 г. советское руководство призвало С. Барре незамедлительно предпринять шаги к прекращению вооружённого конфликта и вывести из Огадена войска. Продолжение конфликта, по мнению Политбюро ЦК КПСС, использовалось «империалистами» и «реакционерами» «для нанесения ударов по прогрессивным силам в Сомали и Эфиопии, для подрыва сотрудничества этих стран с <...> социалистическими государствами» [16: 4].

Советский Союз выразил готовность оказать содействие политическому урегулированию сомалийско-эфиопских разногласий и предложить миссию добрых услуг. Но Политбюро ЦК КПСС отказало в дополнительных поставках вооружений, о которых просил Барре, указав на то, что увеличение поставок возможно лишь после прекращения конфликта между Сомали и Эфиопией [16: 4]. Менгисту через посла А.П. Ратанова было сообщено, что СССР будет проводить линию на оказание помощи Эфиопии и координировать усилия с социалистическими странами для мобилизации мирового общественного мнения в поддержку этой страны [16: 10].

К концу октября Советский Союз прекратил все поставки оружия в Сомали. В ответ С. Барре принял решение выйти из договора о дружбе и сотрудничестве

с СССР, закрыть советскую военно-морскую базу в Бербере, выслать всех советских гражданских и военных советников, разорвать дипломатические отношения с Кубой и начал открыто апеллировать к Западу [Jackson D.R. 2007: 710].

Построенный Советским Союзом аэродром в Бербере пустовал недолго, к нему с разрешения сомалийского руководства получили доступ американские военные. Специальный советник госсекретаря С. Вэнса по советским делам в 1977–1980 гг. М. Шульман вспоминал, что, несмотря на поворот Сомали в сторону США, С. Барре стремился не поддаваться внешнему контролю: «Он призывал к увеличению поставок оружия, и всем было ясно, что опасно давать ему все те вооружения, которые он просил, поскольку он обладал очень значительным запасом советского оружия более раннего периода» [3].

Массированная переброска оборудования и персонала самолётами, поставки большого количества оружия, бронетехники и артиллерии Советским Союзом в Эфиопию беспокоили Соединённые Штаты, которые требовали от СССР и Кубы прекратить вмешиваться в Огаденскую войну. Сомалийско-эфиопский конфликт обсуждался на встречах посла СССР в США А.Ф. Добрынина и госсекретаря США С. Вэнса. В январе 1978 г. после прибытия кубинского военного контингента на помощь Эфиопии, когда возобновились активные боевые действия, в ходе которых сомалийские войска стали терять занятые в Огадене территории, государственный секретарь неоднократно поднимал эту тему. Архивные документы позволяют раскрыть и систематизировать основные позиции сверхдержав в тот период. В советском руководстве считали, что началом мирного урегулирования конфликта должно стать не просто прекращение военных действий, а *полный* вывод войск Сомали с территории оккупированного Огадена [14: 20]; при этом должна быть обеспечена территориальная целостность Эфиопии; урегулирование должно достигаться путём переговоров «на основе взаимного уважения сторонами суверенитета, территориальной целостности, нерушимости границ и невмешательства во внутренние дела друг друга» [14: 67]. Позиция США значительно отличалась: в Вашингтоне считали необходимым остановить военные действия Эфиопии и Сомали *без* предварительных условий (посол Добрынин возражал по данному пункту, указывая, что подобный шаг означал бы сохранение позиций воюющих сторон, то есть захваченная часть Огадена оставалась бы *под контролем* Сомали); *вывести* кубинский военный контингент и *отозвать* советских военных инструкторов и военных советников с территории Эфиопии [14: 90].

По мнению Вэнса, советско-кубинская вовлечённость в конфликт наносила растущий ущерб советско-американским отношениям и могла даже «поставить под угрозу ратификацию конгрессом соглашения об ограничении стратегических вооружений», на что Добрынин возразил, что любые попытки ставить развитие советско-американских отношений в зависимость от перипетий «каких-либо локальных ситуаций, в которых США имеют тот или иной свой интерес»,

грозит лишь нанести неоправданный ущерб разрядке в отношениях между двумя странами [14: 92]. В комментарии Добрынина, отправленном в Москву вместе с отчетом об одной из многочисленных бесед с Вэнсом, отмечалось, что действия Москвы рассматривались американцами как выход СССР «на широкий стратегический простор в районе Африки и Ближнего Востока с угрозой интересам США и их друзей: Египта, Саудовской Аравии, Ирана и т.п.» [14: 21; Юнгблуд В.Т., Воробьева Т.А. 2019b]. Однако было бы неверно говорить о тщательно разработанной и выверенной стратегии СССР в странах Африканского Рога. Сотрудник Международного отдела ЦК КПСС, специализировавшийся на национально-освободительных движениях Азии и Африки К. Н. Брутенц в своих воспоминаниях с сожалением констатировал: «Я никогда не сталкивался с документом, где делалась хотя бы попытка изложить нашу африканскую стратегию, – его и не существовало. Никогда не был и свидетелем или участником обсуждения этой проблемы на политическом уровне. Знаю только, что Фидель Кастро <...> настаивал на необходимости иметь «интегрированную стратегию для всего Африканского континента». Но его призыв остался без последствий» [15: 213].

АМЕРИКАНСКИЕ ДИПЛОМАТЫ О МЕЖДУНАРОДНОЙ АКТИВНОСТИ ИКП В ХОДЕ ОГАДЕНСКОЙ ВОЙНЫ

Посольство США в Италии тщательно отслеживало проявляющуюся активность Итальянской компартии в зоне сомалийско-эфиопского конфликта и противостояния эритрейских повстанцев с эфиопской армией. В августе 1977 г. Сомали и Эфиопию посетили делегации ИКП. В Могадишо отправилась группа во главе с членом Руководства ИКП А. Океттой, а в Аддис-Абебу – делегация во главе с его коллегой – Дж. Пайеттой. Окетто обсудил с президентом С. Барре сложившуюся критическую ситуацию в отношениях между Аддис-Абебой и Могадишо, а также назревавший конфликт с Москвой.

По сообщению посла США в Сомали Дж. Луграна, миссия Окетто была следствием возникновения разногласий в Руководстве ИКП по сомалийско-эфиопской проблеме. Американский дипломат сообщал, что Окетто в интервью сомалийской газете *Horseed* выразил ряд пожеланий касательно разрешения конфликта, в частности, он говорил о том, что: 1) разногласия должны быть решены при помощи переговоров, а не войны; 2) ИКП хотела бы видеть единство стран Африканского Рога, свободного от колониализма и независимого от империалистических держав; 3) для достижения единства, страны должны решить свои национальные проблемы, унаследованные от колониальной эпохи. По эритрейской проблеме Окетто заявил, что её разрешение (автономия или независимость территории) должно произойти только мирным путём – в результате переговоров или референдума. Посол отмечал, что «заявления Окетто для прес-

сы свидетельствуют о том, что он поддержал позицию Барре относительно права Огадена и других эфиопских народов на самоопределение» [12]. Окетто вернулся в Рим с полным пониманием того, что сомалийцы не желали идти на компромисс с Эфиопией по огаденскому вопросу и праву Эритреи на самоопределение. Делегация Пайетты, посетив Эфиопию, вернулась в Рим, как отмечал посол, приняв в целом советскую позицию поддержки режима Х. Менгисту [12].

Делегации ИКП продолжали в дальнейшем посещать Могадишо и Аддис-Абебу. В Госдепартаменте следили за ходом партийной дипломатии на данном направлении. В частности, посол США в Италии Р. Гарднер позицию делегации ИКП, побывавшей в Могадишо в ноябре 1977 г., охарактеризовал как «проэфиопскую». Сомалийцы были недовольны этим обстоятельством, но не хотели разрывать связи с ИКП, тем самым демонстрируя свою приверженность социалистическому выбору даже после охлаждения отношений и последующего разрыва с Москвой. Посол заметил, что конфликт в Огадене поставил ИКП перед серьёзным внешнеполитическим выбором между традиционной поддержкой Сомали и режимом Менгисту в Эфиопии. И хотя делегация Пайетты выразила поддержку режиму Х. Менгисту, другие члены руководства партии продолжали выступать за сохранение связей с Сомали [13].

К концу ноября 1977 г. в Госдепартамент из американского посольства в Эфиопии стали поступать сведения, свидетельствующие о том, что подавляющее большинство руководства партии стало поддерживать режим Менгисту, всё более склоняясь к позиции Пайетты. Поверенный США в делах Эфиопии Р. Матерон сообщал госсекретарю США, что Пайетта высказался в поддержку Эфиопии после встречи с президентом Х. Менгисту.

Во время беседы с эфиопским руководителем Пайетта изложил предельно обтекаемо позицию ИКП, сглаживавшую противоречия между конфликтующими сторонами. Она заключалась в «стремлении к миру при уважении границ в соответствии с принципами Организации африканского единства и при признании прав на автономию, развитие культуры и самобытности этнических меньшинств», а в качестве способа разрешения конфликта со стороны ИКП предлагались переговоры [10]. Данный факт, по мнению Матерона, мог оказать деморализующее влияние на эритрейские освободительные (сепаратистские) движения – в частности, на левый Народный фронт освобождения Эфиопии, бойцы которого залечивали раны в итальянских госпиталях, расположенных на территории регионов «красного пояса». Дипломат прогнозировал, что «ИКП не будет больше выступать за независимость Эритреи и оказывать материальную поддержку НФОЭ [9] и делал итоговый вывод о том, что Итальянская коммунистическая партия не только поддержала Эфиопию в конфликте с Сомали, но и отказалась от помощи национально-освободительному движению в Эритрее в борьбе за её отделение, выдвинув взамен идею автономии Эритреи в составе

Эфиопии, тем самым солидаризовавшись с Москвой в отношении ситуации в странах Африканского Рога. Дипломат не учёл, что данная позиция не была принята всем Руководством ИКП, хотя и озвучивалась его функционером, отвечающим за международную деятельность.

Позиция правительства Италии по отношению к Огаденской войне отслеживалась также американскими дипломатами. Во время встречи 10 февраля 1978 г. министр иностранных дел Италии А. Форлани сообщил Гарднеру, что советская помощь Эфиопии будет иметь долгосрочный характер и что сомалийцы, в свою очередь, надеялись получить военную помощь от Италии. С другой стороны, министр полагал, что при увеличении советско-кубинского присутствия правительство Эфиопии стало бы в меньшей степени проявлять свою независимость. Выходом из ситуации могли стать только переговоры воевавших сторон. Форлани указал на то, что США и СССР, работая вместе, могут создать условия для таких переговоров, а «Италия с радостью присоединится к подобной инициативе» [6].

24 февраля 1978 г. Форлани через журналиста Л. Воллемборга передал в посольство свои опасения о вероятном падении режима С. Барре в Сомали и установлении марионеточного правительства. Министр ссылаясь на информацию, полученную в результате контактов как с сомалийцами, так и с представителями ИКП. По словам Воллемборга, Форлани советовал послу сообщить в Вашингтон, что США должны предупредить Советский Союз: в случае свержения С. Барре Москве «придётся заплатить» высокую цену «за усиление советского господства на Африканском Роге» [8]. В это же время Могадишо посетил член ЦК ИКП Дж. Джадреско, который провёл серию встреч с сомалийскими чиновниками. Гарднер счёл этот визит попыткой сохранить «экономические интересы ИКП в Сомали» и «минимизировать потерю политического влияния после того, как ИКП поддержала Эфиопию» [8].

ИКП не прекращала следить за действиями Эфиопии на эритрейском направлении. Об этом свидетельствует обзор прессы ИКП, направленный в адрес С. Вэнса послом Р. Гарднером 20 мая 1978 г., в котором отмечалось, что ИКП, оказывавшая долгое время материальную помощь эритрейским повстанцам, негативно отнеслась к наступлению эфиопских войск на эритрейских сепаратистов. Гарднер особо обращал внимание на опубликованную в центральном органе ИКП – газете «Унита» (*L'Unita*) статью журналиста Р. Ледда, который отмечал, что 1) Эритрея – это не Огаден: нельзя путать проблему Эритреи с военной интервенцией Сомали; 2) эритрейские повстанцы ведут национально-освободительную борьбу; 3) правительство Эфиопии должно продемонстрировать желание разрешить эту проблему [5].

В этом обзоре Гарднер прокомментировал нюансы политики ИКП на Африканском Роге. Было отмечено, что партия долгое время поддерживала друже-

ские отношения с Сомали, но ей пришлось признать правоту Эфиопии – из-за акта агрессии Сомали. Гарднер констатировал, что ИКП, поддержав Эфиопию, одобрила военную помощь СССР и Кубы режиму Х. Менгисту. С другой стороны, ИКП оказывала материальную и моральную поддержку эритрейским повстанцам. Данное противоречие привело к напряжённости внутри руководства партии. По мнению посла, ещё одним осложняющим фактором для ИКП стали крайне чувствительные для неё обвинения со стороны различных политических сил Италии в том, что её «выбор политики в отношении Африканского Рога до сих пор определяется исходя из советской позиции» [5]. Далее Гарднер отмечал, что развитие событий на Африканском Роге показало, что в тех случаях, когда затрагивались интересы партии, она была готова занять позицию, отличающуюся от советской. Однако, дистанцируясь от позиции СССР по эритрейскому вопросу, ИКП «старалась не затрагивать советские чувства»: в партийной прессе резко критиковались действия режима в Эфиопии, но в ней ни разу не упоминалось ни о «советском и кубинском участии в наращивании военного потенциала эфиопцев», ни о «советском оправдании и поощрении наступления» на эритрейских повстанцев [5]. Американский посол делал вывод, что в международных вопросах ИКП, начиная дистанцироваться от позиции СССР, всегда (по разным причинам) идёт не до конца и избегает полного разрыва.

В конце мая 1978 г. секретарь ЦК ИКП Дж. Пайетта вместе с первым заместителем заведующего Международным отделом ЦК ИКП А. Рубби принял делегацию Фронта освобождения Эритреи, в состав которой вошли член революционного совета ФОЭ З. Азази и представитель ФОЭ в Италии Х.Г. Абраха. Обе стороны согласились с необходимостью прекращения обострившегося военного конфликта в Эритрее и политического урегулирования путём переговоров. Гарднер, упомянув об этой встрече в письме госсекретарю, далее предположил, что ИКП также причастна к написанию обращения, адресованного правительству Кубы с просьбой не вмешиваться в ситуацию в Эритрее [11]. По словам Гарднера, заведующий Международным отделом ЦК ИКП С. Сегре сообщил при встрече сотруднику посольства о запланированном проведении консультаций руководства ИКП с кубинцами о положении дел в странах Африканского Рога [11].

ОТНОШЕНИЯ КПСС И ИКП НА ФОНЕ СОБЫТИЙ В ОГАДЕНЕ И ЭРИТРЕЕ

ИКП обсуждала обстановку в странах Африканского Рога и с Советским Союзом. 7 октября 1978 г. в ЦК КПСС состоялась встреча между представителями ИКП и КПСС. От ИКП присутствовали Генеральный секретарь ЦК ИКП Э. Берлингуэр, члены ЦК ИКП А. Тато и А. Рубби; со стороны КПСС – член Политбюро ЦК КПСС М.А. Сулов, заведующий Международным отделом ЦК КПСС

Б.Н. Пономарёв, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В.В. Загладин. Берлингуэр начал с того, что итальянцы имеют множественные связи с народами Африканского Рога и военная помощь, направленная туда СССР и Кубой для усиления Эфиопии, вызывает у членов его партии глубокую озабоченность. Он напомнил, что после того, как Х. Менгисту развязал вооружённый конфликт с Эритреей, ИКП выступила против военного решения эритрейской проблемы; в 1977 г. Х. Менгисту обещал ИКП предоставить автономии Эритрее, но позднее решил ликвидировать очаги сепаратизма военным путём; делегации ИКП многократно приезжали в Сомали, где их просили о посредничестве в установлении мира на Африканском Роге; Дж. Пайетта смог организовать встречу между двумя эритрейскими освободительными фронтами. Завершая этот обзор, Берлингуэр сказал, что продолжение конфликтов явно не шло на пользу вовлечённым в них народам и осложняло процесс разрядки.

Пономарёв ответил, что Барре – «ненадёжный человек», развязав конфликт, он намеревался разделить Эфиопию. Он усомнился в необходимости посредников (а, следовательно, и в целесообразности визитов делегаций ИКП в Сомали и Эфиопию) и задал вопрос: «У сомалийцев в Москве есть посол, почему они не обратятся через него?». С. Барре «с руками и ногами проданся американцам, которые, в свою очередь, не намеревались оставлять Эфиопию» в покое. «Что касается Эритреи, то это внутренний вопрос Эфиопии», – продолжал Пономарёв, – «пусть они сами решают его. Мы сказали кубинцам, чтобы они ни в коем случае не принимали участия в военных действиях в Эритрее». Берлингуэр ответил, что продолжение войны в Эритрее осложняет обстановку в Эфиопии, поэтому военные действия надо прекратить немедленно. Также он счёл нецелесообразным сохранение неоправданно жёсткой линии в отношении С. Барре, которого стоило бы привлечь на свою сторону, что могло бы нормализовать положение в Огадене. Сулов решительно отверг предложение о восстановлении отношений с Барре, который «сжёг все мосты для переговоров с советским руководством, а теперь ищет кого-нибудь, кто помог бы ему вылезти из беды, которую он сам себе уготовил. Пусть действует, как умеет. Эфиопы выслушали его претензии по Огадену и не пошли дальше своей границы» [17: 157].

Эритрейской проблеме Сулов не придавал большого значения, Берлингуэра же волновала угроза массового восстания эритрейцев против Эфиопии. Согласно А. Рубби, Сулов совершенно не обратил внимания на слова Берлингуэра о «восстании» и спокойно продолжал «восхвалять растущие успехи прогрессивных, революционных сил». Среди прочих он упомянул также Афганистан. «“Афганцы столь быстро идут вперед, ... что немедленно хотят создать марксистско-ленинскую партию и приступить к строительству социализма. В некоторых случаях нам приходится их просить не слишком торопиться...” “И они последовали этому мудрому совету?” – иронически спросил Берлингуэр. “Не все”, – ответил

Сулов, но лицо его не выразило огорчения» [17: 157]. По сути, в ЦК КПСС отнеслись к посредничеству ИКП в конфликте как к ненужной затее и совсем не придавали значения интересовавшей Берлингуэра эритрейской проблеме. В КПСС не считали, что военная помощь СССР и Кубы, оказанная Эфиопии, противоречит политике разрядки и подрывает её основы, как считали в ИКП.

Для американских дипломатов были очевидны шероховатости взаимоотношений КПСС и ИКП по проблемам Африканского Рога. Тот факт, что Госдепартамент, внимательно наблюдая за деятельностью ИКП на фоне разворачивавшихся событий в Африке, не выработал политических рекомендаций по этому вопросу, говорит о дилемме выбора: либо проблема ИКП в данной конкретной ситуации была для США периферийной; либо США не имели детально разработанной стратегии противодействия Советскому Союзу в этом регионе, ситуативно реагируя на активность Москвы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Появление фактора еврокоммунизма в локальных конфликтах отражалось во внешнеполитической линии СССР и США совершенно по-разному. В случае с Огаденской войной Советский Союз был безразличен к дипломатическим усилиям ИКП, которые включали визиты членов руководства партии во враждовавшие страны и встречи партийных функционеров с лидерами Сомали и Эфиопии. При этом руководство ИКП не могло сразу определиться с тем, кого следует поддержать в конфликте. С Сомали у ИКП завязались тесные отношения с момента прихода к власти режима С. Барре.

В конце концов, после неоднократных визитов делегаций ИКП в Могадишо и Аддис-Абебу итальянские коммунисты поддержали Эфиопию, но не потому, что её поддержал СССР, а в силу того, что в руководстве партии пришли к выводу, что инициатором конфликта, совершившим акт агрессии в отношении Эфиопии, развязав Огаденскую войну, является Сомали.

Советский Союз не считал важной борьбу в Эритрее, полагая, что эта проблема являлась внутренним делом Эфиопии. Однако после оглашения заявления Дж. Пайетты о поддержке Эфиопии, в Госдепартамент стали поступать тревожные прогнозы из посольства США в Эфиопии, обеспокоенного тем, что ИКП в этом вопросе полностью примет сторону Москвы. Дипломаты США заметили, что в международных вопросах ИКП, начиная дистанцирование от СССР, как правило всегда по различным поводам прекращала этот процесс. Подобная непоследовательность не являлась критичной для американских дипломатов. Что же касается колебаний руководства ИКП по проблеме Огадена, то она показывали рассогласованность в рядах МКД и в США считали выгодным поддерживать эту тенденцию.

Американские дипломаты в случае Огаденской войны отслеживали происходящие на её фоне кризисные процессы внутри МКД, но не рассматривали еврокоммунизм как отдельную самостоятельную силу, способную оказать значимое влияние на процессы, происходившие в странах Африканского Рога. Поэтому Госдепартамент отслеживал дипломатические усилия еврокоммунистов в Сомали и Эфиопии, но пока не спешил с выработкой внешнеполитических рекомендаций по использованию этих разногласий.

ИСТОЧНИКИ

1. "Minutes of the Conversation between Comrade Erich Honecker and Comrade Fidel Castro" [Excerpt], April 3, 1977, 11:00-13:30 and 15:45-18:00. // The Carter-Breznev Project. Global Competition and the Deterioration of U.S.-Soviet Relations, 1977-1980. Harbor Beach Resort, Fort Lauderdale, Florida, 23-26 March 1995. Edited by S. Savranskaya and D. A. Welch. 1995. Available at: [https://nsarchive2.gwu.edu/carterbrezhnev/docs_global_competition/Tab%202/19770403%20-](https://nsarchive2.gwu.edu/carterbrezhnev/docs_global_competition/Tab%202/19770403%20-%20Minutes%20of%20the%20Conversation%20between%20Comrade%20Erich%20Honecker%20and%20Comrade%20Fidel%20Castro.pdf)

[%20Minutes%20of%20the%20Conversation%20between%20Comrade%20Erich%20Honecker%20and%20Comrade%20Fidel%20Castro.pdf](https://nsarchive2.gwu.edu/carterbrezhnev/docs_global_competition/Tab%202/19770403%20-%20Minutes%20of%20the%20Conversation%20between%20Comrade%20Erich%20Honecker%20and%20Comrade%20Fidel%20Castro.pdf) (accessed 26.06.2022)

2. "Notes from the Discussion with the Head of the Cuban Military Specialists, Division General Arnaldo Ochoa, July 17, 1977," from the journal of A.P. Ratanov [Excerpt] // The Carter-Breznev Project. Global Competition and the Deterioration of U.S.-Soviet Relations, 1977-1980. Harbor Beach Resort, Fort Lauderdale, Florida, 23-26 March 1995. Edited by S. Savranskaya and D. A. Welch. 1995. Available at: [https://nsarchive2.gwu.edu/carterbrezhnev/docs_global_competition/Tab%202/19770717%20-](https://nsarchive2.gwu.edu/carterbrezhnev/docs_global_competition/Tab%202/19770717%20-%20Notes%20from%20the%20Discussion%20with%20the%20Head%20of%20the%20Cuban%20Military%20Specialists,%20Division%20General%20Arnaldo%20Ochoa.pdf)

[%20Notes%20from%20the%20Discussion%20with%20the%20Head%20of%20the%20Cuban%20Military%20Specialists,%20Division%20General%20Arnaldo%20Ochoa.pdf](https://nsarchive2.gwu.edu/carterbrezhnev/docs_global_competition/Tab%202/19770717%20-%20Notes%20from%20the%20Discussion%20with%20the%20Head%20of%20the%20Cuban%20Military%20Specialists,%20Division%20General%20Arnaldo%20Ochoa.pdf) (accessed 26.06.2022)

3. Carter-Breznev Project. Global Competition and the Deterioration of U.S.-Soviet Relations, 1977-1980. Transcript of the Proceedings of a Conference of Russian and U.S. Policymakers and Scholars held at Harbor Beach Resort, Fort Lauderdale, Florida, 23-26 March 1995. Edited by S. Savranskaya and D. A. Welch. 1995. Available at: https://nsarchive2.gwu.edu/carterbrezhnev/docs_global_competition/part7.PDF (accessed 26.06.2022)

4. Central Intelligence Agency. Directorate of Intelligence. CIA/OCI/IMO435/75. Confidential. Memorandum. Subject: Eritrea and Ethiopia. CIA. 26 February 1975 // Central Intelligence Agency Freedom of Information Act Reading Room (далее - CIA FOIA). Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP86T00608R000300060012-1.pdf> (accessed 29.06.2022)

5. Eritrean Developments Trouble Italian Communist Party Summary: The Italian Communist Party (PCI) Views Negatively The Ethiopian Government's Current Offensive Again. 1978 May 20. From Italy, Rome to Secretary of State. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/1978MOGADI00444_d.html (accessed 16.11.2021)

6. Foreign Minister Forlani on the Horn of Africa. 1978 February 11. From Italy, Rome to Secretary of State. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/1977ROME20211_c.html (accessed 16.11.2021)

7. Foreign Relations of the United States, 1977-1980. Volume XVII. Horn of Africa, Part 1. Washington: United States Government Printing Office, 2016. 320 p.

8. Forlani's Concerns About Horn of Africa. 1978 February 24. From Italy, Rome to Secretary of State. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/1978ROME03548_d.html (accessed 16.11.2021)

9. Italian Communist Party Delegation Affirms Support of Ethiopian Socialist Revolution. 1977 November 28. From Ethiopia, Addis-Abeba to Secretary of State. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/1977ADDIS06603_c.html (accessed 16.11.2021)

10. Pajetta incontra il presidente etiopico Menghistù. *L'Unita*. 1977. 25 novembre. №318. P.14.

11. Reaction of European Left to Cuban Involvement in Eritrea. 1978 May 23. From Italy, Rome to Secretary of State. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/1978ROME09512_d.html (accessed 16.11.2021)

12. Somali-Ethiopian Dispute: Italian Communist Party Position. 1977. August 25. From Somalia, Mogadishu to Secretary of State. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/1977MOGADI01462_c.html (accessed 16.11.2021)

13. Visit of Somali Delegation to Italy. 1977 November 8. From Italy, Rome to Secretary of State. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/1977ROME20211_c.html (accessed 16.11.2021)

14. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Фонд 0129. Опись 62. Папка 475.

15. Брутенц К.Н. 1998. Тридцать лет на Старой площади. Москва: «Международные отношения». 568 с.

16. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Фонд 3. Опись 72. Дело 817.

17. Рубби А. 1995. Мир Берлингуэра. Предисловие М.С. Горбачева. Москва: «Международные отношения». 350 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Хазанов А.М., Гомаа Х. 1997. Политика СССР в «третьем мире» (Азия и Африка) в годы «холодной войны». Москва: Институт востоковедения РАН; Ассоциация содействия Международной академии наук. 84 с.

Юнгблюд В.Т., Воробьева Т.А. 2019а. Взаимоотношения в треугольнике США – СССР – КНР в конце периода разрядки международной напряженности (1977–1980 гг.). *Вестник МГИМО-Университета*. № 1(64). С. 59-82. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-59-82

Юнгблюд В. Т., Воробьева Т.А. 2019b. США теряют союзника на Ближнем Востоке: политика администрации Дж. Картера в отношении Ирана, 1977–1980 гг. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. Т. 10. Вып. 3 (77). Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840005469-4-1/> (дата обращения: 25.06.2022). DOI: 10.18254/S207987840005469-4

REFERENCES

Jackson D.R. The Carter Administration and Somalia. *Diplomat History*. September 2007. Vol. 31. № 4. P. 703-721.

Khazanov A.M., Goma H. 1997. The Policy of the USSR in the "Third World" (Asia and Africa) during the Cold War. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Association for the Promotion of the International Academy of Sciences. 84 p. (In Russian)

Margiocco M. 1981. Stati Uniti e PCI: 1943-1980. Roma: Editori Laterza. 332 p.

Pons S. 2021. I comunisti italiani e gli altri. Visioni e legami internazionali nel mondo del Novecento. Giulio Einaudi editore. 376 p. (In Italian).

Vorobyova T.A., Yungblud V.T. 2019a. Relations within «Triangle» USA – USSR – China at the End of Détente (1977–1980). *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 64. No.10. P. 59-82. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-59-82 (In Russian).

Vorobyova T.A., Yungblud V.T. 2019b. The United States Are Losing an Ally in the Middle East: J. Carter's Administration Policy towards Iran, 1977–1980. *ISTORIYA*. 2019. Vol. 10. Issue 3 (77). Available at: <https://history.jes.su/s207987840005469-4-1/> (accessed: 25.06.2022). DOI: 10.18254/S207987840005469-4 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БАКШАЕВ Максим Владимирович, научный сотрудник, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров, ул. Московская, 36.

Maxim V. BAKSHAEV, Researcher.
Vyatka State University.
36 Moskovskaya St., Kirov, Russia.

Статья поступила в редакцию / Received 11.07.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 27.07.2022.2

Статья принята к публикации / Accepted 30.07.2022.

JEL Q13

УДК 631.1 (71)

DOI: 10.31857/S2686673022120069

EDN: GYRSXX

Сельское хозяйство Канады на современном этапе

О.И. Солдатенкова

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады им. академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок 2/3

Researcher ID: I-6594-2018 ПИИД ID: 147183

ORCID: 0000-0003-3225-3080 e-mail: oisoldatenkova@hotmail.com

Резюме: Современное сельское хозяйство играет существенную роль в функционировании продовольственной системы Канады и обеспечивает не только продовольственную безопасность домохозяйств, но и национальный экспорт сельскохозяйственных товаров. В статье дана характеристика размещения сельскохозяйственного производства в провинциях Канады, а также на территориях арктической зоны страны. Особое внимание уделено развитию городского сельского хозяйства, которое рассматривается в некоторых случаях как элемент плана действий по борьбе с изменением климата.

Ключевые слова: Канада, сельское хозяйство, арктические территории, городское сельское хозяйство

Для цитирования: Солдатенкова О.И. Сельское хозяйство Канады на современном этапе. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2022; 52(12):86-100.

DOI: 10.31857/S2686673022120069 EDN: GYRSXX

Modern Agriculture in Canada

Olga I. Soldatenkova

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).*

2/3 Khlebnyi Pereulok, 121069 Moscow, Russian Federation.

Researcher ID: I-6594-2018 ПИИД ID: 147183

ORCID: 0000-0003-3225-3080 e-mail: oisoldatenkova@hotmail.com

Abstract: Modern agriculture plays an essential role in the functioning of Canada's food system and the ensuring household food security as well as the expansion of agricultural exports. The article describes the specialization and the distribution of agricultural production in the provinces of Canada and the territories of the Arctic zone of the country. Particular attention is paid to the development of urban agriculture, which is considered in some cases to be an element of the action plan to combat climate change.

Keywords: Canada, agriculture, Arctic territories, urban agriculture

For citation: Soldatenkova O.I. Modern Agriculture in Canada. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52(12): 86-100. DOI: 10.31857/S2686673022120069

EDN: GYRSXX

ВВЕДЕНИЕ

Канада - страна с устойчивой и инклюзивной продовольственной системой, которая направлена на защиту окружающей среды, доступ всех людей к недорогим, безопасным и качественным продуктам питания и возможность справедливо пользоваться экономическими выгодами каждому участнику продовольственной цепи. С учётом специфики отрасли агропродовольственный сектор должен быстро адаптироваться к многочисленным вызовам - экстремальным погодным условиям, колебаниям цен и торговым спорам. Пандемия *COVID-19* усугубила эти проблемы, в частности, в виде нехватки рабочей силы, сбоя в цепочке поставок продовольствия и роста цен на сырьё. Следует отметить, что многоотраслевая продовольственная система Канады оказалась относительно устойчивой перед лицом такого мощного вызова, как пандемия *COVID-19* [Ревенко Л.С., Солдатенкова О.И., Ревенко Н.С. 2022:103]. Ключевую роль в устойчивости всей продовольственной системы Канады играет сельское хозяйство, его вклад в формирование валового внутреннего продукта самый значительный по сравнению с другими звеньями продовольственной цепи. Канадское сельское хозяйство успешно модернизируется с высокими темпами внедрения новых технологических решений, использования возобновляемых источников энергии, устойчивых методов ведения сельского хозяйства и прямого маркетинга продукции.

Природно-климатические и географические особенности региона, история его освоения и культурные традиции коренных народов определяют особенности размещения и структуру сельского хозяйства Канады, что в свою очередь оказывает влияние на размещение предприятий перерабатывающей промышленности, распределительных и логистических центров, предприятий, производящих средства производства для сельскохозяйственной отрасли.

СОВРЕМЕННОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПРОВИНЦИЙ КАНАДЫ

Основные сельскохозяйственные провинции страны – Саскачеван, Альберта, Манитоба, Онтарио и Квебек, там сосредоточено 94% сельскохозяйственных угодий и 98% площади пашни (см. табл. 1). Весьма значительную роль сельское хозяйство и связанные с ними отрасли играют в экономике провинций Саскачеван, Манитоба и Остров Принца Эдуарда, где в агропродовольственном секторе производится более 10% валовой продукции этих провинций. Средний размер фермерского хозяйства существенно отличается – от 174 акров в Ньюфаундленде и Лабрадоре до 1 784 акров в Саскачеване. При этом почти 30% общего количества работников, занятых в сельском хозяйстве страны, и 28% общего числа фермерских хозяйств приходится на провинцию Онтарио, располагающую всего 9,7% площадей пашни.

Таблица 1

Основные показатели агропродовольственного сектора (АПС) провинций Канады¹

Провинция	Удельный вес сельского хозяйства в ВВП провинции, %	Удельный вес АПС в ВВП провинции, % ²	Площадь сельхозугодий, млн акров ³	Площадь пашни, млн акров	Количество ферм, участвовавших в переписи 2016 г.	Средний размер фермерского хозяйства, акров	Количество занятых в сельском хозяйстве, тыс. человек
Альберта	1,5	4,0	50,3	25,3	40638	1237	33,5
Британская Колумбия	0,6	3,4	6,4	1,4	1758	365	44,6
Квебек	1,1	4,5	8,1	4,6	28919	280	55,9
Манитоба	4,5	10,3	17,6	11,5	14791	1193	18,7
Новая Шотландия	0,8	4,0	0,9	н/д	3478	263	8,0
Нью-Брансуик	0,8	4,9	0,8	0,3	2255	370	6,3
Ньюфаундленд и Лабрадор	0,2	2,9	0,07	0,02	407	174	1,2
Онтарио	0,8	3,8	12,3	9,0	49600	249	82,1
Остров Принца Эдуарда	4,5	10,3	0,6	0,4	1353	425	4,2
Саскачеван	9,7	13,5	61,6	40,5	34523	1784	26,0

¹ Приведённые характеристики основаны на данных сельскохозяйственной переписи 2016 г. Новые данные получены в ходе переписи 2021 г., результаты которой должны быть опубликованы до конца 2022 г.

² Удельный вес сельского хозяйства, поставщиков средств производства и услуг для сельского хозяйства, производителей продуктов питания и напитков, а также предприятий розничной и оптовой торговли продовольствием в валовом продукте провинции, % (2013 г.)

³ К общей площади сельскохозяйственных угодий относятся земли, находящиеся в собственности или под управлением фермера. Они включают пашню, землю под паром, улучшенные и неуполученные пастбища, лесные массивы и заболоченные земли, прочие угодья, в том числе, неиспользуемые земли и те, на которых расположены хозяйственные постройки

Составлено по: Agriculture and Food, Profile of a Community or Region. Geography. Alberta, British Columbia, Manitoba, Newfoundland and Labrador, New Brunswick, Nova Scotia, Ontario, Prince Edward Island, Quebec, Saskatchewan. Statistics Canada. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/geo?MM=1> (accessed 25.01.2022).

Провинция Саскачеван считается житницей Канады, где сосредоточено две пятых всех посевных площадей в стране, из которых более 11 млн акров занято канолой и 6,7 млн акров – яровой пшеницей. Крупными производителями канолы и пшеницы являются также провинции Альберта и Манитоба. Провинция Остров Принца Эдуарда – крупнейший в стране производитель картофеля.

Онтарио лидирует по посевным площадям соевых бобов – 49,6% посевных площадей этой культуры в стране и по площадям овощеводства защищённого грунта – 68%. В Квебеке, Британской Колумбии, Онтарио, Новой Шотландии и Нью-Брансуике наиболее распространено производство фруктов, ягод и орехов, в Манитобе – клубники и саскатуна. На Квебек, Нью-Брансуик и Новую Шотландию приходится более 80% площадей под голубикой. Сбор кленового сиропа ведётся в Квебеке и Нью-Брансуике. В производстве продукции животноводства лидируют провинции Альберта (производство говядины), Квебек (молочное животноводство, свиноводство и птицеводство), Саскачеван (мясное животноводство), Онтарио (молочное животноводство и птицеводство), Манитоба (свиноводство), Новая Шотландия (звероводство) (см. табл. 2).

Таблица 2

Аграрная специализация провинций Канады

Провинции	Специализация
Альберта	Второе место в Канаде как по общей площади фермерских хозяйств, так и по площади полевых культур. Ведущая культур – канола. Значительны посевы яровой пшеницы, ячменя, кукурузы. Выращиваются фрукты, ягоды, орехи, тепличные цветы и овощи. На долю провинции приходится две пятых всего племенного поголовья мясного скота в стране и почти 60% крупного рогатого скота (КРС) на откорме.
Британская Колумбия	Ведущие полевые культуры – яровая пшеница, рапс и овес. Второе место в стране по производству фруктов, ягод и орехов. Основные виды продукции – голубика, яблоки и виноград. Выращиваются также сладкая кукуруза, зелёный горошек и бобы. Четвёртое место в стране по поголовью дойных коров и шестое – свиней.
Квебек	Крупнейшее поголовье дойного стада и свиней в стране. Ведущие культуры – зерно, соя и овёс. Третье место в стране по посевным площадям соевых бобов и второе – по площади посевов кукурузы. Лидирует по производству голубики, клюквы, фруктов, ягод и орехов. В Квебеке собирают более 90% кленового сиропа.
Манитоба	На провинцию приходится почти треть общей посевной

	<p>площади сои в Канаде. По посевам яровой пшеницы она находится на третьем месте. Ведущая полевая культура – канола. Выращиваются также сладкая кукуруза, фрукты и ягоды. Клубника и ягоды саскатун – наиболее распространённые виды. Почти 82% теплиц отведено для выращивания цветов. поголовье свиней в провинции – третье по величине в Канаде. Выращивается КРС мясного и молочного направлений, развито овцеводство.</p>
Новая Шотландия	<p>Четвёртое место в стране по площади фруктов, ягод и орехов (14,7%). Их производством занято более четверти фермерских хозяйства. Ведущие культуры – кукуруза на зерно и на силос. Развито звероводство, в провинции находится крупнейшее в Канаде поголовье племенной норки. Почти четверть валовых доходов фермерских хозяйств приходится на производство птицы и яиц. Занимает лидирующие позиции в Атлантической Канаде по площадям под кукурузой и яблоками, а также по поголовью КРС.</p>
Нью-Брансуик	<p>Наиболее распространённые сельскохозяйственные культуры – картофель, овёс и ячмень. Площади под голубикой, клюквой, яблоками и другими фруктами и ягодами – вторые по величине в Атлантической Канаде. Ведущие культуры в овощеводстве – сладкая кукуруза, кабачки, цуккини и тыква. В защищённом грунте преобладает выращивание цветов. Провинция – вторая по сбору кленового сиропа. Животноводство представлено молочным и мясным скотоводством, свиноводством и овцеводством.</p>
Ньюфаундленд и Лабрадор	<p>Ведущие культуры – кукуруза на силос, картофель и яровая пшеница. В защищённом грунте выращиваются также цветы и овощи, в открытом – морковь, брюква, репа, капуста и некоторые другие. В животноводстве распространено звероводство: поголовье норки – второе по численности в Атлантической Канаде. поголовье дойных коров, мясного скота, свиней и овец незначительно по сравнению с ведущими провинциями.</p>
Онтарио	<p>Самые большие в стране посевные площади под кукурузой на зерно и соевыми бобами – 59,8% и 49,6% общего объёма посевных площадей соответственно. На третьем месте по посевным площадям – яровая пшеница. На провинцию приходится 68% площадей под тепличными овощами в стране. Виноград, яблоки и персики – важнейшие</p>

	производимые продукты в категории фрукты, ягоды и орехи. В овощеводстве ведущие культуры – сладкая кукуруза, зелёный горошек и помидоры. Провинция лидирует по производству продукции птицеводства. Второе место по величине поголовья свиней в стране. Развито молочное и мясное скотоводство.
Остров Принца Эдуарда	Крупнейший производитель картофеля в Канаде и ячменя в Арктической Канаде. Выращиваются также соя, голубика, клюква и яблоки. В продукции овощеводства открытого грунта преобладают морковь, брюква и капуста, а защищённого грунта – выращивание цветов. Поголовье свиней – самое большое в Атлантической Канаде и седьмое в Канаде. Имеется незначительное поголовье дойных коров и мясного скота, а также овец и коз.
Саскачеван	Житница Канады. Самые большие в стране посевные площади рапса, яровой пшеницы (за исключением твёрдых сортов) и чечевицы. На ягоды саскатуна приходится более половины площадей под фруктами, ягодами и орехами. Ведущая полевая культура – сладкая кукуруза. Почти три четверти общей площади теплиц отведено под выращивание цветов. Второе место в стране по поголовью мясного скота и пятое – по поголовью свиней.

Составлено по: Agriculture and Food, Profile of a community or region. Geography. Alberta, British Columbia, Manitoba, Newfoundland and Labrador, New Brunswick, Nova Scotia, Ontario, Prince Edward Island, Quebec, Saskatchewan. Statistics Canada. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/geo?MM=1> (accessed 25.01.2022).

Канадское сельское хозяйство является высокотехнологичным и интенсивным. Фермеры активно внедряют новые технологии, расширяют механизацию производственных процессов и совершенствуют производство. По материалам сельскохозяйственной переписи 2016 г., 49% ферм по выращиванию масличных и зерновых культур использовали автоматизированные системы управления, 63% – систему *GPS*, а 16% – геоинформационные системы. В животноводстве 10% ферм осуществляют автоматизированный контроль окружающей среды для содержания животных, а 11% применяют автоматизированное кормление животных. Автоматизация процессов наиболее распространена в свиноводстве и птицеводстве. По данным переписи 2016 г., 43% птицефабрик использовали автоматизированный контроль среды содержания животных, а 54% свиноводческих хозяйств – автоматизированное кормление животных. Роботизированное доение применяли в молочном животноводстве 9% фермерских хозяйств и 17% на фермах с поголовьем от 201 до 500 дойных коров. Автоматизацию теплиц использо-

вали 19% тепличных хозяйств, а в теплицах, площадь которых под стеклом составляет более 100 тыс. кв. футов, этот показатель достигает 86% [5].

В растениеводстве, помимо роста уровня механизации, увеличиваются посевные площади с использованием нулевой обработки почвы, позволяющей сократить затраты и снизить нагрузку на окружающую среду. С 2011 по 2016 г. посевные площади по этой технологии выросли на 17% и составили 48 млн акров.

Для уменьшения нагрузки на окружающую среду фермеры активно внедряют системы производства возобновляемой энергии – солнечные батареи и ветряные турбины. В 2016 г. более 5% фермерских хозяйств располагали такими системами, из которых 85% приходилось на солнечные батареи и 16% – на ветряные турбины [5].

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ КАНАДЫ

К арктической зоне Канады относятся территории Нунавут, Северо-Западные территории и Юкон, агропродовольственный сектор которых существенно отличается от остальной части страны. Нунавут – самая северная, самая крупная и наименее населённая территория Канады, расположенная внутри арктической и субарктической климатических зон, с крайне низким количеством осадков и очень скудной растительностью. Почти вся территория находится в зоне вечной мерзлоты и представляет собой арктическую тундру. К экономически важным секторам экономики Нунавута относятся горнодобывающая промышленность, территориальное управление, коммерческое рыболовство, туризм и транспорт [7]. Экстремальные климатические условия не позволяют заниматься традиционным сельским хозяйством, и значительную часть экономики территории формируют традиционные национальные промыслы инуитов, охота и рыболовство.

Юкон и Северо-Западные территории также находятся в двух географических зонах – тайге и тундре с преобладанием субарктического и арктического климата. Как отмечают Григорьева Е.Е. и др., основу экономики Юкона составляет горнодобывающая промышленность, развитие которой началось со времён знаменитой «золотой лихорадки», а также туризм. Традиционные промыслы – рыболовство и добыча пушнины – постепенно пришли в упадок. Важное место в экономике Юкона заняла гидроэнергетика, обеспечивающая местные нужды и сельское хозяйство [Григорьева Е.Е., Демчук А.Л., Шульга П.С. 2018:119, 120]. Как и в Юконе, в экономике Северо-Западных территорий ведущую роль играют горнодобывающая промышленность и туризм [Шульга П.С., Демчук А.Л., Григорьева Е.Е. 2018:120, 121].

Данные по Юкону и Северо-Западным территориям не включаются в общенациональные итоги по сельскому хозяйству из-за различий в определении

сельскохозяйственной деятельности. Здесь к ней относят выпас и отлов диких животных (карибу и овцебыков), разведение ездовых собак, сбор дикорастущих растений и ягод, производство экипировки и упряжи для лошадей.

Три четверти посевных площадей на севере занято под выращивание трав на сено, а ведущей полевой культурой является овёс. Несмотря на сложные природно-климатические условия, некоторые фермеры в защищённом грунте выращивают овощи, цветы и ягоды. Более 44% валового дохода фермерских хозяйств в Юконе и Северо-Западных территориях получено от реализации продукции птицеводства. Из 158 фермерских хозяйств, участвовавших в сельскохозяйственной переписи 2016 г. в Северо-Западных территориях и Юконе, 142 находятся в Юконе [12].

Западная арктическая зона Канады вблизи Сакс-Харбора и Холмана известна распространением овцебыков, которые наряду с тюленями входят в рацион питания инуитов и других коренных народов. Получаемые от овцебыков мясо, шкуры, шерсть и рога вывозятся на рынки южных провинций Канады. Помимо охоты для пропитания и сбыта, спортивная охота с гидом и туризм, связанный с добычей овцебыка, являются также источником дохода для некоторых северных общин. Овцебык считается уникальным и ценным трофеем. Весьма ценится и шерсть овцебыка – гивиут (*qiviuq*), вязаные изделия из которой весьма дорого стоят [4].

Пищевой рацион многих жителей севера Канады представляет совокупность традиционной пищи, добытой на охоте и рыболовством, и продуктов питания, приобретенных на рынке. Однако, как и во многих странах мира, за последние десятилетия происходит переход от традиционных источников пищи к обработанным продуктам, приобретаемым в магазинах. Высокие транспортные расходы, потери продуктов питания в результате порчи и ограниченная конкуренция в сфере распределения и розничной торговли означают, что большая часть продуктов, поставляемых в северные регионы, недоступна для значительной части населения. Это приводит к росту показателей отсутствия продовольственной безопасности от умеренной до серьёзной. Так, в Нунавуте неизменно отмечались самые высокие показатели отсутствия продовольственной безопасности за всё время наблюдения [Ford J.D., Clark D. and Naylor A. 2019: 552], где в 2017–2018 гг. этот показатель достиг 49,4%, а среди домохозяйств с детьми 62,4% взрослых и 42,7% детей испытывали умеренную или серьёзную нехватку продовольствия [6]. Такая ситуация связана не только с географической удалённостью и сложными природно-климатическими условиями. Как отмечает С. Бартон, традиционные продукты питания становятся менее доступными из-за высоких затрат на охоту, изменений в образе жизни и культурных обычаях коренных народов, а также в результате изменения климата. Это означает, что жители Нунавута чаще полагаются на дорогие рыночные продукты питания. Многие общины в Нунавуте, особенно общины коренных народов, находятся в отда-

лённых районах. Увеличение расстояния доставки продуктов питания и зависимость от самолётов или других нетрадиционных методов доставки приводят к удорожанию продуктов питания [2]. Такая же ситуация характерна и для Юкона и Северо-Западных территорий.

Изменение климата может привести к тому, что некоторые районы арктической зоны станут подходящими для выращивания более широкого спектра сельскохозяйственных культур. Правительство Канады в качестве возможных последствий изменения климата для Северной Канады выделяет следующие элементы:

- негативное воздействие на жизнеспособность ледяных дорог, влияющее на доступ и продовольственную безопасность для импортируемых продуктов питания, а также для продуктов питания местного производства;
- увеличение безморозного сезона ограничивает расширение сельского хозяйства на севере при условии подходящих почв и адаптированных сортов;
- более длительный вегетационный период может увеличить потенциал тепличного производства за счёт снижения затрат на отопление зимой [3].

Вместе с тем преимущества освоения новых сельскохозяйственных земель на Севере необходимо сопоставлять с возможными нежелательными последствиями, такими как высвобождение почвенного углерода в результате таяния вечной мерзлоты, нарушение северных экосистем, культуры и традиций коренных народов [Lemay MA, Radcliffe J, Bysouth D and Spring A. 2021: 2].

ГОРОДСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КАНАДЫ

В соответствии с терминологией, принятой в Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, продовольственная система городского региона определяется как «участники, процессы и отношения, которые действуют в производстве, переработке, распределении и потреблении продуктов питания в данном районе города», а городской регион – как «более крупный городской центр или совокупность более мелких городских центров и прилегающих к ним и включённых в них пригородных и сельских районов» [8].

В Канаде более 80% населения живёт в городах, при этом почти одна четверть – в Торонто, районе Большой золотой подковы (*the Greater Golden Horseshoe*), простирающейся по кривой вокруг западной стороны озера Онтарио [9]. Именно Торонто считается лидером по развитию городского устойчивого сельского хозяйства в Канаде, где городское и пригородное сельское и лесное хозяйство даже включены в городской план действий по борьбе с изменением климата. Он предполагает финансовую поддержку мер по увеличению существующей кроны деревьев, поддержку проектов на уровне сообществ, например, общественных садов и огородов, приусадебных участков, а также содействие компостированию органических отходов и сбору дождевой воды. План действий также включает

сокращение «пищевого следа» (*food print*) города за счёт требования размещать информацию о расстоянии доставки на этикетках пищевых продуктов, продвигать региональные продукты, поддерживать фермерские рынки и закупки продуктов питания преимущественно местного производства [11].

Ряд исследователей отмечает, что городское сельское хозяйство в Канаде существует уже не одно десятилетие. Выращивание продовольственных культур на всех доступных в черте города участках пропагандировалось в Канаде как способ повышения продовольственной безопасности и патриотизма ещё во времена Первой и Второй мировых войн [Григорьева Е.Е., Шульга П.С. 2021: 206].

Можно выделить несколько направлений городского сельского хозяйства, которые практикуются в Канаде. Каждое из них имеет разный вес в экономических показателях, хотя ни одно не сопоставимо по количеству производимой продукции с устойчивой высокоиндустриальной продовольственной системой или инклюзивной продовольственной системой коренных народов.

Огородничество всегда было частью городов Северной Америки и после затишья в этой деятельности сейчас наблюдается определённый ренессанс в развитии и обновлении частных городских огородов и садов: растут продажи семян овощных культур, действует множество веб-сайтов с информацией по выращиванию продуктов в городах, популярны «семенные субботы» в городах по всей Канаде.

Эта деятельность поддерживается и дополняется проектами местных сообществ. Примеров проектов по выращиванию продуктов питания в городах так же много, как и сообществ, озабоченных вопросами продовольственной безопасности и местного производства продуктов питания. Во всех крупных городах Канады присутствуют общественные сады, история появления которых связана с так называемыми садами Победы во времена Первой мировой войны. Многие из них находятся в ведении некоммерческих организаций – Центра общественного питания (*The Stop Community Food Centre*) в Торонто и «Жизненный цикл» (*Lifecycles*) в Виктории. Компания в Виктории разработала «Проект фруктовых деревьев», по которому добровольцы собирают фрукты с местных «ничейных» плодовых деревьев и делятся ими, и «Совместное использование дворов», которая объединяет людей, располагающих свободной площадью во дворе, с теми, кто хотел бы выращивать овощи или фрукты. Некоторые организации – «Городской фермер» (*City Farmer*) в Ванкувере, открывают демонстрационные сады, где жители могут узнать о выращивании продуктов питания в городских районах.

Определённые инициативы в этом направлении проявляют и общественные институты. Школы, жилые комплексы, церкви, больницы, предприятия и даже сами муниципальные органы власти проводят мероприятия по продвижению местного производства продуктов питания. Так, власти Ванкувера выступили с

инициативой посадить фруктовые деревья в общественных парках в качестве альтернативы декоративным видам.

В городских продовольственных системах Канады сформировался сектор малых коммерческих предприятий. Помимо производителей, выращивающих сельскохозяйственную продукцию на больших участках земли на окраинах городов, в Саскатуне, провинция Саскачеван, выросла новая модель коммерческого городского сельского хозяйства – интенсивное сельское хозяйство на небольших участках. Суть модели состоит в том, что фермер заимствует или арендует двор у горожан и выращивает ценные быстрорастущие культуры на небольших площадях. Продукция реализуется через схемы «ящичков с едой» (*foodbox*), на фермерских рынках или распродажах. Такие участки, как правило, располагаются во дворах одноэтажных домов, в стороне от основных городских улиц с интенсивным движением.

Такие же модели практикуются и в пригородном сельском хозяйстве. Земледелие на окраинах городов Канады всегда было обычной практикой, поскольку близость к рынку является ключевой потребностью для любого производителя.

К числу инновационных направлений городского сельского хозяйства относятся выращивание продукции на крышах и вертикальные фермы. Поскольку города имеют ограниченное физическое пространство, то выращивание продуктов питания на крышах имеет большой потенциал. Один из примеров – проект развития такого садоводства в Монреале. Это направление нашло воплощение и на крышах отелей *Fairmont Hotels* в Торонто и Ванкувере. Ещё больше возможностей в этом отношении у вертикальных ферм: построенные в городах и не полагающиеся ни на какие внешние ресурсы, кроме отходов органического вещества и воды, производимых в самих городах.

Нельзя не упомянуть и о разведении мелкого домашнего скота в городской среде – кур, кроликов, пчёл и др. Это направление городского сельского хозяйства является растущим, но весьма противоречивым явлением в Северной Канаде [10].

Очевидно, что городское сельское хозяйство никогда не будет производить продукты питания в достаточном количестве и в лучшем случае составит несколько долей процентов общего объёма производства продуктов питания. Однако эти скромные показатели могут иметь значение на местном уровне в случае кризиса в сельскохозяйственном секторе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Относительно небольшая часть территории Канады – около 7% – пригодна для ведения сельского хозяйства, при этом более 80% обрабатываемых площадей находятся в Западной Канаде. Одна из тенденций последних десятилетий – укрупнение фермерских хозяйств, но их размер значительно варьируется в

зависимости от провинции и отражает региональные различия в типах ведения сельского хозяйства, что связано с различиями в почвах, климате, рельефе и близости к рынкам. Так, средний размер фермерского хозяйства в ведущих аграрных провинциях Канады значительно превышает средние показатели по стране. Средний размер фермерского хозяйства в Саскачеване, где преобладает зерновое хозяйство, составляет 1 784 акров, в Альберте и Манитобе – 1 237 и 1 193 акров соответственно. В отличие от региона Прерий, средний размер фермерского хозяйства намного меньше в Британской Колумбии (365 акров), Квебеке (280 акров), Онтарио (240 акров) и Атлантических провинциях (в среднем от 174 акров в Ньюфаундленде и Лабрадоре до 425 акров в провинции Земля Принца Эдуарда). В совокупности в этих провинциях находится большое количество молочных ферм и птицефабрик, продукция которых по-прежнему относительно хорошо защищена от импортной конкуренции и продаётся в основном для потребления на внутреннем рынке. Около 70% производства молочной продукции сосредоточено в Квебеке и Онтарио. Эти провинции, как и Манитоба, являются крупными производителями свинины. Кукуруза и соевые бобы - основные сельскохозяйственные культуры в Онтарио и Квебеке. Производство же овощей открытого и защищённого грунта и фруктов в основном сосредоточены в Онтарио, Квебеке, Атлантических провинциях и Британской Колумбии.

За последние несколько лет правительство Канады стимулировало производство фермерами возобновляемой энергии, в частности солнечной, а также внедрение энергосберегающих технологий в аграрное производство. Ещё один источник преобразований в сельском хозяйстве Канады – использование устойчивых методов борьбы с изменением климата, поскольку частота экстремальных климатических явлений возросла и это может стать проблемой для отрасли в ближайшие годы.

Продовольственная система арктических территорий Канады представляет собой совокупность продукции отдельных отраслей растениеводства и животноводства, которую производят в сложных природно-климатических условиях, и традиционных для северной Канады продуктов питания, полученных в результате охоты, рыболовства и собирательства. Изменение климата, оказывающее более существенное влияние в Арктике по сравнению с материковой частью Канады, может повлиять положительно на развитие аграрного производства, но также и негативно воздействовать на состояние экосистем и традиционных промыслов коренных народов.

Весьма интересен опыт развития городского хозяйства в Канаде, который представлен несколькими видами такой деятельности. Хотя его роль в обеспечении продовольствием населения страны пока несущественна, тенденция к росту

урбанизации способствует дальнейшему развитию этого направления аграрного производства.

Сельское хозяйство в Канаде разнообразно и продолжает меняться. Большая часть аграрного производства по-прежнему представлена традиционным выращиванием сельскохозяйственных культур и животных, но развиваются и новые направления, такие как аквакультура, выращивание овощей, грибов и цветов в защищённом грунте, и выращивание конопли.

ИСТОЧНИКИ

1. Agriculture and Food, Profile of a community or region. Geography. Alberta, British Columbia, Manitoba, Newfoundland and Labrador, New Brunswick, Nova Scotia, Ontario, Prince Edward Island, Quebec, Saskatchewan. Statistics Canada. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/geo?MM=1> (accessed 25.01.2022).

2. Burton, S. 2021. Food Insecurity in Nunavut: An Ongoing Issue. June 1, 2021. Available at: <https://cwp-csp.ca/2021/06/food-insecurity-in-nunavut-an-ongoing-issue/> (accessed 23.04.2022).

3. Climate change impacts on agriculture. Agriculture and Agri-Food Canada. Government of Canada. Available at: <https://agriculture.canada.ca/en/agriculture-and-environment/climate-change-and-air-quality/climate-scenarios-agriculture> (accessed 05.05.2022).

4. Elde, S. et al. 2018. *The Arctic as a Food Producing Region. Phase 1: Current status in five Arctic countries*. Nofima. Report 10/2018. Available at: <https://nofima.no/en/publication/1581246/> (accessed 25.01.2022).

5. Growing opportunity through innovation in agriculture. Statistics Canada. Release date: June 21, 2017. Available at: <https://www.gov.mb.ca/agriculture/markets-and-statistics/economic-analysis/pubs/growing-opportunity-through-innovation-in-agriculture.pdf> (accessed 22.02.2022).

6. Household food insecurity, 2017/2018. Statistics Canada. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/82-625-x/2020001/article/00001-eng.htm> (accessed 24.03.2022).

7. State of Rural Canada 2021: Opportunities, Recovery, and Resiliency in Changing Times. Canadian Rural Revitalization Foundation. Available at: sorc.crrf.ca (accessed 16.04.2022).

8. The CRFS approach, City Region Food Systems Programme, FAO. Available at: <https://www.fao.org/in-action/food-for-cities-programme/overview/crfs/en/> (accessed 19.01.2022).

9. Toronto and the Greater Golden Horseshoe, Canada. City Region Food Systems Programme. FAO. Available at: <https://www.fao.org/in-action/food-for-cities-programme/pilotcities/toronto/en/> (accessed 28.01.2022).

10. Urban Agriculture, The Urban Farmers. Available at: <http://www.theurbanfarmer.ca/urban-agriculture> (accessed 16.01.2022).

11. Urban Agriculture: another way to feed cities. The Viola Institute Review. Facts Report. 2019. 134 p.

12. Yukon and the Northwest Territories agricultural trends. Statistics Canada. Release date: May 10, 2017 Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/95-640-x/2016001/article/14810-eng.htm> (accessed 24.04.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Григорьева Е.Е., Демчук А.Л., Шульга П.С. 2018. Юкон. США & Канада: экономика, политика, культура. № 8(584). С.118-127. DOI: 10.31857/S032120680000363-3

Григорьева Е.Е., Шульга П.С. 2021. Городское сельское хозяйство в Канаде (на примере Торонто). Никоновские чтения. № 26. С.206-209

Ревенко Л.С., Солдатенкова О.И., Ревенко Н.С. 2022. Влияние пандемии COVID-19 на продовольственную систему Канады. США & Канада: экономика, политика, культура. № 4. С.93-107. DOI: 10.31857/S268667302204006X

Шульга П.С., Демчук А.Л., Григорьева Е.Е. 2018. Северо-Западные Территории. США & Канада: экономика, политика, культура. № 7(583). С.119-127.

REFERENCES

Ford, J. D., Clark, D., Naylor, A. 2019. Food insecurity in Nunavut: Are we going from bad to worse? *Canadian Medical Association Journal*. No.191(20). E550-E551. DOI: 10.1503/cmaj.190497

Grigor'eva, E.E., Demchuk, A.L., Shul'ga, P.S. 2018. Iukon [Yukon] (In Russ). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 8(584). P.118-127. DOI: 10.31857/S032120680000363-3

Grigor'eva, E.E., Shul'ga, P.S. 2021. Gorodskoe sel'skoe hozyajstvo v Kanade (na primere Toronto) [Urban agriculture in Canada (on the example of Toronto)] (In Russ). *Nikonov's Readings*. No.26. P.206-209

Lemay, MA., Radcliffe, J., Bysouth, D., Spring, A. 2021. Northern Food Systems in Transition: The Role of the Emerging Agri-Food Industry in the Northwest Territories (Canada) Food System. *Frontiers in Sustainable Food Systems*. Volume 5. DOI: [10.3389/fsufs.2021.661538](https://doi.org/10.3389/fsufs.2021.661538)

Revenko, L.S., Soldatenkova, O.I., Revenko, N.S. 2022. Impact of the COVID-19 Pandemic on the Functioning of Canada's Food System (In Russ). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No.4. P. 93-107. DOI: 10.31857/S268667302204006X

Shul'ga, P.S., Demchuk, A.L., Grigor'eva, E.E. 2018. Severo-Zapadnye Territorii [The Northwest Territories] (In Russ). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 7(583). P.119-127.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СОЛДАТЕНКОВА Ольга Ивановна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института Соединённых Штатов Америки и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069
Москва, Хлебный переулок 2/3.

Olga I. SOLDATENKOVA, Doc. Sci. (Economics), Principal Researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khlebnyi Pereulok, Moscow, 121069 Russia.

Статья поступила в редакцию / Received 20.05.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 3.06.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 5.06.2022.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673022120070

EDN: GYYAQC

История наёмничества и механизмы деятельности ЧВК США: новые открытия для Китая

Юй Чжочао

Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии

Китайской Академии общественных наук

КНР, 100007 Пекин, ул. Чжан Цзычжуна, 3

E-mail: ylzhcz@mail.ru

Резюме. После падения Берлинской стены и распада СССР функции обеспечения безопасности страны, которые по своей сути считались государственными, всё чаще передаются частному сектору. Частные военные компании (ЧВК) быстро развиваются и играют всё более важную роль в локальных войнах и региональных конфликтах по всему миру. В данной статье автор постарался отразить две основные темы: как развивалось наёмничество и какую деятельность ведут американские ЧВК? Для поиска ответов проведено глубокое изучение истории наёмничества и функционирования ЧВК США. В процессе исследования мы видим, что корпоративную культуру ЧВК США при поддержке правительства нельзя недооценивать, хотя они всё ещё испытывают немало сложностей в своём развитии. Их опыт нужно изучать и применять для решения многих проблем, в частности, для обеспечения безопасности китайцев и китайских компаний, работающих за рубежом.

Ключевые слова: наёмничество; частные военные компании (ЧВК); локальные войны и региональные конфликты; «Один пояс – один путь»; США

Для цитирования: Юй Чжочао. История наёмничества и механизмы деятельности ЧВК США – новые открытия для Китая. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2022; 52(12):101-112. DOI: 10.31857/S2686673022120070 EDN: GYYAQC

History of Mercenarism and the Framework for Operation of the U.S. Private Military Contractors: New Revelations for China

YI Zhochao

Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies

Chinese Academy of Social Sciences (CASS)

3 Zhangzizhong Road, Beijing 100007 People's Republic of China

E-mail: ylzhcz@mail.ru

Abstract: After the fall of the Berlin Wall and the collapse of the USSR, the security functions of the country, which were traditionally considered as those that belonged to the state, are increasingly being transferred to the private sector. Private military contractors (PMCs) are rapidly developing and playing an increasingly important role in local wars and regional conflicts around the world. In this article, the author tried to reflect on two main topics: what were

the origins and evolution of mercenarism and what activities do American PMCs conduct? To answer these questions, a deep study of the history of mercenarism and the functioning of US PMCs was carried out. As a result of research, we see that the corporate culture of US PMCs with the support of the government should be underestimated, although they still experience many difficulties in their development. Their experience needs to be studied and applied to solve many problems, in particular, to ensure the safety of the Chinese nationals and Chinese companies operating abroad.

Keywords: mercenarism; private military companies (PMCs); local wars and regional conflicts; "One belt - one way"; USA

For citation: Yi Zhochao. History of Mercenarism and the Framework for Operation of the U.S. Private Military Contractors: New Revelations for China. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52(12): 101-112. DOI: 10.31857/S2686673022120070 EDN: GYYAQC

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что о ЧВК пишут достаточно много и подробно, в научных кругах и общественном мнении всё ещё царит довольно противоречивый и спорный подход к вопросам применения ЧВК. С одной стороны, считается, что сотрудники ЧВК ничем не отличаются от обычных убийц, у них отсутствует мораль, они зарабатывают на страданиях людей. С другой стороны, говорят, что ЧВК являются очень действенным внешним инструментом для стран в ситуациях, когда невозможно задействовать официальные силовые структуры.

Тем не менее, в современном мире военные действия невозможно представить себе без участия ЧВК, которые действуют практически наравне с регулярным контингентом национальных армий [1]. В последние годы среди наиболее успешных компаний подобной специализации следуют выделить американских частных военных подрядчиков, которые уже многие годы выполняют задачи и поручения правительств.

ИСТОРИЯ НАЁМНИЧЕСТВА

Когда мы обсуждаем тему ЧВК, то нельзя обойтись без рассмотрения такого явления, как наёмничество, которое было известно на протяжении нескольких тысячелетий. Сегодня многие люди дают наёмникам низкую оценку и считают, что они участвуют в войнах исключительно ради личной материальной выгоды. Такая точка зрения кажется нам крайне поверхностной и дискуссионной, поскольку факты доказывают, насколько эффективны были наёмники в различные периоды развития человечества.

Наёмники были известны ещё во времена шумерской цивилизации, когда Царство Третьей династии Ура наняла большое количество воинов из соседних государств, чтобы те сражались за неё. Можно считать, что эти бойцы были

первыми наёмниками. Впоследствии они участвовали в боевых столкновениях в разных частях мира и стали довольно весомой силой и неотъемлемой частью любой войны. Наиболее яркими из них были греческие наёмники (афиняне, спартанцы), которые служили в армиях Персидской империи, египетских фараонов и Карфагена [2]. С тех пор наёмники участвовали практически во всех военных действиях.

Взлёт наёмничества пришёлся на Средневековье. Это было связано с возрождением европейской городской торговли и развитием банковского дела. Многие капиталисты начали активно финансировать в создание частных коммерческих структур, которые специализировались на обучении и подготовке наёмников, зарабатывая за счёт их аренды или на получении военных трофеев.

При использовании наёмников имелись, как минимум, два значимых преимущества. Первое – это значительно сэкономило средства нанимателя, поскольку содержание регулярной армии стоило гораздо дороже. Второе – наёмники не принимали участие в идеологической, национальной, политической жизни страны, никому официально не присягали, не представляли угрозы для нанимающего их правителя.

Необходимо отметить, что у наёмников был свой кодекс чести, которому они подчинялись, отличная физическая подготовка и высокий уровень боеспособности, они всегда были готовы безукоризненно выполнить любой приказ и не задавать никаких лишних вопросов. Из-за воинской дисциплины и верности договору, наёмники были востребованы в армии любого государства. Швейцария была основным поставщиком высококачественной наёмной пехоты [3].

Как подчеркнул современный историк М. Маллет, история военного дела Италии XIV века наполнена иностранными наёмниками и искателями приключений, а американский профессор классических и средиземноморских исследований У. Каферро писал, что наёмные солдаты являлись характерной чертой итальянского общества XIV века [4].

В начале XVIII века, в связи с прогрессом в производстве вооружений и военной техники, использование оружия стало намного проще, что значительно сократило цикл военной подготовки. В результате европейские страны начали переходить на военнотружущих по призыву, то есть национальные армии начали заменять наёмные подразделения, эпоха наёмников постепенно стала приходить в упадок.

Конечно, наёмники никуда не делись. Возрождение наёмничества произошло в 1960-х годах, когда процесс деколонизации охватил весь мир, обстановка в области региональной безопасности становилась все сложнее. Страны Африки и Азии, где колониальные административные структуры распались, обрели национальную независимость, там вспыхнули ожесточённые междоусобные войны, связанные с межплеменными и межклановыми столкновениями, нача-

лась вооружённая борьба за власть, а армии либо отсутствовали вовсе, либо были очень слабыми. В такой ситуации профессиональные наёмники, обладавшие большим боевым опытом, вновь стали востребованы [5].

Конечно, как правило, рано или поздно любой вольнице приходит конец. Так случилось и со свободными наёмниками [3]. Раньше их нанимали государства, однако в середине 1960-х годов ситуация кардинально изменилась. Услуги наёмников начали активно предлагать организационные коммерческие структуры, называемые «частные военные компании» (ЧВК). В 1967 г. в Англии была создана первая такая компания, основателем её стал полковник Вооружённых сил Соединённого Королевства Дэвид Стерлинг. В середине 1970-х годов ЧВК Виннелл корпорейшн (*Vinnell Corp.*), принадлежавшая американскому промышленному гиганту Нортроп Грумман (*Northrop Grumman*), получила первые серьёзные контракты от правительства США. Их сумма превышала 500 млн долл. [6].

Подводя итоги, можно сказать, что история показала: наёмничество оказало влияние на формирование многих важнейших государственных структур. Например, в социальной сфере оно обеспечило население занятостью и служило источником заработка, в политической сфере оно сыграло немаловажную роль, выступало средством ведения войн и изменения геополитической обстановки в разный период развития человечества.

МЕХАНИЗМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧВК США

В 1990-х годах в связи с углублением процессов глобализации и развитием неолиберализма, западные страны приступили к приватизации многих государственных секторов. Это распространилось и на военную область. Многие государства начали осуществлять крупномасштабное разоружение. Не затрагивая военной мощи, некоторые страны, в которых прежде не было ЧВК, стали допускать появление частной военной промышленности. Так стартовал новый период бурного развития ЧВК. В результате безудержная погоня за прибылью самого капитала начала непосредственно участвовать в войнах и конфликтах, чтобы извлечь из этого выгоду.

Следует отметить, что террористические акты 11 сентября 2001 г. способствовали значительному развитию ЧВК США. Затем во время войны в Ираке ЧВК были настолько активны, что многие эксперты даже назвали это противостояние «первой приватизационной войной» (*privatization war*). По разным оценкам, в Ираке не менее 100 тыс. представителей ЧВК работали непосредственно на Министерство обороны США, что было десятикратным увеличением использования частных подрядчиков для военных операций со времени войны в Персидском заливе. Контракты получили, по меньшей мере, 35 американских ЧВК.

Преобладание ЧВК привело к созданию торговой группы в Ассоциации частных охранных компаний Ирака (*Private Security Company Association of Iraq, PSCAI*).

Что такое ЧВК? По определению Википедии, ЧВК — это коммерческие предприятия, которые предлагают специализированные услуги, связанные с охраной, защитой кого-либо или чего-либо, участвуют в военных операциях, выполняют боевые задачи, занимаются стратегическим планированием, оценкой рисков, тыловым обеспечением, логистическим обслуживанием, консультированием и другими техническими услугами.

За последнее двадцатилетие количество ЧВК росло стремительно. Сейчас их услугами пользуются не только правительства различных государств, но и крупные транснациональные компании. По мнению экспертов, в данный момент мировой рынок частных военных услуг оценивается более чем в 240 млрд долл. США. Чаще всех силы ЧВК используют США, которые являются ключевыми игроками в этом частном военном бизнесе.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ЧВК США

1. Боевые функции, относятся к ЧВК, которые непосредственно отвечают за ведение или командование в ситуации военных действий и несут более высокие риски. Они в основном выполняются компаниями по предоставлению военных услуг. При выполнении такого рода функций у ЧВК есть два типа контрактов на выбор: программа комплексных сил и программа укрепления сил. Программа комплексных сил относится к ЧВК, которые предоставляют клиентам независимую действующую армию для самостоятельного выполнения боевых задач на поле боя [7]. Программа укрепления сил относится к участию сотрудников ЧВК в скоординированных боевых действиях, направленных на повышение эффективности операций. Самой главной особенностью такого рода функции является то, что сотрудники ЧВК лично отправляются на поле боя. Это может быть как непосредственное участие в бою, так и скоординированное управление оперативными боевыми действиями.

Непосредственное участие в боевых действиях. Одной из основных функций ЧВК, предоставляющих военные услуги, является непосредственное участие в боевых действиях от имени своих клиентов. Осуществляя её, компании несут относительно высокие риски. Они зачастую подписывают программу комплексных сил со своими клиентами, предоставляя им боевые группы. Хотя боевые группы ЧВК не столь многочисленны, их военной техники, комплексной мощи и боевого опыта достаточно, чтобы повлиять на ход войны. В качестве примера можно привести гражданскую войну в Анголе. Силы всех сторон настолько ослабли, что о продолжении сражения не могло быть и речи. Тогда они наняли

более 80 ЧВК, чтобы те воевали вместо них, то есть непосредственно участвовали в боевых действиях, защищая интересы своих клиентов.

Скоординированное оперативное командование. Подписывая контракты с заказчиками на программы укрепления сил, ЧВК предоставляют клиентам услуги главнокомандующих или профессиональный технический персонал, управляющий военной техникой и системами вооружений. Хотя число сотрудников, занимающихся скоординированным управлением оперативных боевых действий, невелико, они часто играют жизненно важную роль в войнах благодаря своим профессиональным навыкам. Например, компания «Бетак» (*Betac*) командовала специальными операциями США и оказывала военную поддержку их тайной деятельности. Поскольку среди ЧВК боевая функция является наиболее спорной, они зачастую не предоставляют военные услуги, а просто заявляют, что занимаются оказанием услуг военного консалтинга [Peter Singer. 2008].

2. Консультационные функции включают предоставление услуг по подготовке войск, стратегическому анализу, стратегическому поведению или стратегическим рекомендациям и т. д. Этот тип функций обычно предоставляется военными консалтинговыми компаниями. Реализация консультационных функций зачастую требует более длительного срока действия контракта, чтобы помочь клиентам восстановить вооружённые силы и быстро усилить военную мощь. Следовательно, ставка дохода от этой деятельности довольно высокая, и сотрудникам не нужно лично выходить на поле боя, поэтому и риски, которые они берут на себя, ниже. Этот тип функций можно разделить на военное обучение и военный консалтинг [Lawrence Freedman, Rupert Smith, 2010].

Военное обучение может представлять собой как непосредственно предоставление услуг по обучению, так и предоставление программы обучения, а фактическую работу самого клиента можно разделить на армейскую и полицейскую подготовки. ЧВК обычно располагают передовыми средствами обучения и превосходными учебными площадками, такими как полигоны, крытые стрельбища, тренировочные парашютные городки, различные зоны моделирования местности и т. д. Отличный выбор, особенно для слабых правительственных сил. Военно-морской флот США и иракская военная полиция привлекали ЧВК для обучения личного состава.

Военный консалтинг в основном заключается в объективной оценке вооружённых сил своих клиентов и в предоставлении советов для повышения их боеготовности. Компании также консультируют по вопросам национальной оборонной политики и планов национальной обороны. От скоординированного управления оперативными боевыми действиями отличие в том, что компания непосредственно не участвует в оперативном командовании. ЧВК утверждают, что их доклады объективны и достоверны. Но нередко компании составляют эти доклады так, чтобы заставить клиентов подписывать больше контрактов и

продлить срок договора и, как следствие, сделать клиентов более зависимыми от них. Например, в 1992 г. компания «Халлибертон» (*Halliburton*) написала конфиденциальный отчёт для Министерства обороны США о том, как ЧВК могут оказать поддержку правительству этой страны. Речь шла о военном присутствии и обеспечении материально-технической поддержки в странах с отсталой инфраструктурой. ЧВК «Буз Аллен Гамильтон» (*BoozAllen-Hamilton*) долгое время предоставляла стратегические советы Агентству национальной безопасности США, Центральному разведывательному управлению и другим военным разведывательным службам [Stanger A. 2009].

3. Функция поддержки. Она относится к ЧВК, предоставляющим клиентам тыловое обеспечение, разведывательные данные, техническую поддержку, транспортировку и другие услуги, связанные с войной [Opello W. 2016]., то есть в основном к компаниям военной логистики. Как правило, эта функция имеет низкий порог вхождения и высокую степень гражданско-военной интеграции. Она подходит для мобилизации общественных сил, поэтому зачастую считается, что у неё нет ничего общего с ЧВК. И хотя такие компании непосредственно не участвуют в боевых действиях, их работа по-прежнему играет ключевую роль во всей войне. Эту функцию можно разделить на тыловое обеспечение, сбор разведывательных данных, техническую поддержку, транспортировку и пополнение ресурсов.

Тыловое обеспечение. Возможности тылового обеспечения не только позволяют армии поддерживать высокую эффективность работы в мирное время, но и определяют масштаб, площадь и результат ведения боевых действий в военное время. Со смягчением международной обстановки страны стали сокращать численность своих армий и сотрудников тыловых частей. Сегодня вооружённые силы различных государств начали постепенно доверять тыловое обеспечение, не связанное с военной тайной, частным военным компаниям для снижения нагрузки на армию. Например, во время войны в Персидском заливе почти всё тыловое обеспечение армии Саудовской Аравии осуществлялось ЧВК Соединённых Штатов.

Сбор разведывательных данных — ещё одна важная функция ЧВК. Хотя в правительственных учреждениях работают специализированные отделы по сбору разведанных, их многоканальные источники — объективная потребность правительственных операций. ЧВК же располагают всем необходимым для сбора разведанных: техническим и юридическим персоналом, экспертными советниками, не уступающими государственным с точки зрения кадрового резерва. А иногда частные военные компании даже больше обеспечены нужными ресурсами. Распространение информационной войны открыло широкие возможности для развития ЧВК. Поэтому в мирное или военное время правительство всегда может выбрать сотрудничество с частными военными компаниями для получения разведывательных данных. Скажем, компания «Блэкуотер» (*Blackwater*)

использовала беспилотники против пакистанских террористов, чтобы собрать разведданные и помочь США с точными воздушными бомбардировками.

Техническая поддержка. Её функция включает не только исследования и разработки в области оборонной науки и техники, но и предоставление клиентам услуг по обслуживанию оружия, разминирование, обслуживание Интернета и другие работы. Развитие информационных технологий предоставило безграничные возможности для военного строительства и сделало войну более сложной и разнообразной. При помощи ЧВК правительство может мобилизовать общественные научно-технические силы для проведения исследований, разработок и производства оборонной науки и техники. Обеспечение безопасности в Интернете имеет важное значение для ведения современной войны. Правительства часто предпочитают сотрудничать с ведущими Интернет-компаниями, чтобы противостоять хакерским атакам. Например, компания «Ай-Дифенс» (*I-Defense*) сотрудничает с министерствами обороны США и Великобритании, Агентством национальной безопасности США и Центральным разведывательным управлением.

Транспортировка и пополнение ресурсов. ЧВК используют преимущества своих транснациональных корпораций для транспортировки материальных ресурсов, необходимых для поля боя. В то же время у них есть и профессиональная бронетехника, вертолёты, другая военная техника, более продвинутая, чем у армий многих бедных стран. ЧВК предоставляют своим клиентам услуги перевозки войск, транспортировки и обслуживания вооружения и снаряжения. Например, вооружённые силы Канады передали всю цепь снабжения, включая обслуживание и транспортировку вооружения, на аутсорсинг британской компании «Тиббетт и Бриттен» (*Tibbett and Britten*).

РОЛЬ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ США

Во-первых, они способствуют всеобщей оборонной мобилизации во время войны. Факты показали, что правительства всех стран надеются, что, снижая нагрузку на национальную оборону, они одновременно смогут увеличить свой оборонный потенциал, что позволит обеспечить национальную безопасность с минимальными затратами. Деятельность ЧВК точно удовлетворяет потребностям правительства в этом вопросе. Частные военные компании не только обладают большим количеством талантливых профессионалов, но и богатым боевым опытом. Они могут быстро вступить в войну, имеют определённые преимущества и оборудование для обучения, а также запасы вооружения и снаряжения и богатый опыт в мобилизации тылового обеспечения. Бывший министр обороны США Дональд Рамсфелд даже назвал вооружённые силы «боеспособной структурой, состоящей из действующих и резервных войск, гражданского персонала и подрядчиков». В первые дни войны США с терроризмом в Ираке и Афгани-

стане из-за нехватки военных американское правительство решило воспользоваться услугами ЧВК. В 2007 г., во время войны в Ираке, регулярная армия США насчитывала всего 160 тыс. солдат, а сотрудников различных ЧВК — около 180 тыс. [Gasser M., Malzacher M. 2020]. Нетрудно заметить, что ЧВК снижают финансовые издержки страны, реализуя военные государственные проекты в мирное время, а в военное могут быстро мобилизовать общественные ресурсы для их преобразования в боевую мощь.

Во-вторых, они способствуют трудоустройству бывших военнослужащих. ЧВК предоставляют военные услуги и относятся к трудоёмкой отрасли. Поэтому ветераны, прошедшие систематическую военную подготовку, являются приоритетными кандидатами для набора. Они не только экономят расходы компании на обучение, но и применяют различные навыки, приобретённые за время военной карьеры. Например, частное военное предприятие *MPRI* использовало боевой опыт своих сотрудников, полученный ими во время службы в армии США, в целях саморекламы для получения контрактов с клиентами. Катализатором развития американских ЧВК стало масштабное сокращение численности армии США после окончания холодной войны. Нынешняя численность её войск составляет около 1,34 млн человек. Большое количество бывших военнослужащих нуждаются в трудоустройстве, а развитие ЧВК как раз обеспечивает хорошие рабочие места.

В-третьих, они способствуют сохранению и использованию талантов военной науки и техники.

Война будущего — это высокотехнологичная, беспилотная война, которая значительно повысит спрос на ценные военные кадры в области науки и техники. Существование ЧВК как раз гарантирует хорошее место для трудоустройства специалистов, умеющих использовать и обслуживать различное высокотехнологичное оборудование и вооружение. Это может привлечь и таланты из гражданского сектора, и тем самым способствовать военно-гражданской интеграции. Например, во время войны в Ираке беспилотные летательные аппараты «Глобал Хок», «Предатор» и стелс-бомбардировщик *B-2* эксплуатировались и обслуживались сотрудниками ЧВК. Катализатором сотрудничества и обмена уникальных специалистов в области высоких технологий стало именно содействие между правительственными органами и ЧВК.

В-четвёртых, они способствуют обеспечению безопасности зарубежных активов. Транснациональные корпорации зачастую также являются клиентами ЧВК. Их зарубежные активы, особенно в развивающихся странах с серьёзными проблемами безопасности, находятся под угрозой. Чтобы защитить свои зарубежные активы, они нередко обращаются за помощью к ЧВК. На сегодняшний день *MPRI* предоставляют свои услуги по охране багдадского аэропорта, иракской энергетической системы, нефтяных полей, защите судов от пиратов. «Дин-

Корп» занимается предоставлением услуг по защите объектов, включая посольства США в ряде государств, обслуживанию американских военных объектов за рубежом [1]. Другой пример – ЧВК «Хэло траст», которая запустила программу под названием «Глобальное отступление». Она обещает как можно быстрее эвакуировать сотрудников транснациональных корпораций в безопасные районы в случае любых критических ситуаций. А это значит, что сотрудникам и их семьям больше не придётся ждать поддержки от правительств стран, где они находятся. Используя службу безопасности ЧВК, транснациональные корпорации значительно снизили риск для своих сотрудников и активов.

ГЛАВНЫЕ ВЫВОДЫ ДЛЯ КИТАЯ

Сегодня за пределами Китая число работающих граждан КНР оценивается во многие миллионы человек, насчитываются сотни тысяч китайских компаний, инвестиции превышают десятки миллиардов долларов. Несомненно, что в XXI веке в глобальном смысле одним из наиболее эффективных и перспективных механизмов по защите китайских граждан и интересов за рубежом являются ЧВК, которые будучи законодательно запрещены в Китае, пока формально регистрируются как частные охранные структуры.

Необходимо выбрать правильное направление развития ЧВК Китая. В настоящее время ЧВК по-прежнему относятся к чувствительной отрасли, и их преимущества и недостатки предельно ясны. Поэтому особенно важно направить развитие ЧВК в правильное русло. Как видно из истории их развития в Соединённых Штатах, крупнейшим клиентом на начальной стадии было федеральное правительство. Поддержка и потребности государства часто являются подспорьем к развитию ЧВК. Известно, что правительство США надеется создать свою собственную систему гегемонии в глобальном масштабе. И для вмешательства во внутренние дела других стран по своему усмотрению, не будучи ограниченной ООН, Америка решила активно поддерживать ЧВК. Поддержка заключается в увеличении численности боевого состава и создании компаний по предоставлению военных услуг. При этом подписываются секретные договоры для командировок ЧВК с военной интервенцией в других странах и регионах. Вмешательство Соединённых Штатов в войну на Балканах через частное военное предприятие *MPRI* – яркий пример, когда Америка обошла ограничения международного права и достигла своих политических целей. Проблемы, создаваемые такими компаниями, огромны. Приватизация вооруженной власти привела к отсутствию контроля за сотрудниками ЧВК США и частым инцидентам с мирным населением. Так, 16 сентября 2007 года в результате беспорядочной стрельбы, открытой сотрудниками американской частной военной компании «Блэкуотер» на площади Нисур в Багдаде, погибли 17 и пострадали 20 иракских мирных жителей [8].

Основываясь на понимании роли ЧВК США и их проблемах, мы предлагаем строгий контроль за развитием в Китае компаний по предоставлению военных услуг. Начать нужно с поддержки развития военных консалтинговых компаний и компаний военной логистики. Это поможет в полной мере использовать преимущества ЧВК для всеобщей оборонной мобилизации, трудоустройства отставных военных, интеграции профессионалов в области науки и техники. А ещё позволит избежать приватизации вооружённых сил и проблем в развитии ЧВК.

При содействии трудоустройству отставных военных у ЧВК есть преимущества, не имеющие аналогов среди других гражданских предприятий. Многолетний опыт службы в армии не вполне достаточно для профессий по классической профориентации. Однако отставные военные прекрасно ориентируются в тыловом обеспечении и прочих специальных направлениях. В ЧВК они смогут в полной мере проявить себя. Это сэкономит время и расходы частных компаний на обучение работников.

С быстрым ростом экономики Китая всё больше и больше китайских предприятий открывают свои филиалы за рубежом, а чтобы обеспечить безопасность работы там, транснациональные компании всё чаще предпочитают нанимать частные охранные организации. Хотя правительство Китая может предоставлять услуги по обеспечению безопасности зарубежным компаниям с участием китайского капитала, но из-за большого разнообразия их деятельности, трудно удовлетворить индивидуальные требования. Во многих случаях государству и военным неудобно обеспечивать защиту предприятий за рубежом, так что китайским компаниям часто приходится полагаться на местное правительство для оказания прямой военной помощи.

Поддержание безопасности и стабильности стран и регионов вдоль проекта «Один пояс – один путь», который охватывает множество районов и регионов, подверженных конфликтам. Это заставляет Китай задуматься о том, как обеспечить безопасность торговли вдоль торгового пути. Стимулируя и развивая ЧВК, Китай может достичь этих целей. Это позволит не только избежать прямого использования регулярных войск, тем самым усложняя проблемы безопасности, но и сэкономить военные расходы Китая [9]. Кроме того, может быть укреплено международное сотрудничество между ЧВК, а компании с преобладанием китайского капитала и иностранные предприятия, находящиеся в регионе, будут под защитой.

ИСТОЧНИКИ

1. Валерий Бовал. Частные наёмные армии США. *Военное обозрение*. 6.2.2012. Available at: <https://topwar.ru/10853-chastnye-naemnye-armii-ssha.html> (accessed 19.08.2022).

2. Парк Герберт Уильям. Греческие наемники. «Псы войны» древней Эллады. Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/park-gerbert-uiljyam/grechieskie-naemniki-psi-vojni-drevnej-elladi> (accessed 16.08.2022).

3. Майор Пэйн. Кто такие наёмники, и откуда берутся ЧВК. Available at: <https://lastday.club/whois-contractors-private-military-corporation/> (accessed 09.08.2022).

4. Дмитрий Мазарчук. Кому война, а кому мать родна. Available at: <https://warspot.ru/14216-komu-voyna-a-komu-mat-rodna> (accessed 17.08.2022).

5. Кирилл Куделко. Современное наёмничество: возрождение. Available at: <https://warspot.ru/6532-sovremennoe-najomnichestvo-vozhrozhdenie> (accessed 07.08.2022).

6. Александр Тиханский. Частные военные задачи. Available at: <https://www.sonar2050.org/publications/chastnye-voennye-kompanii-v-sisteme-voenno-politicheskikh-vzaimodeystviy-xxi-veka/> (accessed 15.08.2022).

7. Линдси Камерон. Частные военные компании: их статус по международному гуманитарному праву и воздействие МГП на регулирование их деятельности // *Международный журнал Красного Креста*. Сентябрь 2006 г. Том 88. № 863.

8. Sabrina Tavernise, James Glanz. Iraqi Report Says Blackwater Guards Fired First. *New York Times*. 19 September 2007.

9. Charles Clover. Chinese private security companies go global. *Financial Times*. 26 February 2017.

REFERENCES

Peter Singer. *Corporate warriors. The Rise of the Private Military Industry*, Cornell University Press. New York. 2008.

Lawrence Freedman, Rupert Smith. *The Utility of Force: The Art of War in the Modern World*, the Polish Institute of International Affairs. Warsaw. 2010. 363 p.

Stanger A. *One Nation under Contract: The Outsourcing of American Power and the Future of Foreign Policy*. New Haven, CT, and London: Yale University Press. 2009. 242 p.

Opello W. *War, Armed Force and the People: State Formation and Transformation in Historical Perspective*. Rowman & Littlefield: New York. 2016. 324 p.

Gasser M., Malzacher M. *Beyond Banning Mercenaries: The Use of Private Military and Security Companies Under IHL*. The Hague: Asser Press. 2020. 158 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮЙ Чжочао, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук.

КНР, 100007 Пекин, ул. Чжан Цзычжуна, д.3

YI Zhochao, Candidate of Sciences (Economics), Research Fellow, Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies of Chinese Academy of Social Sciences.

3 Zhangzizhong Road, Beijing 100007 People's Republic of China

Статья поступила в редакцию / Received 22.08.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 03.09.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 05.09.2022.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673022120082

EDN: GYYHFL

Об отношениях США и РФ со странами Латинской Америки после холодной войны

А.А. Еремин

Российский университет дружбы народов (РУДН),

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС),

Российская Федерация, Москва, 119571, проспект Вернадского д. 82.

Researcher ID: D-4242-2019 Scopus Author ID: 57208422115 РИНЦ ID: 865122

ORCID: 0000-0002-6217-6269 e-mail: eremin-aa@rudn.ru;

Резюме. Вниманию читателей предлагается рецензия на коллективную монографию *Rethinking Post-Cold War Russian – Latin American Relations* (Переосмысливая отношения России и Латинской Америки после холодной войны) под редакцией профессора, директора лаборатории политики и международных отношений Университета ICESI (Колумбия) В. Рувинского и профессора СПбГУ и главного редактора научного журнала «Латинская Америка» В.Л. Хейфеца. Данная монография издана на английском языке в ведущем мировом издательстве Рутледж и, очевидно, посвящена крайне актуальной и сложной теме, научное осмысление которой является необходимым для возможности выстроить в будущем эффективные отношения между Россией и странами Латинской Америки.

Ключевые слова: Латинская Америка, Россия, постбиполярный период, международные отношения

Для цитирования: Еремин А.А. Об отношениях США и РФ со странами Латинской Америки. *США & Канада: экономика, политика, культура* 2022; 52 (12) 113-119.

DOI: 10.31857/S2686673022120082

EDN: GYYHFL

About the Post-Cold War Relations of Russia and the United States with Latin America

Arkadiy A. Eremin

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN),

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation;

Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEP),

82 Prospekt Vernadskogo, 119571, Moscow.

Researcher ID: D-4242-2019 Scopus Author ID: 57208422115 РИНЦ ID: 865122

ORCID: 0000-0002-6217-6269 e-mail: eremin-aa@rudn.ru;

Abstract: This paper is a review of a collective monograph edited by Vladimir Ruvinsky, professor and director of the Laboratory of Politics and International Relations at ICESI University (Colombia), and Victor Lazarevich Jeifetz, professor at St. Petersburg State University and editor-in-chief of the scientific journal «Latin America». This monograph was published

by the world's leading publishing house Routledge and is obviously devoted to an extremely relevant and complex topic, the scientific understanding of which is essential for the possibility of building effective relations between Russia and the countries of Latin America in the future.

Keywords: Latin America, Russia, Post-Bipolarity, International Relations

For citation: Eremin A.A. About The Post-Cold War Relations Of Russia and the United States with Latin America *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52 (12) 113-119. DOI: 10.31857/S2686673022120082 EDN: GYYHFL

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время всё сильнее активизируется обсуждение необходимости диверсифицировать внешнеполитические и торгово-экономические связи Российской Федерации. Это особенно актуально в условиях, когда происходит «декаплинг» западных стран и России во всех сферах и на РФ оказывается беспрецедентное санкционное давление. Отказавшись от навязываемой США международной иерархии (в рамках теории неореализма, в том числе периферийного реализма, международные отношения существуют в виде набора иерархий, выстроенных лидерами на международной арене. Например, у США – своя иерархия, её ещё любят называть «коллективный запад», у КНР – своя), Россия в соответствии с базовыми положениями неореализма оказалась на противоположной стороне от основных западных партнёров, в первую очередь стран ЕС, США и Канады. В этих условиях совершенно очевидно, что значимость новых направлений политики и внешней торговли резко возрастает. Это касается и научного дискурса, где всё чаще звучат призывы к разработке незападных теорий и моделей международных отношений [Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. 2021], а также к формированию и укреплению связей между так называемым «коллективным незападом», основой которого многие видят Россию.

Традиционно страны Латинской Америки рассматриваются как безусловная вотчина США, но в последнее время интерес Вашингтона к этому континенту неуклонно снижается. Апогеем потери интереса к региону можно считать президентство Дональда Трампа, радикальным образом перекроившего латиноамериканский вектор внешней политики США, де-факто ослабив североамериканское присутствие в регионе [Еремин А.А. 2022].

Это, в свою очередь, открывает новое окно возможностей для внерегиональных игроков, в том числе и для российской дипломатии. Однако успешное выстраивание отношений и рост степени их эффективности невозможно представить без осмысления предыдущих этапов этих самых отношений. Историческая

и концептуальная основа взаимодействия РФ со странами Латинской Америки крайне обширна и содержит не только положительные моменты, но и серьёзные проблемы, решение которых в нынешних неблагоприятных условиях приобретает первостепенное значение и потенциально может стать ключом к выходу России из международной изоляции со стороны Западного мира.

ОСОБЕННОСТИ МОНОГРАФИИ

Первое, что бросается в глаза при чтении рецензируемой монографии, – международный характер издания. Во-первых, это обусловлено тем, что книга выпущена ведущим мировым издательством Рутледж (*Routledge*), которое бесспорно завоевало уважение и доверие учёных всего мира. Во-вторых, в книге присутствуют авторы из ряда стран: США, Аргентины, Колумбии, Казахстана Мексики и, разумеется, России. Подобная географическая репрезентативность позволяет разносторонне подойти к раскрываемому на страницах монографии вопросу.

Отметим и отлично подобранный авторский и редакторский состав. Ответственными редакторами данного научного труда выступили В.Л. Хейфец и В. Рувинский, который является директором лаборатории политики и международных отношений и профессором кафедры политических наук Университета ICESI в городе Кали, Колумбия. В. Рувинский в этом качестве, вероятно, идеальный кандидат для такой монографии благодаря своему органическому опыту работы как в российской науке, так и в латиноамериканском академическом сообществе. Кроме того, бесспорным является степень его проникновения в региональные политические процессы [Manolo C., Rouvinski V. 2012]. Что касается В.Л. Хейфеца – профессора СПбГУ и главного редактора научного журнала «Латинская Америка», издаваемого ИЛА РАН, то здесь не будет преувеличением сказать, что данный исследователь занимает лидирующие позиции в РФ по изучению Латинской Америки во всей её полноте, причём не только на современном этапе, но и в советский период [Jeifets V.L., Jeifets L.S. 2021]. Всё это позволило создать яркую и очень правильную концепцию монографии.

Среди авторов также фигурирует ряд серьёзных учёных и исследователей Латинской Америки. Примечательно, что в монографии, с точки зрения пропорциональности, хорошо представлены зарубежные авторы, в том числе и латиноамериканские учёные, – это существенно добавляет книге валидности. Большое впечатление производит присутствие в числе авторов Эвана Эллиса, без преувеличения ведущего мирового специалиста-международника по Латинской Америке, особенно по взаимоотношениям данного региона с КНР и РФ. Доктор Эллис является автором более чем 270 научных работ, и само его присутствие в книге сигнализирует о её высоком уровне качества.

В данной монографии составители с присущими им приверженностью к научному подходу и скрупулезностью структурировали собственное повество-

вание от общей теоретической и исторической базы к конкретике современных двухсторонних отношений. Сначала авторы говорят о науке – как изучали Латинскую Америку в Советском Союзе и как её изучают в современной России. Также в первой части, что редко для таких книг, отдельная глава посвящена изучению России в Латинской Америке, что само ценно и будет крайне интересно для любого отечественного латиноамериканиста.

Вторая часть работы затрагивает довольно сложную, иногда даже болезненную тему советского наследия в Латинской Америке. В центре внимания в данном разделе – деятельность Коминтерна, а также Мексика и Колумбия. Автором здесь выступил видный колумбийский учёный, заведующий кафедрой юридических наук Университета ICESI Марио Альберто Кахас-Сарриа, представивший комплексную оценку антикоммунистической борьбы в его стране в 1926–1982 гг. Стоит отметить, что М.А. Кахас-Сарриа имеет множество международных работ, посвящённых коммунистическому движению в Колумбии, а также антикоммунистической борьбе в этой стране.

Третья часть монографии повествует уже о современных тенденциях отношений России со странами Латинской Америки. В первую очередь, это вопросы миграции, стратегического партнёрства, торговли оружием и, естественно, противостояния РФ и США на территории региона. Среди авторов в данном разделе хотелось бы отметить М.Н. Мосейкину, доктора исторических наук и профессора кафедры истории России Российского университета дружбы народов (РУДН). Её работа посвящена актуальным миграционным трендам между Латинской Америкой и РФ, что получает особую значимость и актуальность в свете происходящих в последнее время волн иммиграции россиян.

Заключительная, четвёртая часть, переходит от общих тенденций к частностям двустороннего сотрудничества с ключевыми странами региона. Это, вероятно, самая насыщенная как тематически, так и по объёму часть книги. Здесь затрагиваются вопросы сотрудничества РФ со своими ключевыми партнёрами в регионе – Венесуэлой и Кубой; уделяется внимание российско-мексиканским и российско-колумбийским отношениям (обе эти страны наиболее близки с точки зрения внешней политики к США). Отдельно стоит отметить главы, посвящённые Аргентине и Бразилии. В случае с Аргентиной наши отношения описаны как разносторонние, продолжительные и достаточно крепкие. С Бразилией же автор, профессор СПбГУ Николай Добронравин делает акцент на сотрудничество в рамках БРИКС и торгово-экономическую сферу, включая ИТ.

Таким образом, книга охватывает достаточно тем, анализ которых помогает создать полноценную и комплексную картину деятельности российской дипломатии в Латинской Америке, а также понять концептуальные и исторические основы наших связей с этим удалённым континентом. В книге даётся много фактологического материала и статистических данных. Кроме того, авторы монографии в своих работах оперируют обширной источниковой и научной базой, что делает книгу особенно полезной для молодых исследователей и аспирантов. Разделы *References* в книге представляют своего рода базу, от которой стоит оттолкнуться в дальнейшем изучении интересующей их проблемы. Вся

используемая в книге литература отличается высоким качеством, что в очередной раз доказывает серьёзный уровень рассматриваемой монографии.

ОТНОШЕНИЯ РФ СО СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Как отмечают ответственные редакторы монографии, клишированность фразы «мы живём в быстро меняющемся мире» не делает её менее правдивой. Сначала год 2021 с глобальной пандемией, теперь год 2022 активно доказывают нам, что так называемые «правила игры» в международных отношениях, как и пресловутый статус-кво крайне хрупки и могут меняться с молниеносно. Мы действительно можем наблюдать прямо сейчас череду фундаментальных изменений в существующем миропорядке, которая вполне может привести к формированию новой би- или многополярности в международных отношениях, а также к построению нового, совсем не «западноцентричного» мира. В этой связи не стоит недооценивать роль отношений РФ и Латинской Америки, государства которой давно ищут возможность противопоставить что-то гегемонизму США в Западном полушарии.

Определённый интерес к развитию отношений России с латиноамериканскими государствами существовал всегда, а в последнее время он возрастает рекордными темпами. Однако кроме взаимной заинтересованности существуют и серьёзные вызовы, которые России придётся преодолевать. В первую очередь, речь идёт о необходимости противодействовать влиянию других внерегиональных игроков [Jeifets V.L., Leksyutina Y., Khadorich L.V. 2018]. Причём существенные риски для российской дипломатии представляют не только США, которые привыкли ревностно рассматривать регион в качестве сферы собственного влияния, но и возрастающая роль КНР. США, хоть и имеют серьёзное общее влияние на большинство стран региона, предпочитают в последнее время всё-таки концентрироваться на сотрудничестве с основными партнёрами: Бразилией, Мексикой, Колумбией, Аргентиной.

Опорными же пунктами распространения китайского влияния в регионе являются те же самые страны, которые одновременно очень важны и для России, – в первую очередь это Венесуэла, Куба, а также Никарагуа. В этой связи России придётся так или иначе конкурировать с Китаем, который уже имеет куда большие наработки в регионе, а также обширный список стран-партнёров, многие из которых входят в инициативу «Один пояс – один путь». Как отмечает в монографии доктор Эллис, Китай обладает большими ресурсами, которые он может и намерен потратить на экономическую и даже политическую экспансию в Латинской Америке; кроме того, приоритетность региона во внешнеполитическом курсе Пекина оказывается выше в сравнении с местом Латинской Америки во внешней политике России. Всё это порождает ряд вызовов, с которыми российской стороне придётся так или иначе справляться [Ellis E. 2022].

Собственно, поэтому и важно правильно осмыслить имеющийся у России багаж взаимодействия с Латинской Америкой. И советский, и современный опыт взаимодействия Москвы со странами континента составляют безусловное преимущество РФ по сравнению с той же КНР, которая только относительно недавно стала рассматривать регион как сколько-нибудь приоритетный [Дубровский И.Р., Еремин А.А., Петрович-Белкин О.К. 2021]. Однако также совершенно очевидно, что правильное осмысление этого самого опыта должно проходить не в закрытых кабинетах, а через объективное научное знание, а само это знание должно стать основой для выработки нового подхода российской дипломатии к построению эффективных отношений с латиноамериканскими государствами. Представляется, что данная монография и является первым и достаточно уверенным шагом к такого рода переосмыслению. Но при этом крайне важно понимать, что рассматриваемая коллективная монография – не только осмысление случившегося, но и определённая база или рамка для потенциального сотрудничества, которое может возникнуть между РФ и странами Латинской Америки.

В этой связи книга, выпущенная на английском языке в ведущем мировом издательстве, выполняет ещё одну важную функцию – привлекает внимание зарубежного академического сообщества к данной теме. Это, безусловно, поможет формированию правильного научного дискурса по вопросу выстраивания отношений России с другими странами, а также поможет возродить интерес к так называемым русским исследованиям (*Russian studies*) за рубежом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом данная коллективная монография представляет собой большой научный и практический интерес на нескольких уровнях: 1) для исследователей-международников и регионоведов, специализирующихся на регионе Латинской Америки, а также специалистов по внешней политике России; 2) молодых учёных и аспирантов, только начинающих свою научную карьеру; 3) специалистов-практиков, работающих в профильных сферах, связанных с построением отношений РФ и стран Латинской Америки, и лиц, ответственных за принятие политических решений в контексте формирования внешнеполитического курса России. При этом монография может послужить источником справочной информации по целому ряду вопросов как для студентов, бакалавров и магистров, так и для подготовки высококвалифицированных кадров для внешнеполитических структур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. (2021) США – КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // *Вестник Российского университета дружбы народов*.

Серия: *Международные отношения*. Т. 21. № 2. С. 210–231. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231

Дубровский И.Р., Еремин А.А., Петрович-Белкин О.К. (2021) Латиноамериканский вектор внешней политики КНР в 1991-2020 гг. // *Вопросы Истории*. № 11-3. С. 256-267.

Еремин А.А. (2022) "Разрыв преемственности" латиноамериканского вектора внешней политики США при Д. Трампе и кризис панамериканизма (2017–2020 гг.) // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 66. № 5. С. 68-77. DOI 10.20542/0131-2227-2022-66-5-68-77

REFERENCES

Degterev D.A., Ramich M.S., & Tsvyk A.V. (2021). U.S. – China: "Power Transition" and the Outlines of "Conflict Bipolarity" // *Vestnik RUDN. International Relations*. Т. 21(2), P.210-231 (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>

Dubrovskiy I.R., Eremin A.A., Petrovich-Belkin O.K. (2021). The Latin American Vector of Foreign Policy of China in 1991-2020 // *Voprosy istorii*, 2021, № 11-3. P. 256-267.

Ellis E.A. (2022). The United States and Russian Engagement in Latin America / *Rethinking Post-Cold War Russian-Latin American Relations* (eds. V. Rouvinsky, V.L. Jeifets). NY: Routledge, 2022. – p.178-191.

Eremin A.A. (2022). "Breaking Continuity" of the Latin American Foreign Policy vector under Trump and the Crisis of Pan-Americanism (2017-2020) // *World Economy and International Relations*. Т. 66. № 5. P. 68-77. DOI 10.20542/0131-2227-2022-66-5-68-77

Jeifets V.L., Leksyutina Y., Khadorich L.V. (2018). Russia and Latin America: Renewal versus continuity // *Portuguese Journal of Social Science*. Vol. 17. Issue 2. PP.213-228. DOI: 10.1386/pjss.17.2.213_

Manolo C., Rouvinski V. (2012). The political spectacle of the humanitarian agreement and Hugo Chavez's mediation during the second administration of Alvaro Uribe. *Colombia Inter-nacional*, vol. 76, pp. 229 – 257.

Rouvinsky V., Jeifets L.S. (2022) Introduction / *Rethinking Post-Cold War Russian-Latin American Relations* (eds. V. Rouvinsky, V.L. Jeifets). NY: Routledge. 286 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕРЕМИН Аркадий Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений РУДН.

Российская Федерация 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;

доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества РАНХиГС.

Российская Федерация 119571, Москва, просп. Вернадского, 82

EREMIN Arkadiy Alekseevich, cand. sci (History), associate professor at the department of theory and history of international relations at RUDN University.

6, Miklukho-Maklay str., Moscow, 117198, Russian Federation;

Associate professor at the department of regional studies and international cooperation at RANEPa University.

82, prosp. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 10.09.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 25.09.2022.

Принята к публикации / Accepted 27.09.2022.

Содержание журнала за 2022 год

Алов И.Н. Современные тренды динамики уровня расового разнообразия в США, № 10

Атанесян А.В. Женщины в вооружённых силах и конфликтах: политика и опыт США, №12

Архангельский И.Ю. Социальный контроль иностранного капитала в США, № 4

Бартенев В.И. Агентство США по международному развитию и лидеры национальной индустрии внешней помощи, № 4

Бартенев В.И. США и БАПОР: логика разрыва и нормализации взаимодействия, № 10

Батюк В.И., Морозов Ю.В. Политика и стратегия США, РФ и КНР на Ближнем Востоке, № 4

Бакшаев М.В. Соперничество сверхдержав в странах Африканского Рога и фактор еврокоммунизма в конце 1970-х годов, № 12

Белецкая М.Ю. Международное сотрудничество в интересах мирового развития: политика США, № 10

Бобкин Н.Н. Окончание войны в Афганистане: последствия поражения США для региональной безопасности, № 4

Васильев В.С. США: на пути к цифровому империализму, № 5

Васильев В.С. Экономические банальности, возведённые в N(-обелевскую) степень (о Нобелевской премии по экономике за 2021 г.), №3

Володин Д.А. Военная политика Канады в 2022 г.: предварительные итоги, № 11

Волошина А.В. Американо-китайские отношения и борьба за мировое технологическое лидерство, №.8

Воробьёв Д.Н. От истоков к современным отношениям афроамериканского сообщества и Республиканской партии, № 9

Выходец Р.С. Стратегия США и Канады в области искусственного интеллекта, №7

Гаврилов А.В. Отражение эволюции расовых отношений в США в Голливудском кинематографе 1930–1950-х годов, № 9

Гарбузов В.Н. Зигзаги постимперского синдрома, №7

Гегелашвили Н.А. Политика США в отношении Турции в контексте украинского кризиса, №7

Графов Д.Б. Подходы США к сдерживанию Китая, № 3

Гудкова Т.В., Сухорукова Д.М. Факторы трансформации глобальных цепочек добавленной стоимости, № 11

Гучанова А.П. Эволюция американских госпиталей в период пандемии COVID-19, №7

Давыдов А.А. Основы стратегического планирования внешней политики США, №6

Демчук А.Л., Каратеев А.Ю. Мобилизационные механизмы Канады в условиях пандемии COVID-19, № 2

Евсеенко А.С. Год после прихода талибов к власти: основные вызовы для России и США на афганском направлении, № 11

Еремин А.А. Об отношениях США и РФ со странами Латинской Америки после холодной войны, №12

Ермаков Д.Н., Сыманюк Н.В., Цзяньпин Си. Особенности реализации механизма противодействия санкциям США в Китае и России (на англ. яз.), № 11

Ермаков Д.Н., Казенков О.Ю. Американо-китайские отношения в условиях глобализации, №8

Израелян Е.В. Афганский вектор в современной политике Канады, № 2

Карасова Т.А., Хлебникова Л.Р., Штереншис М. Отношение американских евреев и христианских сионистов к политике современного Израиля, №12

Кирчанов М.В. Политика памяти в современном Квебеке, № 5

Козлов В.О. Траектория американо-китайского размежевания в условиях обострения международной напряжённости, № 10

Козлов В.О., Баяк А. Идеологизация внешнеполитического дискурса Конгресса США по Китаю при Д. Трампе, № 3

Комкова Е.Г. Внеочередные выборы в Канаде: референдум по Трюдо, № 1

Кочегуров Д.А. Австралия & США: два подхода к нелегальной миграции, № 5

Кочегуров Д.А. Формирование антикитайского консенсуса «мозговых центров» США: от Д. Трампа до Дж. Байдена, № 9

Кузнецов А.В. Институциональные трансформации мировой финансовой архитектуры, № 11

Кузнецов Н.М. Дипломатия США в эпоху больших данных: новые цели, новые возможности, № 3

Куприянов А.В. Стратегические императивы Индии: от Индийского океана к ИТР и обратно, №8

Лебедева Л.Ф. Социальная повестка администрации Дж. Байдена, № 2

Лукин В.В. Россия и США в Антарктике: общие интересы и проекты, № 9

Ма Бин. Изменение политики США в Центральной Азии и его влияние на

«Экономический пояс Шелкового пути» (на англ. яз.), №8

Меньшикова А.М. Позиция администрации Дж. Байдена в отношении Всемирной торговой организации, №7

Мищенко Н.С. США мобилизуют союзника: французский кейс (декабрь 1979–1980 гг.), № 4

Панов А.Н. Японо-американский военно-политический союз: секреты долголетия, № 12

Переверзева М.В. Жанр портрета в творчестве фотохудожников США, №6

Перова М.К. США: Новые контуры цепочки поставок фармацевтических препаратов, № 2

Погосян Б.П. Тридцать лет взаимодействия: политика США на Южном Кавказе после окончания холодной войны, № 1

Пороховский А.А. Национальная инфраструктура как фактор экономического развития США, №6

Приходько О.Б. Санкционная политика США против России: исторический опыт и современность, № 9

Приходько О.В. Трансатлантические отношения: брексит и его последствия, № 3

Пупышев С.В. Несостоявшийся визит Л. Джонсона в СССР (1968 г.) и срыв разрядки, №7

Райков Ю.А. Россия и США в Арктике: от конкуренции к противостоянию, № 1

Ревенко Л.С., Солдатенкова О.И.,

Ревенко Н.С. Влияние пандемии COVID-19 на продовольственную систему Канады, № 4

Ревенко Л.С., Солдатенкова О.И., Ревенко Н.С. Продовольственные системы Канады: взгляд сквозь призму новых концепций, № 2

- Рогов С.М.** Неравнобедренный треугольник: Россия – США – Китай в новой геополитической обстановке, №8
- Рожков А.А.** Влияние внутренней политики США на формирование российско-американских отношений, №5
- Самуйлов С.М.** Поражение США в Афганистане и усиление напряженности в Центральной Азии, № 2
- Сауткина В.А.** Система здравоохранения в США: в поисках новой модели управления, №6, №6
- Селянин Я.В.** Система организации НИОКР в США на примере работ в области ИИ, № 9
- Семёнов В.Л.** Влияние санкций США на экономику Венесуэлы, № 1
- Сетов Р.А.** Шаги к войне. США и Германия в 1938-1941 гг., № 4
- Силаков Н.Ю.** Частные фонды во внешней политике США, №12
- Синдеев А.А.** Трансформации Трансатлантического сотрудничества: подход США и ФРГ к единству в НАТО (1981 г.), № 9,
- Смирнов П.Е.** Обострение украинского кризиса и формирование новой стратегической концепции НАТО, №10
- Солдатенкова О.И.** Роль Канады в формировании гендерной повестки торговых соглашений, №6
- Солдатенкова О.И.** Сельское хозяйство Канады на современном этапе, №12
- Солянова М.В.** Фактор США в современной внешней политике Канады, № 10
- Степанов А.С.** Политика США в Юго-Восточной Азии: от Б. Обамы до Дж. Байдена, №.8
- Студенцов В.Б.** «Коммуны» первопоселенцев Виргинии и Нового Плимута: как это было и почему, №7
- Сулян В.Б.** Экономика Байдена: итоги первого года, № 5
- Сургуладзе В.Ш.** Кризис креативной экономики в условиях урбанизации и экономического неравенства информационного общества, № 10
- Сургуладзе В.Ш.** Ценностно-поведенческие трансформации поколения I: американская модель для России и остального мира? № 1
- Сургуладзе В.Ш.** В эпицентре разведывательных сетей США, №6
- Теребов О.В.** Администрация Д. Трампа и сдвиги в арктической политике США, № 11
- Тищенко Т.В.** Механизмы реализации проектов, инициируемых гражданским сообществом на местном уровне (пример США и Канады), № 1
- Толкачев С.А.** Промышленная политика и рещоринг: байденномика сменяет трампономику, № 1
- Травкина Н.М.** Администрация Дж. Байдена: шипы и розы обретения «нормальности», № 4
- Травкина Н.М.** Цифровизация общества: альтернативные проекты Будущего, №6
- Третьюхин А.Н.** Княгиня Р., Черчилль и другие, № 1
- Трунов Ф.О.** Политический диалог ФРГ и США в 2021 г.: переход к новой нормальности, № 3
- Труш С.М.** Российско-украинский кризис: фактор Китая, №.8

У Яньбинь. Индо-Тихоокеанская стратегия США в контексте конкуренции между США и Китаем: восприятие угрозы и структура альянса, № 2

У Яньбинь. Новая Индо-Тихоокеанская стратегия США: вызовы для КНР, №7

Уянаев В.Б. Отношения Индии и США: текущее состояние и внешние последствия, №.8

Халилов В.М. Верховный суд США: его презентация в кино, на телевидении, в литературе страны и восприятие обществом, № 10

Хлопов О.А. «Особые отношения» США и Великобритании при Д. Трампе и Дж. Байдене, № 5

Цибиков В.А. Афганское направление политики США в контексте деятельности талибов, № 11

Шведова Н.А. Гендерные роли в США: бремя пандемии коронавируса, № 3

Шведова Н.А. Здравоохранение в США: уроки коронавирусной пандемии, № 11

Шведова Н.А. Семья в США сегодня: «Выбор был сделан за нас», № 5

Шумилина И.В. О парадоксе интеграции мигрантов: рассуждения без софизма, № 5

Щукина Т.А. Новый театральный проект Р. Лепаж в Москве, №7

Юй Чжочао. История наёмничества и механизмы деятельности ЧВК США – новые откровения для Китая, №12

Юлдашева Г.И. Узбекистан – США: новый этап стратегического партнёрства, № 2

Виола Сергеевна Аничкина, № 10

Информация для авторов, № 1-12

Contents-2022

- Alov, I.N.** Modern Trends in Dynamics of Racial Diversity in the U.S., No.10
- Arkhangelsky I.Yu.** Social Control of the Foreign Capital in the USA, No.4
- Atanesyan A.V.** Women in the Armed Forces and Conflicts: The U.S. Policies and Experience, No.12
- Bakshaev M.V.** Superpowers Rivalry in the Horn of Africa and the Eurocommunism Factor, late 1970s, No.12
- Bartenev V.I.** USAID and Leaders of National Foreign Aid Industry, No.4
- Bartenev, V.I.** United States and UNRWA: Explaining Disruption and Normalization of Interaction, No.10
- Batyuk V.I., Morozov Yu.V.** Politics and Strategy of U.S., RF and China in the Middle East, No.4
- Beletskaya, M.Yu.** International Development Cooperation: U.S. Policies, No.10
- Bobkin N.N.** The End of the War in Afghanistan: the United States' Defeat and its Consequences for Regional Security, No.4
- Davydov A.A.** The Foundations of Foreign Policy Strategic Planning of the United States, No.6
- Demchuk A.L., Karateev A.Yu.** Canada's mobilization mechanisms in the context of the COVID-19 pandemic, No.2, No.2
- Eremin A.A.** About The Post-Cold War Relations of Russia and the United States with Latin America, No.12
- Ermakov, D.N., Kazenkov, O.Yu.** US-China relations in the context of globalization, No.8
- Ermakov, D.N. Symaniuk, N.V., Jianping Shi.** Comparative Study of Legal Countermeasures Mechanisms against U.S. Economic Sanctions in Russia and China, No. 11
- Yevseyenko A.S.** A year after the Taliban came to power: the main challenges for Russia and the US in Afghanistan, No.11
- Garbuzov V.N.** Zigzags of the Post-Imperial Syndrome, No.7
- Gavrilov A.S.** Reflection of Evolution of Race Relations in the USA in Hollywood Cinema of the 1930s-1950s, No.9
- Gegelashvili N.A.** The U.S. Policy towards Turkey in the Context of the Ukrainian Crisis, No.7
- Grafov D.B.** The U.S. Approaches to Deter China, No.3
- Guchanova A.P.** Evolution of American Hospitals during the COVID-19 Pandemic, No.7
- Gudkova T.V., Sukhorukova D.M.** Factors of Transformation of Global Value chains, No.11
- Issraelyan E.V.** Afghan Agenda in Current Canadian Politics, No.2
- Karasova T.A., Khlebnikova L.R., Shterenshis M.** The Attitudes of American Jews and Christian Zionists towards Politics of Israel, No.12
- Khalilov, V.M.** The Supreme Court of the United States in Popular American Culture: Representation and Public Perception, No.10
- Khlopov O.A.** Special Relationship of the US and the UK under Trump and Biden, No.5
- Kirchanov M.V.** The Politics of Memory in Contemporary Québec, No.5
- Kochegurov D.A.** Australia & USA: Two Approaches to Illegal Migration, No.5
- Kochegurov D.A.** The Development of the Anti-Chinese Consensus among US Think Tanks: from D. Trump to J. Biden, No.9
- Komkova E.G.** Snap Election in Canada: a Referendum on Trudeau, No.1
- Kozlov V.O., Bajak A.** Ideologization of US Congress Foreign Policy Discourse on China under Trump, No.3
- Kozlov, V.O.** Trajectories of the US-Chinese Decoupling in the Context of Escalating International Tensions, No.10

- Kupriyanov A.V.** Strategic Imperatives of India: from the Indian Ocean to the Indo-Pacific and Back Again, No.8
- Kuznetsov A.V.** Institutional transformations of the global financial architecture, No.11
- Kuznetsov N.M.** U.S. Diplomacy in the Era of Big Data: New Goals and Opportunities, No.3
- Lebedeva L.F.** The Biden Administration's Social Agenda, No.2
- Lukin V.V.** Russia and the USA in the Antarctic: Common Interests and Projects, No.9
- Ma Bin.** The Adjustment of the U.S. Central Asia Policy and its Impact on China's Silk Road Economic Belt, No.8
- Menshikova A.M.** Position of Joe Biden's Administration towards the World Trade Organization, No.7
- Mishchenko N.S.** USA Mobilizes an Ally: the French Case (December 1979-1980), No.4
- Panov A.N.** The Japanese-American Military-Political Alliance: Secrets of Longevity, No.12
- Pereverzeva M.V.** Portrait Genre in the Work of the US Photo Artists, No.6
- Perova M.K.** The United States: New Contours of the Supply Chain for Pharmaceuticals, No.2
- Poghosyan B.** Thirty Years of Interaction: The US Policy in the South Caucasus after the End of the Cold War, No.1
- Porokhovskiy A.A.** National Infrastructure as a Factor of U.S. Economic Development, No.6
- Prikhodko O.V.** Brexit Implications for the Transatlantic Relationship, No.3
- Prikhodko, O.V.** U.S. Sanctions Policy against Russia: Historical Experience and Contemporary Landscape, No.9
- Pupyshev S.V.** Lyndon B. Johnson's 1968 Failed Visit to the USSR and Breakdown of Détente, No.7
- Raikov Yu.A.** Russia and the USA in the Arctic: from Competition to Confrontation, No.1
- Revenko L.S., Soldatenkova O.I., Revenko N.S.** Food Systems in Canada: a Look Through the Lens of New Concepts, No.2
- Revenko L.S., Soldatenkova O.I., Revenko N.S.** Impact of the COVID-19 Pandemic on Canada's Food System, No.4
- Rogov, S.M.** Inequilateral Triangle: Russia-USA-China in the new geopolitical environment, No.8
- Rozhkov A.A.** The Influence of U.S. Domestic Policy on Shaping Russian-American Relations, No.5
- Samuylov S.M.** Defeat of the United States in Afghanistan and Escalation of Tensions in Central Asia, No.2
- Sautkina V.A.** The U.S. Healthcare System: In Search of a New Management Model, No.6
- Selyanin, Ya.V.** R&D Management System in the U.S.: the Case of AI-Related Projects, No.9
- Semenov V.L.** The Impact of the US Sanctions on the Venezuelan Economy, No.1
- Setov R.A.** Steps towards War. USA and Germany in 1938-1941, No.4
- Shchukina T.A.** Robert Lepage's New Stage Project in Moscow, No.7
- Shumilina I.V.** About the Paradox of Migrants Integration: Reasons without Sophism, No.5
- Shvedova N.A.** Gender Roles in the US: the Burden of the Coronavirus Pandemic, No.3
- Shvedova N.A.** The U.S. Family Today: "They Made a Choice for Us", No.5
- Shvedova N.A.** The U.S. Health: Lessons from the Coronavirus, No.11
- Silakov N.Yu.** Private Foundations in U.S. Foreign Policy, No.12
- Sindeev A.A.** Transformation of Transatlantic Cooperation: the Approach of the USA and Germany to Unity in NATO (1981), No.9

- Smirnov P.Ye.** Escalation of the Ukrainian Crisis and Formulating a New Strategic Concept of NATO, No.10
- Soldatenkova O.I.** Canada's Role in Shaping the Gender Agenda of Trade Agreements, No.6
- Soldatenkova O.I.** Modern Agriculture in Canada, No.12
- Solyanova M.V.** The U.S. Factor in Modern Canada's Foreign Policy, No.10
- Stepanov, A.S.** The U.S. Policy towards Southeast Asia: from Barack Obama to Joe Biden, No.8
- Studentsov V.B.** Virginia and New Plymouth Settlers' «Communes»: The Way It Was and Why, No.7
- Supyan V.B.** Biden's Economy: Results of the First Year of Presidency, No.5
- Surguladze V.Sh.** At the Epicenter of U.S. Intelligence Networks, No.6
- Surguladze V.Sh.** Value-behavioral Transformations of Generation I: the American Model for Russia and the Rest of the World?, No.1
- Surguladze, V.Sh.** Crisis of the Creative Economy: Socio-Political Risks of Urbanization and Economic Inequality of the Information Society, No.10
- Terebov O.V.** The administration of D. Trump and the shifts in U.S. Arctic policy, No.11
- Tischenko T.V.** Mechanisms for Implementing Projects Initiated by Civil Society at the Local Level in the United States and Canada, No.1
- Tolkachev S.A.** Industrial Policy and Reshoring: Bidenomics Replaces Trumponomics, No.1
- Travkina N.M.** Digitalization of Society: Alternative Projections of the Future, No.6
- Travkina N.M.** J. Biden Administration: Thorns and Roses of Return to "Normality", No.4
- Tretjukhin A.N.** Princess R., Churchill and others, No.1
- Trunov Ph.O.** German – U.S. Political Dialogue in 2021: Transition to the New Normality, No.3
- Trush S.M.** Crisis between Russia and Ukraine: the China Factor, No.8
- Tsibikov V.A.** The Afghan Direction of U.S. Policy in the Context of the Activities of Taliban Government, No.11
- Uyanaev, S.V.** India–U.S. relations: current state and external consequences, No.8
- Vasiliev V.S.** Economic Platitudes Raised to the N(-obel) Power (on the 2021 Nobel Prize in Economics), No.3
- Vasiliev V.S.** USA: Towards Digital Imperialism, No.5, No.5
- Volodin D.A.** Canadian Military Policy in 2022-d: Preliminary Results, No.11
- Voloshina A.V.** The US-China Relations and the Struggle for Global Technological Supremacy, No.8
- Vorobyev D.N.** From the Origins to Modern Relationships between the African American Community and the Republican Party, No.9
- Vykhodets R.S.** The AI Strategy of the USA and Canada, No.7
- Wu Yanbin.** The New Indo-Pacific Strategy of the USA: Challenges for China, No.7
- Wu Yanbin.** U.S. – Indo-Pacific Strategy in the Context of U.S.-China Competition: Threat Perceptions and Alliance Structure, No.2
- Yi Zhochao.** History of Mercenarism and the Framework for Operation of the U.S. Private Military Contractors: New Revelations for China, No.12
- Yuldasheva D.I.** Uzbekistan - US: A New Stage of Strategic Partnership, No.2
- V.S. Anichkina**, No.10

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русск., англ.), аннотация (русск., англ.), ключевые слова (русск., англ.), полная информация об авторе (русск., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.